

Актуальные проблемы политической теории и практики

Сборник лекций
Кафедры политической теории МГИМО

Выпуск 1

ФГАО ВО «Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Актуальные проблемы политической теории и практики

Сборник лекций
Кафедры политической теории МГИМО
Выпуск 1

Москва
«ЗНАНИЕ-СИЛА»
2018

УДК 327
БК 66.4
К 32

Рецензенты: кандидат философских наук А.А. Дегтярев; доктор политических наук, кандидат психологических наук, заслуженный работник высшей школы М.М. Лебедева.

Ответственные редакторы Г.Г. Водолазов, Б.И. Ананьев

Актуальные проблемы политической теории и практики: Сборник лекций кафедры политической теории МГИМО. Выпуск 1. / [Т.А. Алексеева и др.]; отв. ред. Г.Г. Водолазов, Б.И. Ананьев. — М.: АНО «Редакция журнала «Знание-сила», 2018. — 160 с. ISBN 978_5_9500410_2_0

Данное издание представляет собой сборник лекционных материалов Кафедры политической теории МГИМО МИД России. В основе сборника — лекции, читаемые сотрудниками кафедры в рамках базовых политологических дисциплин, таких как «Теория политики», «История политических учений», «Политическая психология», «Философские основания аналитической работы» и др. Лекции сгруппированы по смысловым блокам в соответствии с дисциплинами; при этом соблюден принцип движения от абстрактному к конкретному или, иначе говоря, от теоретических дисциплин к практикоориентированным. В целях придания сборнику живого характера, формат материалов не унифицирован, а в большинстве из них сохранен разговорный оттенок, что позволяет составить общее представление как о содержании лекционного материала, так и о педагогическом стиле сотрудников. Таким образом, сборник призван решить две основные взаимосвязанные задачи: обзорно познакомить читателя с особенностями преподавания политологических дисциплин одной из ведущих российских профильных кафедр, а также обратить внимание на важность теоретического знания в сфере политической науки, которое за счет соответствующей подачи материала в рамках лекции становится для студентов более ценным и усваивается в значительно более полном объеме.

Издание предназначено для сотрудников высшей школы, в той или иной степени связанных с преподаванием политологических дисциплин, а также для всех интересующихся политической наукой и подходами к ее преподаванию.

Тексты представлены в авторской редакции.

© АНО «Редакция журнала «ЗНАНИЕ-СИЛА», 2018.

© МГИМО МИД России, 2018.

© Коллектив авторов, 2018.

Оглавление

Вступление	4
К.Е. Коктыш Политический режим: особенности понятия, виды, способы функционирования. <i>Лекция в рамках курса «Теория политики»</i>	6
Д.А. Пареньков Легитимность политической власти. <i>Лекция в рамках курса «Теория политики»</i>	33
Б.И. Ананьев Психотипирование: политико-психологические аспекты. <i>Лекция в рамках курса «Политическая психология»</i>	48
Г.Г. Водолазов Марксизм как философская и политтеоретическая школа. <i>Лекция в рамках курса «Теория политики»</i>	68
А.А. Чанышев Кант и Фихте: Теоретико-мировоззренческие основания концепции «вечного мира». <i>Лекция в рамках курса «История политических учений»</i>	93
И.Д. Лошкарёв Политическая философия миграции? <i>Лекция в рамках курса «Диапоры в мировой политике»</i>	106
А.П. Минеев Политическая идентичность: виды, проявления, формирование. <i>Лекция в рамках курса «Политический менеджмент»</i>	121
Т.А. Алексеева Как подготовить аналитическую записку по международным вопросам? <i>Лекция в рамках курса «Философские основания аналитической работы»</i>	138
Информация об авторах	159

ВСТУПЛЕНИЕ

В условиях ускорения общественно-политических процессов происходит сжатие времени: нам все сложнее видеть большую картину происходящего, все сложнее работать с моделями, где есть множество «но» и «или». Но задача науки, равно как и образовательного процесса во многом заключается как раз в том, чтобы преодолеть сиюминутную конъюнктуру, чтобы уяснить и объяснить наблюдаемое и ненаблюдаемое с надлежащими оговорками и допущениями.

Для того чтобы эту задачу выполнить, Кафедра политической теории МГИМО МИД России пошла на необычный шаг — попыталась пригласить как можно больше зрителей (в старой университетской традиции — вольных слушателей) на свои лекции, где осмысляются и обсуждаются ключевые проблемы политической науки. Для нас важны дискуссия и диалог; мы не боимся и, в известном смысле, провоцируем критику — именно для этого создавался данный сборник.

Мы постарались взять лекции в максимально нетронутом виде из лекционных залов на страницы этого сборника. Некоторые тексты — это либо стенография, либо печатная версия записанного на диктофон. Многие курсы читаются преподавателями кафедры уже много лет и даже десятилетий, некоторые курсы, наоборот, экспериментальные и вызывающе новые. Это даст читателю представление о том широком круге проблем, которыми профессионально и небезуспешно занимаются сотрудники Кафедры политической теории МГИМО.

Вторая важная задача сборника — систематическое представление теоретического знания как такового. К большому сожалению, можно констатировать факт массового появления и распространения изданий с претензиями на теоретическое значе-

ние и априорную научную ценность. Но зачастую в этих работах собственно теоретического знания нет, есть лишь некоторые малосвязанные и нередко ошибочные обобщения. Это вызвано недостатком навыка формирования исследовательской стратегии, отбора материала, выстраивания линии аргументации и формулирования выводов.

Чтобы достичь успеха в области политической науки и практики, нужно не только знание теорий (это, само собой разумеется), но и теоретическое мышление — умение подняться на высоту абстракции так, чтобы мозаика анализа складывалась целиком, без лишних или недостающих деталей. Мы надеемся, что сборник вызовет оживленную реакцию коллег и наших студентов, позволит по-иному, с большей осмысленностью, взглянуть на значение теоретического знания и теоретического мышления, а также — на Кафедру политической теории МГИМО.

*Г.Г. Водолазов, Б.И. Ананьев
май 2018 года*

К.Е. Коктыш

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ:
ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЯ, ВИДЫ,
СПОСОБЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Лекция из курса «Теория политики»

Здравствуйтесь, присаживайтесь! Итак, прошлая лекция была про политические идеологии. Давайте сегодня проговорим про *политический режим*: что это такое, как он функционирует и вообще, для чего нужно это понятие. Вы наверняка знаете такие термины, как авторитарный режим, там демократический режим, тоталитарный режим. А что они означают и чем они отличаются, как вы думаете? Какие есть версии?

— Степень свободы?

— Не подтверждается. Берем Исайю Берлина, создавшего наиболее полную антологию концепций свободы. Цитирую по памяти, что демократический режим может развязать самую ужасную тиранию, в то время как либеральный деспот может установить такое правление, что его подданные будут наслаждаться более чем достаточной степенью свободы. Иными словами, понятия «свобода» и «режим» не коррелируют друг с другом, они — про разные аспекты политического. Еще версии?

— Степень контроля государства над обществом?

— Но если демократический режим может установить тиранию, то и степень контроля демократического режима над повседневными практиками общества логичным образом может быть гораздо выше. Тогда о чем все же эти термины — *авторитарный, демократический, тоталитарный*?

— Разные типы оппозиции?

— Ну, если пытаться из кодификации оппозиции выводить понятие режима, то это будет как минимум избыточно. И —

мимо цели, «режим» — это все-таки про власть.

— Методы управления?

— Методы могут быть примерно одинаковыми; опять же смотрим то же утверждение Берлина о том, что в одном случае методы могут быть гораздо более жесткими, если речь о демократии, а в другом случае — гораздо более мягкими.

— Степень политического участия?

— То есть в первую очередь явку на выборах? Но если брать уровень явки за критерий, то в сталинской реальности явка была, как правило, на уровне 99%. Достаточно ли этого, чтобы квалифицировать сталинский режим как демократию?

— Количество кандидатов на выборах?

— Количество кандидатов? Пожалуйста! Но берем ситуацию, когда несколько кандидатов конкурируют — а она оказывается совершенно имитационной. И что это нам дает в плане понимания сущности режима? Ведь если некий термин существует, то он как минимум должен описывать какие-то свойства политической системы. О каких же ее характеристиках и что мы можем сказать на основе предложенных вами критериев, что мы можем понять и уяснить? Пока мы их можем применить к слишком широкому — и в силу этого взаимоисключающему — спектру случаев. Какие еще есть критерии? Или мы приходим к выводу, что термин режим бессмысленный, потому все предложенные характеристики могут быть с успехом использованы разными типами режимов. Либо все же есть что-то, что мы не рассмотрели? И есть какая-то сущностная характеристика, которая достаточно важна для понимания, что такое политический режим?

— Плановая экономика?

— Каким образом?

— Она свойственна авторитарным режимам.

— То есть, в Соединенных Штатах, где сегодня во многом плановая экономика, поскольку их ВВП на сегодня обеспечивается разного рода кооперацией более чем с 30-ю разными странами (а такие потоки без некоего плана регулировать невозможно), сегодня авторитарный режим, не демократический? Опять же, если учитывать специфику устройства мира по-американски, специфику *Rex Americana*, то стихия рынка —

это нечто давно минувшее, пройденный этап. Еще версии? Вопрос же о тривиальном, о повседневном. Мы часто говорим «политический режим», но что это такое, и какую часть политической реальности мы таким образом описываем? Какие еще мысли есть?

— Независимость судебной власти?

— Исторически судебная власть является функцией либо власти исполнительной, либо властью нормативной; концепт ее независимости относительно свеж. Разделение властей? Но любой авторитарный режим вам продемонстрирует замечательное разделение властей, которое будет существовать, как минимум, на бумаге. С другой стороны, если мы берем разделение властей на практике, то сейчас практически везде мы найдем серьезные проблемы. Даже в Соединенных Штатах эта система, как вы видите, сейчас дает весьма сильные сбои.

— Разная роль групп интересов?

— Это теплее. То есть если мы предположим, что политический режим осуществляет некую функцию, а значит, производит некий политический продукт — то как мы его назовем? Режим — это про исполнительную власть, так? Какой продукт она генерирует?

— Идеология?

— Идеология — это нормы и правила, вряд ли ее генерирует только исполнительная власть. А что же она генерирует непосредственно в качестве своей главной функции?

— Отношения между государством и обществом?

— Это немножко шаг в сторону. Отношения между государством и обществом всегда будут иметь место: они могут строиться по — разному. Смотрим теорию социального контракта Хиршмана: они могут строиться по трем возможным типам. Ситуация, когда население протестует против любого действия государства, которое оно полагает ущемляющим для себя, называется «*voice*», голос; ситуация, когда оно демонстрирует лояльность и полагает власть лучшей из возможных, называется «*loyalty*», а ситуация, когда население получает достаточно хорошую социальную компенсацию, и в обмен на нее оставляет политику в распоряжении государства, не вмешиваясь туда и полагая, что социальный контракт приемлем,

называется «*exit*», исход. Но проблема в том, что все три типа контрактов довольно легко можно найти в каждом из типов режимов. Но давайте вернемся к мысли о главном продукте исполнительной власти. Какой он? Как его назвать?

— Управление?

— Ок, как реализуется управление? Через что?

— Решения?

— Наконец-то! Власть организуется вокруг двух полюсов — это принятие решений, и формирование правил принятия решений, то есть норм. Так вот, главный продукт, который производит режим, называется решениями. Теперь давайте посмотрим на одну вещь: а имеет ли значение, какое количество людей принимает решение? Будут ли решения разными в зависимости от ширины круга его принимающих? Любые решения, как мы помним, редуцируются к модификации процесса изъятия и перераспределения ресурсов, поскольку любая политика строится на основе бюджета. Таким образом, любое решение в основе своей имеет некую ресурсную компоненту; оно о том, откуда убрать и куда добавить. Мы с вами говорили на первых занятиях, что в этом срезе политика, на первый взгляд, может выглядеть как достаточно скучная бухгалтерская деятельность. Государство регулирует ресурсный поток: что и у кого изъять и на что изъятые потратить. Но собственно этот процесс и является главной компонентой политики. И от балансировки зависят сферы выгодного и невыгодного, сферы интересного и неинтересно, сферы перспективного и не перспективного, и так далее. Студент, выбирая вуз и специальность, по факту исходит из презумпции, что к моменту его выпуска структура процесса изъятия и распределения будет примерно такой же, как и на момент поступления. Это позволяет ему полагать, что получив знания и специальность, он, как минимум, не проиграет тем своим сверстникам, которые избрали другие сферы приложения своих сил. Иногда это может меняться. Самый яркий пример — это постсоветский период, когда огромное количество инженерных специалистов, совершенно блестящих, оказались не у дел и без жизненной перспективы, хотя, когда они поступали, они рассчитывали на совершенно иную степень своей востребованности. Что изме-

нилось? Изменился процесс изъятия и перераспределения, изменилась та самая политическая бухгалтерия. Так вот, любое решение — это решение о реаллокации ресурсов, а соответственно, и о модификации процесса изъятия и процесса распределения. Так вот, вопрос: будут ли меняться решения в зависимости от того, какое количество людей может их принимать? Играет тут количество какую-то роль, либо не играет?

— Хорошо. Тогда в одном случае мы имеем одну группу интересов, которая и принимает решения, в другом — несколько конкурирующих групп, в третьем — множество таких групп. Что будет зависеть количества групп, вовлеченных в этот процесс?

— Быстрота принятия решений.

— Быстрота, хорошо, что еще?

— Справедливость?

— Справедливость в каком смысле? В плане баланса интересов? А как тут найти точку отсчета? Скажем, если число участников процесса принятия решений невелико (ограничено парой-тройкой групп интересов), то логично предположить, что любое принимаемое решение будет в первую очередь в ее интересах и, более того, наверняка оно будет реализовано за счет ресурсов непредставленных групп, неважно, в формате прямого изъятия, или в формате упущенной выгоды. Такое решение в краткосрочной перспективе, безусловно, несправедливо для непредставленного большинства, но это вовсе не исключает возможности того, что в долгосрочной оно может оказаться и справедливым, и выгодным для всех. Напротив, если круг участников процесса максимально широк, то решение в краткосрочной перспективе, возможно, будет абсолютно справедливым, поскольку будет учитывать интересы всех, но при этом может оказаться максимально неэффективным, т.е., по сути, имитационным. Ведь невозможно представить, чтобы та либо иная группа интересов добровольно согласилась на большие издержки и меньшие прибыли для себя лично. Мы ведь помним, что любое решение — это решение об изменении баланса изъятия и распределения, а соответственно, оно и о том, за счет кого оно будет осуществлено, так? И такое решение в долгосрочной перспективе может оказаться несправедливым

тоже для всех — в случае, например, если речь идет об упущенных возможностях. Поэтому с линейным применением критерия справедливости у нас тут явные проблемы.

Давайте попробуем посмотреть на вопрос немного с другого ракурса. Возьмем классическую схему принятия решения и посмотрим, будет ли у нас там разница в силу различного количества включенных в процесс групп интересов. Мы исходим из того, что в одном случае у нас большое количество участников процесса, во втором — малое. Какие стадии принятия решений мы можем выделить? Первая стадия — рефлексия вызова, то есть понимание того, что нечто случилось, возникла некая проблема, которая требует принятия решений. В каком случае эта рефлексия будет более легкой и, соответственно, дешевой, а в каком — более затратной и сложной? Назовем систему с минимальным количеством участников процесса принятия решения авторитарной, а систему с максимальным количеством участников — демократической. Так где рефлексия вызова будет более затратной?

— В демократической!

— Логично. В демократической системе существует достаточно большое количество конкурирующих аналитических структур, занятых ранней идентификацией вызовов, проблематизацией, и т.д. В авторитарной системе таких структур будет мало, и все они будут из списка авторизованных властью. То есть, в одном случае у вас на это тратится большое количество ресурса, инициативно расходуемого «снизу», во втором случае — все достаточно просто: возникла какая-то проблема — есть поручение сверху кому-то конкретному разобраться в том, что произошло. В одном случае мы имеем конкуренцию за то, чтобы отрефлексировать вызовы, ресурсные и временные затраты, в другом случае — неконкурентную среду, но достаточно быстро подготовленный анализ.

Вторая стадия какая? Выработка альтернатив, правильно. На этом этапе возникает пул возможных решений со своей ценой и своей же эффективностью. Где это будет более затратно: в демократическом случае или в авторитарном? Согласен, в демократическом, поскольку для выработки альтернатив могут создаваться конкурирующие структуры в виде think

tank'ов, комиссий при парламенте и т.д. В итоге возникает несколько трудно совместимых альтернатив, процесс сращивания которых — даже не синтеза — съедает довольно много ресурсов. В авторитарном же случае альтернатива, скорее всего, будет одна, максимум их будет две. Следующая стадия какая? Да, это собственно принятие решения, то есть выбор альтернативы. Где он обойдется дешевле? В демократическом или в авторитарном случае?

— В авторитарном!

— Согласен, в авторитарном, по той простой причине, что решение принимается по принципу «начальник всегда прав». В демократическом, соответственно, существует конкуренция множества альтернатив, и для выбора альтернативы часто приходится создавать затратную и малоосмысленную процедуру. В итоге из изначально эффективного решения получается нечто среднее, результирующее. А следующий этап какой? Да, правильно, мобилизация ресурса. Поскольку любое решение — это решение о каком-то изъятии и перемещении ресурсов из одного кармана в другой, то и осуществить его можно, только саккумулировав соответствующий ресурс. Он будет стоить примерно одинаково в обоих случаях: и в демократическом, и в авторитарном.

Далее у нас идет реализация решения. Где оно обойдется дороже? Да, дороже оно будет уже в авторитарном, поскольку в демократическом случае власть и общество уже договорились о том, зачем и почему это решение нужно, а в авторитарном случае оно реализуется вне проговоренной логики. Вследствие этого возникает дефицит мотивации, и необходимость компенсировать его теми либо иными инструментами принуждения, что всегда дороже. Наконец, оценка результата. Где она обходится дешевле?

— В демократическом, наверное?

— Согласен, в демократическом. В этом случае у исполнителя есть огромное количество конкурентов, каждый из которых будет стремиться указать на все его возможные промахи и подловить на любой возможной мелочи. Оценка эффективности в демократическом случае проста и незатратна. А вот в авторитарном случае это отнюдь не тривиальная задача, начиная

уже с той простой причины, что никто не хочет приносить падишаху плохие новости.

Авторитарному режиму приходится искать внешних консультантов, не включенных во внутренние расклады, уже хотя бы потому, что любой потенциально щекотливый вопрос, будучи заданным внутри страны, в лучшем случае может превратиться в средство сведения счетов между различными группами интересов, а в худшем — в демонстрацию уязвимости власти населению. Поэтому оценить правильность принятого решения в авторитарном режиме — это всегда совсем не тривиальная и важная задача, связанная с существенной тратой ресурсов, нежели в демократическом случае, где эта задача, по сути, бесплатна для государства.

Теперь давайте посмотрим на качество принимаемых решений. В рамках полученной нами выше ресурсной парадигмы мы получаем распределение издержек: для демократического режима они выше вначале и ниже в конце; для авторитарного — наоборот. Но в среднем, мне кажется, расходы могут быть сопоставимыми для обоих случаев. Но тогда существенен вопрос о качестве решений, принимаемых в одном и во втором случае. Давайте это рассмотрим.

Предположим, что вам нужно решить некую впервые появившуюся проблему, которой раньше не было. Ну, например, это проблема ликвидации последствий стихийного бедствия, которая требует изыскания в неплановом режиме существенных ресурсов, скажем, жилья для пострадавших. И встает вопрос: за счет чего или кого вы можете решать эту проблему? Все хотят, чтобы проблема была решена, но при этом никто не хочет, чтобы за его счет. В случае авторитарного режима вы принимаете решение достаточно быстро, оно наверняка эффективно, и проблема решается — хотя справедливость изъятия ресурсов на ее решение может оставаться под вопросом. Но, что важно: проблема на самом деле будет решена. В случае демократии принятие решения может потребовать больше времени, но при этом оно вполне рискует оказаться неэффективным, ведь ваша главная задача — это не решение проблемы, а минимальное ущемление всех заинтересованных групп. Соответственно, главное — не победа, а участие. В результате мы

получаем две несколько разные реальности. В одном случае у нас получается система, которая может принимать эффективные решения, которые меняют реальность. Во втором случае у нас получается система, которая имитирует принятие решений, а по большому счету воспроизводит статус-кво.

Тогда вопрос, а для чего тогда нужна вторая система? Если в рамках авторитарного режима возможно вполне эффективно принимать самые разные решения, то зачем тогда нужна демократия? Или, давайте сформулируем вопрос по-другому: когда и в каком случае будет запрос на максимальную демократичность режима, а когда — на его авторитаризацию? На самом деле это зависит от оценки обществом состояния дел: если наличествующая реальность полагается вполне приемлемой, а по сравнению с соседями — даже очень хорошей, то запрос к власти будет артикулироваться очень просто: ничего не менять, воспроизводить то, что есть. А вот когда реальность полагается достаточно скверной, то соответственно и возникает запрос на ее улучшение, то есть на эффективные действия власти. В этом плане мы можем вспомнить, как читать социологические опросы: если первое лицо в одном случае имеет поддержку на уровне 80%, а в другом — 30%, то эта разница не в легитимности (она есть в обоих случаях), а в общественном запросе. Так, 30% поддержки будет означать «продолжайте, но ничего не ломайте». А для этого первому лицу вовсе не нужны серьезные полномочия; скорее, наоборот, нужно осознание их ограниченности. А 80%, наоборот, будут означать развязанные руки, сильный запрос на перемены, и мандат на трансформацию системы. Да, легитимность в обоих случаях будет разная: во втором случае это будет позитивная легитимность по Веберу, когда власть полагается лучшей из возможных, а в первом — негативная легитимность по Сергееву, когда власть полагается лучшей из худших. Иными словами, второй вариант предполагает ситуацию, при которой у общества к власти существует достаточно большое количество претензий, но при этом есть и понимание, что наличествующие альтернативы — это еще хуже. Поэтому пускай уж лучше остается эта власть.

Если мы вспомним Дюмезиля и три символические фигуры, на взаимодействии которых и строится политика, — фигуры

вождя, жреца и купца, — какая из фигур в каком типе режима заинтересована, как вы думаете? Кто, скажем, генерирует сильнейший запрос на демократический режим? Вождь, жрец, купец?

— Купец.

— Купец, почему?

— Он может влиять на власть!

— На самом деле у купца появляется гарантия того, что власть не будет вмешиваться в его дела, и в случае чего не сможет его экспроприировать просто так, без серьезных для себя последствий. Он получает достаточное собственное суверенное пространство, а власть имеет существенное количество ограничений, что немаловажно для купца на случай, если он вдруг он с властью поссорится. Вождь будет тяготеть к авторитарному режиму, это понятно, это означает максимум полномочий и возможностей для него, а вот фигура жреца тут будет нейтральная — его вполне может устроить и одна, и вторая реальность. Ему важна целостность и всеохватность нормативного пространства, а регламентируют нормы доминирование вождя либо купца — расклад для жреца ситуативный.

Итак, как мы видим, понятия «плохо» или «хорошо» трудноприменимы к описанию режимов: ни одна, ни другая крайность не являются ни «хорошим», ни «плохим». В случае, если нужны перемены и развитие, возникает запрос на авторизацию, то есть на централизацию процесса решений и повышение их эффективности; в случае же, если достигнутые высоты полагаются вполне пристойными и достаточными, возникает запрос на демократизацию. Это вполне может быть выражено через метафоры пути и привала, когда есть время идти, но есть время и отдохнуть. Иными словами, режим — это способ управления, и в этом плане термин вполне корректен — по той простой причине, что его можно и нужно менять, сдвигая в ту либо иную сторону, в зависимости от общих обстоятельств. И, соответственно, если вчера одно полагалось хорошим, а второе плохим, то завтра может быть все наоборот.

В этом плане совершенно замечательным объектом для наблюдения является сегодняшний Китай. Еще полгода назад Китай на уровне самоосознания «верхнего среднего класса»,

что называется «*upper middle class*», демонстрировал вполне либеральные ценностные установки, и вполне «трансатлантическую» мировоззренческую систему координат, где единственно возможным миром мыслился Pax Americana. Лучшей иллюстрацией тому была высокая популярность в Пекине детских садов с ранним обучению английскому, где цена могла доходить до 500 долларов в месяц, что, согласитесь, довольно дорого для трат, которые можно классифицировать исключительно как отложенную инвестицию, никак не связанную с сиюминутной прагматикой. Но вот прошел XIX съезд КПК, сократилось количество групп, интегрированных в процесс принятия решений, т.е. режим несколько сдвинулся от демократического к авторитарному: изменилась система ценностей. Теперь главным знанием, которое дает детям жизненную перспективу, является знание великой китайской культуры — от древности до современности, и осознание Китая в качестве центра ряда глобальных процессов. Понятие «плохо» и «хорошо», как мы видим, существенно скорректировались за весьма короткий промежуток времени, но мудрость китайского руководства в том, что и для населения, и для внешнего мира названия основополагающих вещей остались теми же самыми. Это блестящий пример правления символической фигуры жреца, в роли которой в Китае выступает КПК.

К вопросу о секретах трансформации: такие вещи, как онтология и система ценностей, т.е. системообразующих метафор, большей частью выраженных через религию и идеологии, всегда лучше не ломать, а развивать, наполняя новыми смыслами. Еще Макиавелли говорил, что нет дела более неблагоприятного и непредсказуемого, нежели пересмотр обычаев и устоев. В качестве иллюстрации, Горбачев в свое время объявил, что тормозом развития и проблемой является не что иное, как советская идеология. Идеологию сокрушили, и на какое-то время остались без ценностей вообще, а затем быстро рассыпалось и все остальное. Это на самом деле вполне логично: если у вас на столе стоят два стакана, один полный воды, другой — пустой, и вам нужно перелить воду из одного стакана в другой, что вы делаете? Берете, разбиваете полный стакан и ждете, когда вода собирается по второму?

Глупо звучит, так? Но ведь с отказом от системообразующей идеологии именно это и происходит: вы разбиваете полный стакан, и в итоге имеете лужу воды на столе и второй пустой стакан, в который уже ничего не налить. Для сравнения — китайская трансформация. Когда возникла необходимость реформ Дэн Сяопина, партия без проблем смогла объяснить обществу, что коммунизм — это еще и мелкая частная собственность. Потом столь же успешно объяснили, что коммунизм — это еще средняя частная собственность, а затем — что это и крупная частная собственность тоже. Но, что существенно, население все это время жило и живет в непрерывном времени, формально при той же коммунистической системе ценностей, вследствие чего полностью сохраняется управляемость и непрерывность истории. Точно так же, не отрицанием, а развитием собственной идеологии стал и нынешний маневр Китая от западного либерализма обратно в сторону китайского социализма, осуществленный менее чем за год серией точечных решений: население продолжает жить при том же коммунизме, для него ничего не изменилось в плане идеологии, в плане ценностей.

Но это что касается систем, где доминирует символическая фигура жреца, которая, сохраняя контроль, может менять баланс между купцом и вождем, тем самым обеспечивая развитие. Но давайте рассмотрим более частный случай, когда арбитра, регулирующей фигуры, внутри системы нет. За счет чего тогда она будет балансироваться? Рассмотрим исторический пример, как могут формироваться идеи демократического режима, авторитарного режима, и как они могут себя легитимировать. Логика тут может оказаться более прозрачной и наглядной, нежели представляется на первый взгляд. Давайте рассмотрим нечто всем хорошо знакомое, например, историю Древнего Рима. Ведь изначально Древний Рим что собой представлял? Все помнят историю?

Ромул и Рем, как известно, основали новый город, собрав его из разноплеменной молодежи. Говоря нынешним языком, из того маргинального сброда, который можно было подобрать, по той простой причине, что все нормальные были благополучно укоренены у себя на территориях. Ведь человек

решается на странствие тогда, когда на родине по большому счету искать нечего, правильно? Иначе говоря, собралось некоторое количество авантюристов. И единственное, что их родило — это культ бога Маурса, нам известного уже в качестве Марса, вполне жестокого бога войны. То есть это было объединение выходцев из трех, насколько можно судить по историческим источникам, разных групп, которые решили, что грабить соседей для них будет безопасней и гораздо выгоднее, нежели воевать друг с другом. Это предположение на поверку оказалось справедливым: их соседи оказались, с одной стороны, достаточно податливыми, а с другой — достаточно богатыми. Стратегия военного кулака оказалась успешной, и система начала работать, начала приносить ресурсы, в результате чего в Риме установился в качестве основного военно-экономический способ воспроизводства.

Централизованная военная власть — это всегда фигура вождя, в римском случае — царя. И, казалось бы, Рим должен был пойти по вполне традиционному пути, когда вокруг фигуры царя формируется процесс ресурсного перераспределения, вследствие чего его власть укрепляется и обрастает все новыми и новыми функциями. В этом плане ситуация в Риме могла оказаться сходной с огромным количеством иных царств.

Но, к счастью или к несчастью для Рима, ключевой для его дальнейшей судьбы оказалась география. Его соседи оказались податливыми, и расширение Рима в результате стало концентрическим. Это диктовало новый вызов. Ведь если у вас военные походы идут по всему радиусу вашего царства, и оно в результате интенсивно расширяется, то что вы должны будете делать с военной силой? Правильно, вы будете ее дробить, когда одна армия идет на север, другая — на юг, третья — на восток. Соответственно, у вас образуется уже не одна централизованная, а несколько автономных армий. И в результате де-факто возникает понижение статуса царской власти, поскольку царь оказывается не единственным, а одним из полководцев. И перед ним возникает тяжелый выбор: не ходить в военные походы нельзя, там решаются судьбы Рима, добывается жизненно важный ресурс, который нельзя оставлять без контроля, но и сто-

лицу оставлять без внимания нельзя. В результате приходится дробить власть, и кого-то оставлять на время своего отсутствия. Безопаснее для власти, если это будет коллективный институт, а не отдельно взятый человек. И какой институт тогда возникает — по легенде, его создал еще Ромул?

— Сенат?

— Да, Совет старейшин, то есть сенат. Совет старейшин собрали достаточно быстро, но опять же изначально это очень типичный орган, классический совет, который должен следить, наверное, только за одним — за справедливостью раздела военной добычи, чтобы каждый воевавший получил свое. И он набирается из тех людей, кто уже более-менее укоренен. Патриций от какого слова происходит?

— Отец!

— Да, отец. В сенат вошли те, кто мог указать своих законных отцов. Вот тоже маркер того, почему изначально в Риме был сплошной сброд. По свидетельству историков, того же Плутарха, сделать это могли очень немногие. Но, по большому счету, почему были важны те, кто мог указать своих отцов? Это значит, что уже некое накопление богатства произошло, правильно? Ведь если вы грабите кого-то, то на следующем этапе вы заинтересованы в том, чтобы не ограбили вас, правильно? Вам важно, чтобы вы уже полагались законным собственником, и могли далее эту собственность уже передавать по наследству. Соответственно, если перейти на ресурсное измерение, то те, кто смог накопить уже достаточно ресурсов как минимум на протяжении двух поколений и образовали Сенат, то есть правящую верхушку.

Изначальная функции сената — делить добычу. Но по мере развития и расширения Рима значение царя де-факто понижается, поскольку царь наравне с другими полководцами сдает добычу сенату. Далее сенат ее уже распределяет, то есть и царь и другие полководцы уже получают свою долю от сената. И при этом, что очень важно, сенат с самого начала становится наследственным, то есть войти туда уже невозможно. Вход в нобилитет открылся на какой-то короткий исторический период, сенат укомплектовался, и двери уже закрыты, новая аристократия возникла и начала крепнуть. Ситуация развивается

дальше, география продолжает оказывать свое влияние, походы продолжают быть успешными, богатства копятся, и естественно возникает противоречие между сенатом и царем: кто главнее? Царь постоянно в походах, а сенат сидит на месте, и сидит он на кассе. Логичным образом у сената возникает очень понятный соблазн узаконить себя — правильно — в качестве главного органа. И это достаточно быстро случается при царе Тарквинии Гордом, когда был найден повод для того чтобы его не пустить в город и изгнать. Иными словами, говоря в сегодняшней терминологии, сенат объявил себя главным акционером проекта под названием Рим, прогнал царей, а полководцы превратились в наемных военных менеджеров, задачей которых было обеспечение потока добычи, которая затем централизовано распределялась. Кстати, это очень интересное узаконивание распределения, которое приняло формат института гражданства. Что означало быть гражданином? Два пункта было изначально. Если ты гражданин Рима, то на что ты имеешь право и что ты обязан?

— Право на добычу?

— Если ты гражданин, ты обязан воевать по мере сил и возможностей, но при этом ты имеешь право на долю в добыче в независимости от того, участвовал ли ты в конкретном походе, либо нет. К вопросу о разделении властей, рядом с сенатом тут же возникает еще один орган, который, соответственно, оценивает добычу, чтобы было все совсем чисто и честно. Как вы думаете, какой институт оценивал добычу и определял долю каждого гражданина? Могу подсказать, что это были девушки, которым было запрещено выходить замуж. Весталки, конечно. То есть, весталки были в первую очередь главными и незаменимыми оценщицами. Понятно, почему было запрещено выходить замуж? Да, чтобы дележ был непредвзятым и коррупционные мотивы в виде личной заинтересованности были бы исключены. По римским законам весталка, которая вступала в отношения с мужчиной, тут же подвергалась казни, поскольку под угрозой оказывался краеугольный для Рима процесс непредвзятой оценки. Весталки должны были быть не заинтересованными ни в доле добычи, в силу чего и могли делить ее абсолютно честно и абсолютно точно. Можно сказать,

что на этом этапе республиканский Рим, по сути, стал демократией и вошел в стадию поддержания весьма комфортного для всех статус-кво. Но такое положение, построенное на постоянной экспансии, не бесконечно. Рим продолжает весьма динамично расширяться, и богатые соседи оказываются уже на приличных расстояниях; каждый поход требует высокой концентрации сил, и наемные полководцы располагают уже серьезной военной силой. А что сенат делает, чтобы полководцы не осуществили переворот и не поставили вопрос об изменении порядка вещей? Какая модель по этому поводу возникает? Как, кстати, называется в Риме наемный военный менеджер?

— Консул.

— Консул, абсолютно правильно. Но консулов минимум два. Каждый имеет свою долю войск; третье войско, сопоставимое по силе с тем, что есть у консула, всегда остается в Риме — там как минимум всегда стоит один легион. При этом каждый из консулов изначально избирается только на год, что выглядит даже смешно: слишком короткий срок, да? А для чего только на год? Правильно, чтобы не договорились друг с другом. Потому что сенат всегда понимал, что если консулы смогут договориться друг с другом, то они могут повести войска и на Рим, и довольно последовательно выстраивал свою систему издержек и противовесов: собственно, ее идея и была взята отцами-основателями США, творившими под коллективным псевдонимом Публия, именно из истории республиканского Рима.

И эта система более-менее успешно работает, но опять же, работает — если исходить из наших представлений о результатах — несколько странно. Да, в Риме демократия, правда, она называется республикой. Республика, как вы помните — это «народное дело», *res public*, но, как вы думаете, когда практически все архитектурные шедевры Рима, по которым мы его и помним, были построены? В период республики? Нет, они были созданы либо в период царей, либо в период императоров. В период же республики, самое смешное, не было построено практически ничего. «Народного дела» в архитектуре не оказалось. Да, республиканский Рим был деревянным, при том что богатства весьма успешно копились. И, кстати говоря,

если вспомнить про священный дух Рима, про республиканские добродетели, которые вдохновляли многих и многих литераторов и художников позднейших времен, то тут, наверное, будет очень типичной история одного полководца, которого звали Марк Порций Катон, который выбился наверх, по сути, из плебса.

Ему крупно повезло в начале карьеры, поскольку как раз тогда в военном походе погибло довольно большое количество аристократов и, соответственно, открылись карьерные места и перспективы. В начале пути он абсолютный бессребреник, чистый республиканец и борец с коррупцией. Свою первую компанию по борьбе с коррупцией он начинает, когда ему не было еще 30 лет: тогда его послали квестором, говоря сегодняшним языком — помощником по финансам Публия Сципиона (потом получившего титул Африканского) в военный поход в Африку. Но еще не дойдя до Африки с юга Италии, где комплектовались войска, Марк Порций Катон пишет донесение в Рим, что Сципион увлекся театрами и вместо того, чтобы готовиться к походу, погряз в праздной роскоши и дорогих развлечениях. Рим отнесся к доносу серьезно и выслал целую комиссию, которая, впрочем, не нашла в действиях Сципиона ничего предосудительного, и оказавшегося в конфликте с начальством Катона оттуда отозвали. Похоже на сегодняшние политические реалии, так?

Далее Марк Порций Катон участвует в разных походах и особо отличается в походе в Испанию, где его бессребреничество приобретает уже совершенно гротескные формы. Когда его сменяют в качестве консула, он берет и распределяет свою долю добычи среди своих солдат, а затем даже отказывается погрузить на корабль своего коня, мотивируя это тем, что не хочет отягощать платой за перевозку коня сенат. Согласитесь, это уже запредельное бессребреничество, так? Но если посмотреть внимательно, то все становится логичным и понятным — раздачу своей доли он осуществляет, когда выяснилось, что на смену ему консулом в Испанию едет тот самый Публий Сципион Африканский, с которым он поссорился за 15 или 20 лет до этого. Далее, я полагаю, уже все понятно. Катон, резонно предположив, что Сципион начнет копать под него и попыта-

ется его дискредитировать, попросту ликвидировал всю возможную доказательную базу. Как можно судить героя, который все раздал? Наверное, Сципиону этого очень хотелось бы — но это оказывается попросту невозможным.

Почему я столь подробно на этом персонаже остановился? Да, Марк Порций Катон отличился и после. Когда он был назначен цензором в Риме, первое, что он сделал, — начал снос незаконных торговых построек, причем сносил он не только их, но даже и те части домов аристократии, которые заходили на общественное пространство. Римлянки его полюбили особо, поскольку он, помимо всего прочего, стал регламентировать и то количество украшений, которые они имели право публично надевать, что было крайне радикальной мерой. Неудивительно, что при любви плебса у зажиточных римлян он вызывал всеобщее и тяжелое негодование. Так вот, я бы не останавливался на этом столь подробно, если бы не пенсионная карьера Марка Порция Катона. Как вы думаете, когда он отошел от дел и ушел на покой, чем он занялся? Достойный республиканец, носитель республиканских идеалов, светоч Рима, бесребреник? Ростовщицеством. Да, он нашел себя в ростовщицестве. При этом он построил бизнес не только на своей клиентелле, которой он выдавал кредиты главным образом под морские походы (что всегда было высокорисковым), но даже и на своих рабах. Он кредитовал их с тем, чтобы они покупали других рабов, которых можно было обучить и через год перепродать с прибылью. Бизнес был поставлен с размахом. И вот тут возникает вопрос: а какая часть жизни у него была лицемерной, а какая настоящей, первая или вторая? Ведь получается, что в первой части жизни он демонстрировал наличие всех возможных добродетелей для того только, чтобы попасть в элиту. А когда необходимость в этом отпала, выяснилось, что смысл его жизни на самом деле был совсем в ином, и это иное как-то слабо коррелирует с республиканскими добродетелями.

В этом плане тут возникает проблема, которой мы потом будем еще касаться: а каким образом можно выстроить идеологию и ценности в обществе при процедурном типе интеграции? Это отдельная тема — она достаточно сложна. Пока

просто отметим, что в ситуации, когда вы собираете разрозненные племена — с чего начинался Рим — как вы можете договориться об общей картине мира? Никак не можете; у каждого она уже есть своя. А можете ли вы договориться об общих ценностях? Опять же, они у каждого свои. Но разве мешает это совместным и высокоприбыльным походам? Нисколько. Тогда единственное, о чем вы можете договориться, и о чем должны договориться ради успешной кооперации — так это о процедуре, т.е. об общепринятом минимуме правил. И первая процедура, которая собственно говоря, и структурирует тот же Рим — это принцип *dura lex sed lex* («суров закон, но закон»). Иными словами, это довольно простая практика эффективного командования: солдаты либо выполняют приказы начальника и выживают, либо не выполняют и, соответственно, не выживают. А затем закрепленные временем и освященные успехом эти простые принципы экстраполируются и на все политическое пространство. Но ценностный и онтологический массивы в этом случае оказываются возможны в той степени, в которой они вытекают из практик — и на поверку оказываются довольно бедными, высоких целей и устремлений не порождающими. В итоге и получается, что республиканские добродетели были не более чем общепринятым ритуалом — и когда отпадала необходимость его исполнять, выяснялось, что индивидуальные жизненные смыслы на поверку были кардинально иными.

Но вернемся к нашей ситуации. Вот демократический республиканский Рим благополучно процветает. Но это длится недолго, география второй раз переворачивает историю Рима. Чем больше расширяется римский круг, тем крупнее войска в распоряжении у полководца, но при этом и врагов уже мало остается, ведь Рим включил в себя практически весь цивилизованный мир, так? И когда врагов остается только три: это Евпатор Митридат в Крыму, Верцингеториг — галльский вождь в нынешней Франции, и нумидийский царь Юба в Африке, а войска концентрируются у трех полководцев (это Цезарь, Помпей и Красса), случается неизбежное. Победа над всеми врагами означала, что далее военно-экономический способ воспроизводства будет невозможен — грабить больше некого. И войска разворачиваются уже против Рима. Три полководца

договариваются, создав триумvirат и, по сути, объявив себя вместо сената главными акционерами проекта «Рим». А после гибели Красса Цезарь, чьи отношения с Помпеем к тому времени испортились (на что повлияла и смерть при родах бывшей замужем за Помпеем его дочери Юлии), довольно быстро избавляется и от Помпея и объявляет себя диктатором. По сути, римская история описала круг и на новом этапе вернулась к той же царской власти. Демократия сменилась на авторитаризм. Но причина тому в ресурсной парадигме: пока ресурсов было много, широкий круг бенефициаров был возможен, и было возможно республиканское правление. Как только ресурсный поток иссякает, логичным образом происходит централизация, которая, кроме прочего, позволяет существенно оптимизировать сократившиеся количество ресурсов.

Обратите внимание на эту закономерность — она на самом деле ключевая для понимания тех процессов, которые определяют трансформацию режима в ту либо иную сторону. Конечно, римскую республику еще могли спасти ее последние враги, если бы они сохранились — и это многие понимали. Все вы наверняка знаете высказывание уже известного нам Марка Порция Катона Старшего: «*Ceterum censeo Cartaginem delendam esse*» («А кроме того, я считаю, Карфаген должен быть разрушен»), который настаивал на ликвидации одного из главных противников римлян. Но мало кто знает тогда же часто звучавшее мудрое высказывание Публия Сципиона Назики, который говорил «А я считаю, что Карфаген должен остаться». Потомственный аристократ Назика был куда более мудр, нежели превративший всю свою жизнь в демонстрацию республиканских доблестей выходец из плебса Катон. Он прекрасно понимал, что сохранение врагов может позволить Риму самосохраниться в качестве республики: ведь когда врагов больше нет, не нужна и созданная для противостояния им республиканская система. И как только последний враг был повержен, установилась новая реальность — императорская власть. Кстати говоря, а могли быть иной выбор у императоров, когда вырисовывается новая система координат: грабить больше некого, но весь нобилитет привык получать очень хорошие ресурсы; у вас огромная территория, но она не то чтобы была совсем подконтрольна

вам. На большей ее части живут ранее покоренные и ограбленные вами народы, и вы знаете, что у них мало оснований испытывать теплые чувства к вам. Иными словами, демонстрация вами вашей уязвимости — пока только финансовой, не военной — с большой вероятностью может спровоцировать волну восстаний и сепаратизма. Что делать?

— Завоевывать соседей дальше?

— Не кого; вы уже завоевали все, что могли завоевать.

— Экономнее распределять?

— Разумеется, вы можете по-разному распределять: где-то экономить, но это будет слишком мало, это не решит проблемы. Ведь вам нужна трансформация куда более существенная — вам нужно перейти от военно-экономического способа развития к полноценному производительному, по сути. Вам нужно сменить уклад, а это — ни много ни мало — революция с весьма существенной ломкой полагавшихся незыблемыми устоев. Давайте еще раз взглянем на ситуацию. Перед императором есть несколько проблем. Проблема номер один по степени жизненной важности звучит так: вас ненавидят те, кого вы захватили на протяжении нескольких предшествующих веков, и сохранение территориальной целостности вашего государства на фоне наметившегося дефицита ресурсов превращается в нетривиальную проблему.

— Дать всем гражданство и льготы?

— Вы это можете сделать, но не факт, что это решит ваши проблемы. Разве вас от этого станут меньше ненавидеть? Это, кажется, очень близкая проблема с тем, с чем сегодня сталкивается Европа. Огромное количество мигрантов, особенно последние волны, которые пришли на Запад вовсе не для того, чтобы стать его частью, а для того, что переделать его «под себя». И, естественно, они смотрят на него сверху вниз, а не снизу вверх. Как вы полагаете, как эту проблему решил в свое время Рим?

— Всех депортировал?

— Это невозможно. Люди жили на своей земле; это Рим пришел к ним, а не они к Риму. В равной мере это невозможно и в сегодняшней Европе. Вы не можете дискриминировать человека, уже получившего гражданство, по критерию происхож-

дения или веры. Да, проблема номер два для императора — это сенат. Да, его отодвинули на задний план, но легитимность сената, просуществовавшего несколько веков, и легитимность свежепровозглашенного императора — это две очень разные легитимности. При этом и сенат, и император, это прекрасно понимают. Сенат, по большому счету, оказывается в «засадном полке» и ждет первой же существенной промашки императора, чтобы его свергнуть и вернуть власть себе.

Но эта проблема как раз решается относительно нехитро. В такой ситуативной расстановке, конфликте двух институтов — императора и сената — как раз и причина того, почему практически каждый император вне зависимости от своих изначальных установок рано или поздно начинал прореживать сенат с размахом или без, но включая своих противников (зачастую потенциальных) в проскрипционные списки. И — мы же помним, что сенат наследственный — по сути, это не вызывает серьезного недовольства более широких, не аристократических слоев римского общества. Есть замечательная пьеса Радзинского «Театр времен Нерона и Сенеки», целиком состоящая из беседы Нерона и Сенеки. Нерон, узнав, что его учитель Сенека стал участником заговора против него, приглашает Сенеку на разговор. По мере разговора приходят известия о гибели то одного, то другого участника заговора — они кончают жизнь самоубийством и при этом все свое состояние завещают Нерону. И Сенека понимает, что та же участь уготована и ему. Но, что важно, политическая причина убийства сенаторов и делегитимации сената ровно та, о которой мы говорили. Сенат является носителем более древней легитимности, нежели император и потому является враждебным ему как институт. А тот факт, что сенат был наследственным, обернулся для сенаторов другой стороной медали. Выяснилось, что уничтожить — или делегитимировать — сенат возможно только вместе с сенаторами. В ином случае его можно было бы просто распустить и забыть о проблеме.

Ну а как была решена первая и более сложная проблема, проблема сохранения территориальной целостности и противостояния сепаратизму? Какая у вас возникает первая ассоциация в связи с Римской империей?

— Колизей!

— Согласен. Да, первыми вспоминаются римская архитектура и произведения искусства. Строительство обретает широкие масштабы при Антонинах. Эта императорская династия, правившая почти весь второй век. При них возобновился начатый за сто лет до того императором Августом процесс интенсивного инвестирования в культурное строительство. На территориях вчерашних и даже сегодняшних бунтовщиков строятся амфитеатры, храмы, акведуки, причем строятся в огромном количестве. Для чего это делается, как вы думаете? Какое отношение акведуки и амфитеатры имеют к легитимности власти, к тому, что нам нужно справиться с ненавистью наших подданных?

— Они перестают бунтовать?

— Да. Вчерашние бунтовщики в некий момент начинают гордиться, что они являются гражданами великой Римской империи; им подарили ощущение сопричастности. На самом деле картина мира, из которой исходит общество, намного пластичнее, нежели мы себе это обычно представляем. Можно вспомнить произошедшую практически у нас на глазах историю с Домом науки в Варшаве — сталинской высоткой, построенной там в свое время СССР. Понятно, что в 90-е сталинская высотка в центре Варшавы — а она хорошо видна со всех точек города — это «мрачный символ советской оккупации», от которого непременно надо избавиться. Конечно, нужно снести. Но посчитав стоимость работ по разрушению и расчистке — а времена тогда были бедные — от этой идеи отказались. Возникает вторая идея — застроить со всех сторон другими небоскребами, чтобы никто этого «непотребства» не видел. Даже проводится конкурсный отбор проектов. Но потом выясняется, что уже пять небоскребов, построенных в такой близости друг от друга при такой плотности застройки — это слишком опасно, не говоря о том, что дышать будет нечем во всех пяти зданиях. Тогда возникает третье, самое мудрое решение. Догадались? Да, поляки начинают гордиться Домом науки «как частью великой польской истории». Онтология, как я уже говорил — вещь гораздо более пластичная, чем принято думать. В этом плане интенсивное культурное строительство импера-

торов на самом деле позволило навести порядок и потихоньку переключить общество на вполне производящую парадигму.

Правда, для окончательного перехода понадобилось еще одна вещь — монотеизм, который ввел император Диоклетиан. Вернее, Диоклетиан — это божественное имя, а как человека его звали Диокл. Императором он стал неожиданно. Будучи начальником императорской охраны, он разоблачил убийство тогдашнего императора его тестем, тестя казнил, и тут же сам был провозглашен войсками императором. Тогда же он дал обещание, что императором он станет на срок 25 лет, а затем уйдет в отставку, дав дорогу молодым и, забегая вперед, скажем, что обещание это он сдержал. Хотя и зря; его отход о власти в итоге стоил жизни и его семье и ему — слишком уж он был популярным. В связи с этим есть его сохранившееся высказывание. Когда его просили вернуться на царство — он сказал, что «Что если бы вы видели эти помидоры, которые у меня выросли, вы бы не предлагали бы мне вернуться». Обычный военный с весьма средним по меркам тогдашнего времени образованием, на поверку оказавшийся одним из самых талантливых римских императоров.

Я остановился на этих моментах, чтобы мы все могли убедиться, что Диоклетиан был совсем не властолюбив. Тогда у меня вопрос: а зачем он провозгласил себя богом по должности, как вы полагаете? Да, римский бог — это нечто иное, нежели мы привыкли понимать под этим словом, с римским богом можно было заключать контракт. Вы ему жертвоприношения, он вам покровительство. Бога можно было придумать и назначить на покровительство той либо иной отрасли или дела, что регулярно делали римские юристы. В этом плане мы видим результат того же процедурного типа интеграции римского общества, о котором говорили выше: римский пантеон был довольно механическим отражением мира материального. Именно по этому поводу Моммзен говорил, что «в римской религии нет ничего святого», и именно поэтому в ней были возможны боги межевых камней, блюдущие целостность границ между различными землевладениями.

Диоклетиан эту традицию первым нарушает. Уже мир воображаемый не является зеркальным отображением мира мате-

риального — он как минимум ему равнозначен, хотя собственного права на существование он еще не имеет. И на стык этих обоих миров Диоклетиан помещает себя; он не один из многих богов, он — главный и центральный бог. При этом как бог он становится Диоклетианом, а уйдя в отставку — снова Диоклом, т.е. человеком. Зачем императору по должности становиться богом?

— Укрепить легитимность власти!

— Так она и так была легитимна; Диоклетиан был более чем популярен.

— Чтобы утолить жажду величия?

— Так мы же видели, что он вовсе не был властолюбив, иначе он бы никогда добровольно и вопреки желанию подданных просто потому, что он пообещал это 25 лет назад, не ушел бы в отставку. Он был в этом плане прагматиком и решал практические задачи. Ему нужно было пресечь бунты, восстановить торговлю, упорядочить оборот ресурсов. При нем Рим стал налогоплательщиком, а империю он разделил на 100 провинций. И эта новая реальность выстраивается вокруг его фигуры как бога по должности. Но все же, есть ли хоть приблизительная идея, зачем ему был в первую очередь божественный титул?

— Уничтожить остальных богов?

— Да нет, он их не уничтожал, просто все было встроено уже в его культ. Конкуренции со стороны других богов он явно не боялся.

— Установить один центр власти?

— Да, тоже, но центр власти и так без того был установлен. И ради этого создавать новую монотеистическую религию невластолюбивому императору как-то особого смысла нет, не находите?

— Чтобы обеспечить процветание империи?

— Логично, все решения императора — они про процветание империи. Но какое это отношение имеет к процветанию, если имеет? На самом деле ведь имеет, и довольно прямое. Диоклетиану нужно было оживить экономику, и самое что ни на есть прикладное значение его монотеизма — это введение единой системы мер и весов. Один бог — одна мера. Главным для него была ликвидация внутренних таможенных границ и

ликвидация огромного количество стандартов, которые во многих провинциях были свои. И, говоря сегодняшним языком, он создал внутри империи единое таможенное пространство. Когда один бог, одна мера, одни стандарты, там вы уже можете обеспечить и движение товаров, и торговлю, поскольку сразу становятся понятными прибыльные направления, и учет потоков со стороны государства.

Итак, возвращаясь к нашей ситуации с режимами. Мы сейчас, немного погрузившись в историю, рассмотрели зависимость парадигмы принятия решений от внешних ресурсных факторов, в том числе и географического. Как мы видим, режим — это вовсе не столь большой, как это может казаться, выбор тех, кто правит. Куда в большей степени это тот выбор, который навязывается суммой средовых обстоятельств, а дальше правящая группа либо адекватно эти обстоятельства воспринимает, либо рискует потерять свой правящий статус.

Да, мы еще не затронули тоталитарный режим. Он отличается от авторитарного тем, что там уже не несколько, а одна группа интересов, которая и реализует во власти в первую очередь себя. Авторитаризм — это все-таки 2—3 группы интересов. Но в варианте одной группы во власти режим оказывается нежизнеспособным и довольно быстро откатывается обратно к нормальному авторитаризму. Поэтому можно отнести к тоталитарным странам гитлеровскую Германию, но на пару лет (где-то после «ночи длинных ножей») и на два-два с половиной года вперед можно и Италию, тем более что автор термина «тоталитаризм» как раз Муссолини. Но тоже на пару-тройку лет, считая от марша на Рим. Многие относят к тоталитаризму и сталинский СССР — но об этом тоже можно говорить в отношении периода 37—39 гг. После, опять же, был возврат к авторитаризму. Тоталитарный режим в полном смысле этого слова может быть только временным эксцессом, но он не может существовать постоянно по той простой причине, что такой степени централизации и такой степени игнорирования интересов иных групп система не выдерживает и выходит за пределы рентабельности.

В этом плане уместнее говорить о двух нормах — авторитарном и демократическом режимах, каждый из которых выпол-

няет свои специфические задачи. И если тоталитарный режим — это эксцесс режима авторитарного, то эксцессом демократии логичным образом будет анархия, столь воспетая идеологом анархо-синдикализма Бакуниным. Но стоит ли говорить, что анархия ничуть не более жизнеспособна, нежели тоталитаризм? И возможна она исключительно как кратковременный исторический эксцесс, после чего все возвращается обратно на круги своя.

Итак, подытоживая сказанное. Парадигма принятия решений с включением малого либо большого количества групп интересов, конечно, зависит от личностных свойств правящей группы. Но в гораздо большей степени она зависит от ресурсной ситуации и от способа получения этого ресурса политсистемой в целом. Режим — это всегда некий баланс суммы факторов, и в случае обильных ресурсных потоков система будет тяготеть к статус-кво, т.е. к демократии, в случае же нехватки потоков система будет тяготеть к централизации, т.е. авторитаризму.

На этом на сегодня все. Спасибо!

Рекомендованная литература

1. Коктыш К.Е. Онтология рационального (I) / К.Е. Коктыш // Полития. — 2016. — №2 (81). — С. 33-54.
2. Коктыш К.Е. Онтология рационального (II) / К.Е. Коктыш // Полития. — 2016. — №3 (82). — С. 6-30.
3. Коктыш К.Е. Онтология рационального (III) / К.Е. Коктыш // Полития. — 2016. — №4 (83). — С. 6-24.
4. Коктыш К.Е. Онтология рационального (IV) / К.Е. Коктыш // Полития. — 2017. — №1 (84). — С. 46-71.

Д.А. ПАРЕНЬКОВ

ЛЕГИТИМНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Лекция в рамках курса «Теория политики»

Политическая легитимность, безусловно, занимает одно из центральных мест в перечне ключевых концептов политической теории и политической философии. Пожалуй, ни один основательный разговор о власти не возможен без рассуждений о ее легитимности. Вокруг этого концепта сконцентрированы самые главные вопросы политической науки: что есть власть? в чем источник власти? что заставляет одних властвовать, а других подчиняться? возможна ли политическая власть без ее признания? как соотносятся власть и насилие? и т.д.

Поиск ответов на эти вопросы может повести нас совершенно разными путями, открывая различные интерпретации легитимности. При этом, как это обычно и бывает в политической науке, размышления об этом концепте отнюдь не ограничиваются отстраненным интересом мужчин в академических мантиях. Легитимность непосредственно связана с политическим интересом. О ней задумываются не только получившие очередной грант любители громоздких теоретических построений, но и облеченные властью и облаченные в дорогие костюмы прагматики, на практике борющиеся за сохранение своих позиций. Политики постоянно пытаются легитимировать свои решения, действия и саму структуру политической власти. И их можно понять: без легитимности любая властная конструкция оказывается шаткой и хрупкой.

Что же такое «легитимность»? В самом общем смысле — это длительное согласие большинства принять правление данной власти. Однако, как и любой другой концепт политической теории, он имеет множество интерпретаций, меняющихся от

автора к автору. Особое влияние на эволюцию концепта легитимности оказало возникновение и развитие современных демократий¹. Для политических систем, функционирующих в условиях обширного участия граждан и интерпретирующих политическую реальность сквозь призму общественного интереса, легитимность становится краеугольным камнем.

Легитимность так или иначе связана с мнением людей относительно существующего институционального порядка, с их представлениями о степени его «правильности», целесообразности и устойчивости. Так, в одном из самых распространенных определений, предложенном Сеймуром Мартином Липсетом, легитимность определяется как «способность указанной системы порождать и поддерживать веру в то, что существующие политические институты являются самыми подходящими и приемлемыми для данного общества²». Если граждане полагают, что политические институты соответствуют текущим реалиям и/или морально и идейно обоснованы, объяснимы, то мы можем назвать эти институты легитимными. Необходимо подчеркнуть, что такое принятие сложившейся системы господства, признание всеми участниками политического процесса существующих правил распределения ресурсов и наделяния властью должно быть осуществимо при минимальных проявлениях принуждения или насилия. Иначе говоря, легитимность всегда связана с субъективным восприятием значимости институционального политического порядка, обеспечивающим добровольное согласие на подчинение. Различные интерпретации рассматриваемого концепта как раз и стремятся к выявлению и объяснению возможных источников легитимности — причин и условий возникновения такого личностного отношения к существующей власти, которое порождает и поддерживает достаточный для нормально функционирования этой власти уровень согласия и интеграции.

¹ Алексеева Т.А. *Легитимность власти в переходный период. — Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии: Сборник статей / под ред. Т.Н. Заславской. — М.: Интерцентр. — 1997. С. 142.*

² Липсет М. *Политический человек: социальные основания политики. — М.: Мысль, 2016. С. 89.*

При этом часть интерпретаций несет в себе нормативную составляющую, предписывая легитимности заранее определенный набор ценностей. Например, Вольфганг Меркель определяет легитимность как консенсус относительно политических ценностей, признание демократического правового и конституционного порядка и системы выборной власти, реагирующей на выражаемые гражданами запросы. При подобном подходе легитимность оказывается эндогенной характеристикой демократических режимов: демократический — значит легитимный. Недемократические системы, напротив, мыслятся как априори нелегитимные, а в качестве единственного способа их легитимации преподносится демократический транзит.

Пожалуй, наиболее известная и тиражируемая концепция легитимности была разработана Максом Вебером, который и ввел понятие легитимности в современном звучании в научный лексикон. В своем наиболее объемном труде «Хозяйство и общество»³ Вебер утверждает, что всякое подлинное господство⁴ опирается на внешнюю или внутреннюю заинтересованность в подчинении. Эта установка на подчинение может основываться на силе обычая, на воздействии эмоций, на материальной заинтересованности или на ценностно-рациональных мотивах. Однако, подчеркивает Вебер, никакое господство не может устойчиво поддерживаться исключительно обычаем, материальными, аффективными или ценностно-рациональными мотивами. Для надежного господства необходима еще одна, ключевая составляющая — вера в легитимность.

Легитимное господство по Веберу появляется тогда, когда у людей возникает убежденность в необходимости подчиняться. Убежденность, проистекающая не из страха наказания, не из

³ Вебер М. *Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 1. Социология.* — М.: Издательский Дом ВШЭ, 2016. — 448 с

⁴ Для концептуальных построений Вебера большое значение имеет различие власти (*Macht*) и господства (*Herrschaft*). Если власть — это любая вероятность реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, то господство — вероятность того, что некоторая группа людей будет повиноваться некоему приказу. Господство — это специфический тип власти, которому свойственен определенный минимум желания подчиниться, внешней или внутренней заинтересованности в подчинении.

ожиданий награды, а из морального долженствования и самой специфики отношений между отдающим приказ и подчиняющимся. Вебер выделяет три вида «внутренних оправданий», на которых основывается подчинение авторитету господствующих, и соответствующие им формы легитимности: харизматическую, традиционную и рационально-легальную.

Харизматическое господство базируется на убеждении в божественной избранности, героической мощи или на исключительных, недоступных прочим совершенных качествах некой персоны. Подобные характеристики лидера автоматически оправдывают в глазах его последователей создаваемый им порядок и присущую ему систему властвования. Вебер определяет харизму как «некое качество индивида, в силу которого он слышит одаренным сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по крайней мере особо исключительными, никому больше недоступными силами и способностями или считается посланцем богов, совершенством и поэтому вождем». Важно, что харизма неразрывно связывает своего носителя и его последователей: без признания подданных, без их фактической оценки персоны в качестве харизматика подобный тип господства оказывается невозможным. Харизма опирается на внутреннее убеждение, веру последователей в то, что никто, кроме носителя харизмы, не способен выполнить возложенную на него миссию управления. Такая вера требует постоянного подтверждения, знаков божественного благоволения, явлений магической или геройской силы, а потому оказывается крайне зависимой от всевозможных неудач, будь то военные поражения или природные катаклизмы, или любые другие события, способные породить волну негативных интерпретаций (от болезни лидера до пролетающей кометы). Подобная неустойчивость, помноженная на личностный характер харизматического господства, придают этому типу легитимности экстраординарный, неповседневный характер. В этой связи любая стабилизация такого порядка оказывается связанной с перетеканием в другие типы легитимности, с его традиционализацией или рационализацией. Вебер отмечает, что переход становится особенно актуальным в моменты транзита власти, когда аппарат управления и приверженцы уходящего лидера вынуждены искать способы сохранения

существующего характера социальных отношений. Одним из центральных вопросов оказывается способ определения приемника, нового носителя харизмы, который может быть найден по особым признакам (например, при поиске нового далай-ламы); посредством жребия; за счет прямого назначения приемника и признания его общиной (кандидатура может быть предложена как изначальным носителем харизмы, так и штабом управления); путем передачи харизмы по крови ближайшему родственнику; за счет специфических ритуалов передачи харизмы или ее пробуждения в новом носителе. При этом проблема приемника, хоть и выступает главным триггером изменений, не определяет саму потребность в этих преобразованиях, потребность в «рутинизации харизмы». Рутинизация, оповседневнивание необходимы, в первую очередь, для обеспечения стабильности, выстраивания системы гарантий сохранения властных позиций господствующей группы и концентрации в их руках рычагов распределения ресурсов в повседневных экономических условиях⁵.

Традиционное господство опирается на веру другого характера. Его легитимность — это результат «авторитета вечно вчерашнего», убежденности в значимости и священности издревле существующих правил, соблюдение которых стало частью привычного и обыденного порядка. Традиционная легитимность, как и харизматическая носит персонифицированный характер. Однако ее основания кроются не в личных качествах, а в особом статусе, который определяется традицией. Важно, что сам правитель оказывается заложником традиции, которая и определяет рамки его возможных действий и решений. При этом типе господства приказы власти признаются легитимными до тех пор, пока они вписываются в определяемые древними установлениями границы. Как только господин наполняет свои указания новым смысловым содержанием или объемом, он тут же ставит под угрозу собственное положение внутри существующего порядка. Это не отменяет возможности принятия прави-

⁵ Вебер подчеркивает, что покрытие издержек стабильного будничного управления за счет присущих чистым формам харизматического господства добыч, даров и контрибуций попросту неосуществимо.

телем произвольных решений, но только в пределах устанавливаемой все той же традицией сферы, своеобразной резервации свободы действий, границы которой четко зафиксированы и не подлежат пересмотру. Единственный способ привнести в систему изменения — преподнести их как вдруг найденное древнее установление, утраченное ранее и вдруг обретенное вновь. Исходя из этого Вебер выводит следующую формулу традиционной легитимности: осуществление господства ориентируется на то, что обыкновенно может позволить себе господин, не вызывая у подданных сопротивления.

Легально-рациональное господство проистекает из веры в обязательность сознательно устанавливаемых целерациональных и/или ценностно-рациональных правил. В отличие от двух других типов легитимности, легально-рациональная максимально обезличена. В роли господина выступает не конкретный человек, а неперсонифицированный абстрактный порядок, которому подчиняются и исполнители, и «начальники». Выраженный в формальных правилах рациональный порядок определяет разграничение обязанностей, соответствующие им объемы власти и средства принуждения, равно как и условия их применения. Правилами также определяются требования профессиональной подготовки, которые предоставляют необходимый уровень компетенций «начальника», легитимирующий его властное положение в глазах подчиненных. Таким образом, веберовская концепция легально-рациональной легитимности предполагает внутреннюю убежденность в том, что существующие формализованные правила «политической игры» способны, во-первых, обеспечить наиболее рациональное отправление власти, а во-вторых, — создать условия отбора претендентов на начальствующие позиции, гарантирующие выбор в пользу наиболее подходящих для реализации конкретной функции кандидатов. Другими словами, согласие на подчинение объясняется верой в рационально оправданное распределение иерархических позиций, при котором власть отдающего приказ базируется на специфическом профессиональном знании, подтверждаемом самим фактом нахождения на соответствующей должности. Для Вебера господство через знание и определяет специфическую рациональную основу данного типа

легитимности. Причем это знание не условное, принимаемое подчиненными на веру, а вполне конкретное и утилитарное. Знания бюрократии не только легитимируют ее властное положение, но и закрепляют его. С точки зрения Вебера, современные системы политического управления достаточно сложны, чтобы гарантировать преимущество профессиональному чиновнику, разбирающемуся в тонкостях функционирования властного аппарата. Более того, это господство профессионального знания осознанно усиливается за счет знания служебного, проистекающего из фактической осведомленности и доступа к документам. Квинтэссенцией этого становится «служебная тайна», призванная выстроить дополнительное разграничение между господствующими и управляемыми.

Все три типа легитимности Вебер представляет исключительно как идеальные типы, средство анализа, а не эмпирически наблюдаемые явления. В чистом виде эти формы господства если и встречаются, то крайне редко. На практике можно наблюдать лишь различные формы смешения разных типов легитимности. Так, Вебер отмечает, что легально-рационально господство всегда обуславливается традицией и косвенным влиянием харизмы, проявляющемся в зависимости престижа власти от ее успехов и провалов.

Идеи Вебера неоднократно подвергались критике и обвинениям в непозволительном устаревании. Однако практически ни одна последующая концепция легитимности не обходится без отсылок к веберовской типологии. В конце концов, значимость его интерпретации состоит не в степени приближения к объяснению механизмов легитимности и легитимации, а в определении интеллектуального вектора значительной части дальнейших исследований. Объяснение Вебером природы властных отношений через фиксацию наличия представлений о существовании легитимного порядка и поиск научных критериев его устойчивости, а, следовательно, и устойчивости авторитета власти, до сих пор подпитывает ту часть концепций легитимности, которые можно обозначить как эмпирические или дескриптивные.

Одна из наиболее развернутых концепций легитимации и порядка в целом и властных отношений в частности была пред-

ложена Питером Бергером и Томасом Лукманом в работе «Социальное конструирование реальности». Бергер и Лукман говорят, что самоочевидный в момент своего возникновения институциональный порядок по мере своей стабилизации и стремлению к сохранению ищет способы «объяснения» и оправдания элементов институциональной традиции, в первую очередь, в глазах новых поколений. Легитимация и есть этот процесс «объяснения» и оправдания, который аналитически может быть разделен на четыре уровня: дотеоретический, уровень теоретических утверждений в зачаточной форме, уровень «явных» теорий и символические универсумы.

На первом уровне происходит процесс передачи самоочевидного «знания». Например, в процессе освоения языка дети усваивают фундаментальные «объяснения», встроенные в сами слова: узнав, что регулярно приходящая в гости женщина, предоставляющая неограниченный доступ к сладостям и роликам на youtube — это бабушка, ребенок выучивает особый характер взаимодействий с «бабушками» и легитимирует свое поведение по отношению к ним. В самом обобщенном виде к первому уровню легитимации относятся все ответы на любые детские вопросы «почему?» в форме утверждения «так уж устроены вещи».

На втором уровне легитимации появляются зачатки теоретических утверждений. Простые и прагматичные схемы в форме пословиц, поговорок, сказок и т.п. Как пишут Бергер и Лукман (а лучше них в этом отношении все равно не скажешь) ребенок «может быть воодушевлен “Песней верных кузенов, вместе ходивших на охоту”, или, имея свои соображения, напуган “Погребальной Песней о двух кузенах, находившихся во внебрачной связи”⁶».

Третий уровень содержит уже явные теории, обеспечивающие легитимацию за счет специализированных для конкретных элементов институционального порядка систем отсчета. Легитимация уже требует отдельного аппарата сохранения и передачи информации последующим поколениям. Появляются

⁶ Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.

эксперты в специализированных областях, чьи знания выступают одновременно и источником власти на теми, кто оказывается в сфере влияния конкретного института, и источником легитимации. Так, опытный старый охотник поддерживает свой властный авторитет, по крупицам передавая свои секреты мастерства молодым членам племени, объясняя им тонкости науки выслеживания добычи и умилоствления духов. Он может быть уже физически слаб для самой охоты, но только ему ведомы правила начертания на песке нужных знаков, сулящих удачу; только он знает, в какое мгновение нужно метнуть копье. Для него даже выгоднее не участвовать в процессе погони за зверем: случись неудача — это не его вина, а результат не слишком прилежного внимания молодежи к мудрости прожитых лет.

В современных реалиях подобная власть знания может принимать куда более проникающий характер, перетекая во *власть—знание* Мишеля Фуко. Эксперт в медицинском халате, твидовом пиджаке профессора или располагающей обстановке кабинета психотерапевта обладает властным и легитимирующим потенциалом, значительно превосходящим самые смелые мечты экспертов древности. Одно дело добровольно признавать власть института, в рамках которого предусмотрена передача части знаний об окружающей действительности. Совсем другое — соглашаться на подчинение исходя из благоговейно убеждения о недостаточности знаний о самом себе. Получив однажды в свои руки технологии оценивания и определения стандартов, эксперты превратились в едва ли не единственный для человека источник информации о собственных наиболее значимых параметрах: о здоровье, о нормальности, об уровне интеллекта и т.д. И действительно, как не согласиться на добровольное подчинение институтам, без которых мы бы «лишились» знаний о том, кто мы есть.

Собственно, в концепции Бергера и Лукмана наделение индивида знанием о самом себе и есть один из главных жизненных импульсов легитимности. Признавая легитимность институционального порядка, индивид получает гарантии защиты собственной идентичности; подтверждение того, что он действительно является тем, кем себя считает. Это становится возможным на четвертом уровне легитимации, который со-

ставляют символические универсумы. Символический универсум представляет собой интегрированные представления об институциональном порядке во всей его целостности. Он сшивает воедино отдельные институты и роли, вписывая их во «всеобъемлющий смысловой мир». Символический универсум задает наиболее общую систему отсчета для всей жизни индивида, прокладывая во мраке бесконечной вселенной тропы осмысленности. Связывая повседневные роли, правила и приоритеты с установленным порядком Вселенной, он становится той нитью, что удерживает от рассыпания хрупкую конструкцию персонального восприятия реальности (вне зависимости от того, лежит ли в ее основе религиозная, научная, идеологическая или любая другая картина мира).

Элементы институционального порядка в этом смысле служат проводниками и пророками высшего всеобъемлющего порядка. Как отмечают авторы «Социального конструирования реальности», в рамках символического универсума для идентичности индивида уже не столь значимым становится знание о нем окружающих его людей. Он и сам на какое-то время может забыть, кто он такой, запутавшись в лабиринтах своих ночных кошмаров. Главное, что об этом помнят и знают, как минимум, Боги, психиатрия и партия, всегда готовые протянуть возвращающий к реальности спасательный круг из надежд и смыслов.

В рамках подхода Бергера и Лукмана легитимность политической власти оказывается неразрывно связанной с легитимностью всего институционального порядка. Власть легитимна до тех пор, пока существует символический универсум, охватывающий именно эту власть, именно этот политический порядок и именно эту систему властных отношений. Например, институциональная архитектура афинской демократии может быть проинтерпретирована в контексте страха перед лицом хтонических сил: власть и конкретные политические практики легитимны до тех пор, пока они поддерживают ритуальную чистоту полиса и предоставляют коллективную сакральную защиту. При этом символический универсум постоянно находится под угрозой разрушения хаотическими силами ненадежной и нестабильной социальной реальности, а, следова-

тельно, поддержание легитимности требует наличия механизмов его защиты. Бергер и Лукман называют их «концептуальными механизмами поддержания универсума». Всего существует четыре типа таких механизмов: мифология, теология, философия и наука. С точки зрения авторов «Социального конструирования реальности», значимое различие этих механизмов заключается в степени отрыва от повседневной реальности. Чем меньше лежащий в основе легитимации концептуальный материал связан с обычными жизненными реалиями, тем более изощренной и действенной оказывается легитимация.

Мифология представляет собой такую интерпретацию реальности, при которой предполагается непрерывное проникновение магических сил в повседневную жизнь. Мифологический механизм позволяет легитимировать самые простые формы символических универсумов, которые мыслятся включенными в него индивидами самой что ни на есть объективной реальностью. Духи табуированных животных, преследующие нарушившего запрет и употребившего в пищу нечто запретное, не опираются в своем возмездии на сложные теоретические обоснования. Для юноши, съевшего неподобающую возрасту змею, плачевный результат столь же очевиден, как очевидны последствия падения с отвесной скалы на острые камни. Точно так же суеверному человеку не требуется объяснений собственных заблуждений: черная кошка на то и черная кошка, чтобы сулить неудачу. Постепенное дистанцирование священного и профанного ведет к возникновению теологии, а затем и философии с наукой. Бергер и Лукман подчеркивают, что теологические концептуализации отличаются от мифологических большей степенью теоретической систематизации. Универсум сохраняет свой священный характер, однако пространство божественного выносится за пределы повседневности. Вселенная разделяется на мир людей и мир богов, а знание о путях преодоления этого разрыва приобретает все более закрытый и сложный характер. Теологические механизмы всецело переходят в сферу ответственности особых специалистов, чьи знания все дальше отдаляются от знаний общества в целом. Это становится парадигмой и для более

поздних вариаций универсума, базирующихся на философских и научных концептуализациях. Не относящийся к числу специалистов член общества перестает обладать знанием о внутренних механизмах поддержания универсума, но признает существование особой когорты экспертов, этим знанием наделенных.

В политическом измерении эта логика рассуждения, пытающаяся проследить развитие различных типов легитимации в контексте эволюции человеческого мышления от мифологических форм к философско-научным, отчетливо переключается с веберовской концепцией. Мифологическое сознание как наиболее архаичная и наивная форма концептуализации соответствует харизматическому типу господства, выделяемого Вебером в качестве первоначальной формы легитимности. Пророк-харизматик вплетен в единую ткань обыденной реальности и магического миропорядка. Он потому и легитимен, что лучше других репрезентует священную компоненту жизни. Потому и не требует дополнительных инструментов поддержания собственной власти, кроме как личной связи со своими последователями, полагающими его исключительные качества частью объективной картины мира. Эта вера в лидера еще не требует схоластических конструкций или иных находок в духе *credo quia absurdum*. Ее подпитывает живая и персонифицированная связь с носителем. Как и Вебер Бергер и Лукман подчеркивают, что новые, более сложные формы легитимации оказываются необходимы при передаче знания следующим поколениям, когда институциональный порядок перестает быть самоочевидным. Мифология уступает место теологии, а затем и философии, которые позволяют конструировать более сложные и устойчивые универсумы. Появляется традиционная легитимность, опирающаяся на вполне конкретную традицию, предстающую в виде совокупности теоретических построений, поддерживаемых соответствующими экспертными знаниями. Легально-рациональная легитимность требует уже философских конструкций и нового языка описания универсума, в котором спокойствие и согласие на подчинение граждан основывается на вере в понимающую силу власти. Легальная компонента этого типа легитимности

невозможна без политико-философский интерпретаций свободы, справедливости и других сущностно оспариваемых концептов. Хотя система современного права и несет на себе глубокий отпечаток теологических и даже мифологических построений, законность, безусловно, конструируется уже в рамках философского мышления. Еще большее значение философские механизмы поддержания универсума играют в развитие рациональной составляющей легитимности. Власть легитимна, так как лучше понимает происходящие процессы и обладает большим объемом знаний. Знания при этом приобретают специфический характер особого *политического знания*, выходящего за рамки не только обыденного опыта, но и других экспертных областей.

Наука как наиболее поздний тип концептуального механизма поддержания универсума выводит это обособление политической сферы на качественно новый уровень. Политика сама становится наукой, с присущей ей системой субдисциплин, академического образования и отдельными направлениями исследований. Это ни в коем случае не означает, что политические науки, а тем более вовлеченные в занятие этими науками ученые, оказываются в центре политической системы и получают в свои руки властные ресурсы. Они всего лишь переводят на язык «нового» научного мышления сложившиеся практики властвования и добровольного подчинения, обеспечивая такой же легитимирующий терапевтический эффект, какой в свое время предоставляли мифология и теология. В этом смысле сам концепт «легитимности» и его всевозможные концептуализации служат легитимации властного порядка. Тот или иной политический процесс воспринимается как легитимный потому, что он был маркирован «экспертами» как легитимный с отсылками к различным политологическим теориям (например, к Веберу). С этой точки зрения, читаемый сейчас вами текст — это ничто иное как инструмент легитимации, слепок части современного символического универсума, в который вписана наша с вами политическая реальность.

В тоже время научно поддерживаемый символический универсум открывает сферу политического для влияния внешних

областей знания. В сравнении с мифологией, теологией и философией *Наука* стирает границы между разными сторонами реальности как никогда надежно. Доведя символический универсум до наивысших степеней абстракции, наука растворила в себе все проявления повседневной жизни. Символический язык формул одинаково успешно описывает и сбалансированное питание, и электоральное поведение. Квантовая физика применима как для объяснения поведения субатомных частиц, так и для объяснения международных отношений. Политика лишается своих ритуалов магической защиты и своих символических оберегов господства. Власть теряет свою сакральность, но в этой десакрализации находит новый источник легитимации. Конкретный носитель власти становится все менее важен. Знание — это не то, что отличает субъекта власти, а то, что ограничивает его извне своей обезличенной беспристрастностью. Искусственный интеллект, интернет вещей, умные горда, блокчейн и Big Data — вот источники легитимности уже наступившего завтра. Власть легитимна потому, что она не более чем декоративное обрамление современных технологий, придающее им привычный, человеческий облик.

Тем не менее, как и в любой другой период истории, механизмы поддержания легитимности существующего порядка выходят за пределы какого бы то ни было одной концептуальной системы. Как и в средневековье, где сосуществовали теологические интерпретации элит и мифологическое восприятие реальности большей частью населения, современные типы легитимности и легитимации многогранны. Политическая власть вынуждена реализовывать себя в пространстве пересекающихся символических универсумов. Находясь в матрешке социальной реальности, она должна быть многоликой, объясняя себя на многих языках и облачаясь в подходящие случаю одежды. Кроме того, политическая власть всегда находится в ситуации давления со стороны внешних интерпретаций реальности. Альтернативные символические универсумы в условиях глобализации информационных потоков ведут непрестанную борьбу за умы. Власть недостаточно просто обеспечить внутривнутриполитическую легитимностью, ей необходимо еще и защитить ее от нападков извне. Успех при этом

зависит не только от изоэтрности концептуальных построений. Как верно отмечают Бергер и Лукман, исторический успех той или иной модели, определялся совершенством оружия, а не аргументов.

Рекомендованная литература

1. Parsons T. On the Concept of Political Power. — Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 107, no. 3, 1963. — Pp. 232-262. Режим доступа: URL:<https://www.jstor.org/stable/985582>.
2. Алексеева Т.А. Легитимность власти в переходный период. — Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии: Сборник статей / под ред. Т.Н. Заславской. — М.: Интерцентр. — 1997. С. 142.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
4. Бурдые П. Социология социального пространства. — СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.
5. Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 1. Социология. — М.: Издательский Дом ВШЭ, 2016. — 448 с.
6. Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия. — Социологические исследования. 1994. № 6. С. 147-156.
7. Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта. — Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 113.
8. Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. — М.: Мысль, 2016. — 612 с.

Б.И. АНАНЬЕВ

ПСИХОТИПИРОВАНИЕ:
ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Лекция в рамках курса «Политическая психология»

Проблема отношения человека к своему Я является одним из ключевых компонентов становления личности и индивида, то есть полноценного члена общества, обладающего набором ключевых умений и навыков для адаптации к особенностям конкретной социальной общности. Поскольку речь в данном случае идет не просто о некоем абстрактном самопознании, а о процессе, в результате которого общество должно приобрести нового полноценного гражданина и профессионала в своей сфере, поставленная задача приобретает не только философскую нагрузку, но и политическое значение. А это значит, что государство в той или иной его форме заинтересовано в том, чтобы систематизировать и унифицировать процедуру и результаты данного процесса.

Прежде всего, определим тему нашего сегодняшнего разговора и дадим определение психотипированию в том виде, в котором оно будет пригодным для дальнейших рассуждений. Под психотипированием мы будем понимать методику выявления при помощи ряда специальных техник (прежде всего, это интервью и тестирование) «портрета личности» человека/клиента, в основе которой лежит представления о психотипе — совокупности психологических установок и преобладающей в личности психической функции¹. Таким образом, эта система исходит из представления о существовании набора устойчивых сформиро-

¹ В рамках лекции мы будем определять психотип аналогично смыслу, заложенному в это понятие автором методики психотипирования — К.Г. Юнгом.

ванных типов личности, в которую попадает каждый индивид. Для сегодняшнего разговора нет необходимости подробно останавливаться на самой процедуре психотипирования, а также раскрывать содержание его основных категорий — это не имеет прямого отношения к задаче, которая стоит перед нами. Наша же задача — проследить то, как и когда возникло само явления психотипирования, и каковы политико-психологические предпосылки его появления. Проще говоря, почему получилось так, что общество охотно приняло идею о том, что есть кто-то, кто способен правильнее самого индивида определить его принадлежность к тому или иному психологическому типу; приняло с таким энтузиазмом, что психотипирование стало популярной коммерческой услугой (отсюда и слово «клиент», использованное выше)? И почему получилось так, что государство увидело в психотипировании настолько эффективный практический инструмент, что, в том числе, допускает внедрение его элементов в систему образования? На эти вопросы в общих чертах нам сегодня предстоит ответить.

По большому счету, можно говорить о том, что в его основе лежит античное наизидание «Познай себя». Эта формула красной нитью проходит сквозь историю, оставляя глубокий след в культуре и социальных практиках. Любопытно, что именно надпись «*Temet nosce*» («Познай себя» — лат.) появляется в эпизоде первого визита Нео к гадалке Пифии² в одной из наиболее метафоричных и наполненных аллюзиями кинотрилогий всех времен «Матрица», авторы которой — братья Вачовски — известны своим вниманием к деталям и скрупулезностью в мелочах. Для незнакомых с сюжетом, смысловая нагрузка этой сцены велика: герой, который по мнению его соратников является избранным, сомневается в себе и приходит к известному пророку за ответом на единственный вопрос: «я избранный?». В результате разговора герой получает совет, напрямую отсылающий к принципу «*Temet nosce*»: мало быть просто наделенным некой исключительностью, эту исключительность в себе нужно найти понять и принять. В этом случае возникает вполне закономерный вопрос: как, с помощью чего и руководствуясь

² *Имя персонажа отсылает зрителя к институту Дельфийского Оракула пифии в храме Аполлона в Дельфах.*

какими принципами можно сделать выводы о самом себе? Поговорим об этом подробнее.

Для дальнейших рассуждений нам потребуется остановиться на понятии картины мира. Концепция картины мира многогранна: например, она включает в себя такой узкий аспект как языковую картину мира, то есть зафиксированную в языке специфичную для данной социальной общности систему восприятия действительности. В данном случае нет очевидной необходимости углубляться в нюансы; ограничимся инструментальным определением и будем понимать под картиной мира субъективную совокупность представлений об окружающей действительности в целом и об основных ее компонентах, сложившуюся в рамках конкретного общества в определенную историческую эпоху и нашедшую практическое выражение в конфигурации социальных институтов и практик и способе производства научного знания. Картины мира можно классифицировать как широко, выделяя для этого максимально общие основания, так и относительно узко. В первом случае можно говорить, например, о картине мира, соответствующей этапам доклассической, классической, неклассической и постнеклассической научной рациональности. Более узкий подход к классификации может быть связан с конвергенцией отраслей знания, которую сегодня можно отчетливо наблюдать в социально-гуманитарных дисциплинах³.

По справедливому замечанию Т.А. Алексеевой, «как изображение она (картина мира — прим авт.) предполагает не буквальную копию с оригинала, а фиксацию черт, которые мы считаем наиболее существенными, значимыми»⁴. Описанием картины мира как социально-философского феномена мы во многом обязаны одному из крупнейших философов первой половины XX в. Мартину Хайдеггеру, и здесь необходимо сделать важную ремарку.

³ Примером такой конвергенции может служить попытка использовать ряд положений квантовой механики в теории международных отношений. Подробнее об этом см. например: Алексеева Т.А. Зачем нужна «квантовая» реформа конструктивизма в теории международных отношений? // Т.А.Алексеева, А.П.Минеев, А.В.Фененко, Б.И.Ананьев // Вестник МГИМО-Университета. — 2016. — №6. — С. 7-13.

⁴ Алексеева Т.А. Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше? Сравнительная политика. 2017;8(4):30-41.

Зачастую когда речь идет о концептах и концепциях, которые появились в политической науке достаточно поздно, например, о политической культуре, возникшей в качестве категории в 50—60х гг. XX в., многие склонны ошибочно полагать, что момент концептуализации этого явления совпадает с моментом его возникновения. В действительности это не так. Описанное языком науки явление часто возникает гораздо раньше собственной концептуализации и на протяжении определенного времени живет собственной жизнью. Вряд ли кто-то станет возражать, что гравитация Земли не существовала до сформулированного в XVII в. Закона всемирного тяготения. Или, скажем, наглядный пример из области медицины. Туберкулез в виде инфекции существовал уже порядка 5000 лет до н.э., однако возбудитель заболевания — т.н. бактерия Коха — был открыт и описан в 1882 г., что позволило выявить чистую культуру возбудителя и, таким образом, с точки зрения науки, поместить туберкулез с конкретизированными симптомами, ходом болезни и порядком лечения в таксономический ряд заболеваний. Применительно к теме сегодняшнего разговора, данная ремарка важна по следующей причине. Картину мира как научный концепт можно в целом считать продуктом Модерна, что, однако, не должно мешать нам говорить и искать ключевые компоненты картин мира Античности и Средневековья.

Итак, что же важно понимание картины мира Античности дает для раскрытия принципа «*Temet nosce*»? Обратим внимание на следующие элементы античного мировоззрения:

- 1) Скептицизм, то есть пессимистическое представление относительно текущего момента времени; убежденность в том, что «золотой век» остался в прошлом, а это значит, что при должных усилиях и соблюдении установленного порядка вещей процесс естественной деградации человека и общества можно замедлить.
- 2) Полисное мироощущение, согласно которому полис предстает в виде «естественным образом возникшего одушевленного тела, в котором отдельная его часть, человек-гражданин, являясь носителем блага целого и участвуя в нем, сам по себе значения не имеет; порядок

политической связи является частью общего космического порядка»⁵.

Представленные три пункта — это набор мировоззренческих установок, формирующих особенности самопознания человека Античности. Возникает вполне закономерный вопрос: каким путем это можно сделать?

Первый путь — постичь себя и свою природу самостоятельно через призму блага. Данный путь основан на той предпосылке, что благо принципиально достижимо. И это органично вписывается в картину мира Античности, где благо полиса есть благо каждого и, в свою очередь, общее благо есть единственно возможное гармоничное состояние, при котором достижимо благо отдельно взятого гражданина⁶. Здесь важно отметить, что политическая культура полиса применительно к теме сегодняшнего разговора складывается из трех компонентов: личная добродетель, политическое участие (то есть, участие в деятельности законосовещательных и судебных органов), воинский долг.

Таким образом, мы имеем дело с триединством, каждая отдельная часть которого человеком Античности не мыслится в отрыве от двух других:

1) Познать себя как личность, то есть за счет саморефлексии и общения с другими гражданами поместить себя в систему морально-нравственных координат. Желаемый результат — взрастить в себе личную добродетель.

2) Познать себя как человека политического (в том числе оратора), то есть в ходе открытой, конкурентной дискуссии по общественно значимым вопросам противопоставить свою позицию позиции другого оратора. Желаемый результат — внести собственный конструктивный вклад в достижение блага полиса либо, реализовав себя в рамках политического процесса.

⁵ Чанышев А. А. *История политических учений: западная классическая традиция: античность — первая четверть XIX в.: учеб. пособие. В 2 ч. — Изд-во МГИМО Москва, 2015. — С. 830. Ч.1, С.13.*

⁶ *Институт гражданства лежит в основе полисной организации политической жизни, вследствие чего в данном случае употреблять термин «гражданин» будет корректнее, чем «индивид».*

3) Познать себя как воина, то есть не просто проявить на поле боя личную доблесть, но и стать частью строя — единого целого, действующего как механизм, в котором поломка одного элемента может повлечь за собой выход из строя всей системы. Желаемый результат — обеспечить физическую безопасность (в данном случае, благо) полиса с оружием в руках, будучи одним из звеньев упорядоченного войска.

При таком сценарии полис как форма государства, прежде всего, заинтересован в сохранении существующего типа политической культуры, институтов и социальных практик. Может показаться, что подобный порядок сам по себе приближен к идеалу, и ему сложно найти альтернативу, в том числе и с точки зрения реализации формулы «*Temet nosce*». Вместе с тем, иной путь самопознания в рамках собственного проекта «идеального государства» был предложен Платоном.

Речь идет о том, что одним из неотъемлемых компонентов платоновского «идеального государства» является принцип распределения социальных ролей. Если попытаться найти современный аналог этой системе, то относительно близким можно считать школу раннего развития, где дети вне балльной системы оценивания в игровой форме овладевают важными социальными навыками. Кроме того, преподаватели дают родителям рекомендации и делятся с ними наблюдениями относительно способностей ребенка и его возможном будущем профессиональном развитии.

В платоновском сценарии подобный институт раннего развития играет важнейшую роль в построении «идеального государства». Наблюдения учителей-наставников носят не просто рекомендательный характер, но, по сути, фиксируют за будущим гражданином его место в профессиональной и социальной структуре полиса. Метафорически подобная социальная практика описывается с помощью сравнения преобладания одного из трех металлов в душе человека, но для сегодняшнего разговора это не имеет первостепенного значения. Самопознание при таком сценарии не предусматривает элемент выбора наиболее желанного для гражданина с его точки зрения пути, а, напротив, заключается для последнего в

том, чтобы реализоваться в рамках конкретного набора уже установленных жизненных обстоятельств. Отличной иллюстрацией этого пути является фраза оракула Пифии из уже упомянутого в сегодняшнем разговоре кинофильма «Матрица»: «выбор уже сделан. Тебе остается это осознать». Только в данном случае не просто осознать, но и принять его как обоснованный и рациональный, то есть нацеленный на достижение высшей ценности. Проще говоря, гончар/плотник/земледелец/военачальник/судья должен не просто примириться со своей судьбой, но и приложить все усилия для того, чтобы достичь в своем деле максимальных высот и быть максимально полезным обществу. Естественно, что описание такой конструкции перед современной аудиторией вызывает изрядную долю скепсиса: казалось бы, почему, например, кузнец должен не просто соглашаться с давним решением некой «комиссии» относительно собственной судьбы, но и считать его разумным и принимать его как данность? Для ответа на этот вопрос важно понимать, что, во-первых, Платон не отказывается от блага полиса как высшего блага⁷, а во-вторых, философ предлагает комплекс практических мер по созданию новой системы мировоззренческих установок вокруг данного принципа принятия себя. Наконец (а в действительности, это не менее важно, чем первые два пункта) — право голоса и участие в политической жизни полиса остается неотъемлемым гражданским правом. Поскольку полное погружение в мировоззрение и политические учения Античности не является сегодняшней задачей — движемся дальше и рассмотрим то, какими путями принцип «*Temet nosce*» находил свое воплощение в Средневековье.

Для человека Средневековья познать себя — это, прежде всего, сопоставить себя с авторитетом. Авторитет же понимается либо как морально-нравственный ориентир, абсолютным выражением которого является Бог, либо ориентир сфере профессиональной деятельности. Как справедливо замечает в работе «Бегство от свободы» известный немецкий социальный философ, психоаналитик, один из наиболее ярких представи-

⁷ *Иными словами, решения полиса, принятые в рамках легитимных социальных практик есть благие решения.*

телей фрейдомарксизма Эрих Фромм, идентичность человека Средневековья складывается из трех основных компонентов: профессиональной принадлежности, географической (но не страновой) принадлежности, религиозного аспекта⁸. Иными словами, если такому человеку задали бы вопрос «кто ты?», то он бы, по всей видимости, ответил нечто вроде «я винодел из Шампани, и я чту Закон Божий».

В профессиональной сфере самопознание принципиально не отличается от периода Античности в силу во многом схожей производственной логики. В ее основе, прежде всего, лежит принцип исключительности умений (речь идет о ремесленной культуре как основе дальнейшего технологического прогресса человечества). Скажем, действительно талантливый сапожник будет заниматься сапожным делом и пытаться лично передать свои умения ученикам, но в случае если ни один из учеников не окажется в достаточной степени способным перенять мастерство учителя — ремесленная династия прерывается. В таких условиях (не следует забывать, что набор «вакансий» на средневековом рынке труда сильно ограничен) познать себя с профессиональной точки зрения относительно просто в силу прямого личного контакта с авторитетом.

Сложнее обстоят дела в системе духовных координат, поскольку эта сфера претерпела действительно существенные (по сравнению с Античностью) изменения. Вернемся на шаг назад; характеризуя полисную картину мира, А.А. Чанышев замечает, что «письменность не является специальным умением, культивируемым жреческим сословием, а представляет собой элемент образования. Законы фиксируются в общедоступной письменной форме, имеют точный и постоянный характер»⁹. Что это означает в практическом плане применительно к теме сегодняшнего разговора? Подобная практика говорит о том, что любой способен самолично узнать о том, что есть добродетель и благо, ведь пороговый уровень необходимого для этого знания доступен ему априори, будучи одним из элементов образования. В Средневековье дела обстоят иначе. Прежде всего, грамотность перестает быть необходимой составляющей для успешной со-

⁸ См.: Фромм Э. *Бегство от свободы* — Москва: Аст, 2011. — 288 с.

⁹ Чанышев С. 15.

циализации и адаптации к жизни в обществе. Отсюда, естественно, ее низкий уровень. Однако при этом критически важные догмы и мировоззренческие установки в Средневековье зафиксированы в письменном виде; и не просто в письменном, а допускающем множественность трактовок. Иными словами, мы имеем дело с такой картиной мира, когда в силу сложившихся обстоятельств познать себя самолично, сопоставив с нравственным авторитетом, практически не представляется возможным. Возникает вопрос: каким образом разрешалось подобное противоречие?

Ключевым в данном случае становится институт посредника между познающим субъектом и внешней средой, а именно личность служителя церкви. Познать же себя становится возможным, прежде всего, за счет интерпретации со стороны компетентной третьей стороны. Проще говоря, дать оценку себе как личности и профессионалу и провести работу над ошибками можно тогда, когда человек имеет возможность ознакомиться с общепризнанными критериями оценки и понять их. В противном случае, ему для этого необходим «специалист», разбирающийся в подобной системе координат и способный выступить в качестве эксперта. Как было сказано выше, подобную функцию в Средневековье берет на себя служитель церкви.

Что же касается средневекового государства как одного социальных институтов — необходимо сделать несколько важных замечаний. Во-первых, мы говорим о периоде феодальных государств, которые не руководствуются логикой централизованных государств современности по возвращению собственных граждан. Во-вторых, речь также идет о периоде, когда национальное государство не было преобладающей формой социальной организации¹⁰. В подобных условиях, безусловно, не

¹⁰ Стоит напомнить, что решающим событием в возвышении национального государства как на внутривосточной, так и на международной арене принято считать заключение в 1648 г. Вестфальского мирного договора между императором Священной Римской империи и его союзниками с одной стороны и Швецией, Францией и их союзниками — с другой. Установившаяся в результате договора система международных отношений называют вестфальской. Вместе с тем, нужно понимать, что само по себе Вестфальское мирное соглашение только закрепило уже сложившийся к моменту его заключения порядок с доминированием национальных государств и соответствующих им социальных институтов и практик.

приходится говорить о целенаправленной государственной политике по созданию либо унификации критериев отношений индивида с самим собой.

Приход Нового времени, можно сказать, перевернул с ног на голову мировоззренческую систему Античности, сформировав новую картину мира и тип научной рациональности. Для начала поговорим о Реформации и тех изменениях в сознании и социальных практиках, которые она за собой повлекла.

Традиционно социальные философы отводят Реформации роль катализатора развития капитализма, который нашел опору в этике протестантизма¹¹. Но какое значение Реформация имела для «*Temet nosce*», если вообще имела? В этом вопросе нас, прежде всего, будут интересовать два момента, связанные с изменением мировоззренческих установок:

- 1) Смещение акцента социально-политической и философской мысли на человека;
- 2) Общее изменение логики, лежащей в основе производственных процессов.

Остановимся на этих пунктах подробнее.

Как мы знаем, одной из первостепенных инициатив Мартина Лютера стала попытка вернуть верующего к первоисточнику, снизив таким образом влияние на человека интерпретационного компонента религии. Для этого был сделан оригинальный перевод Библии, а также велась просветительская работа (в том числе по распространению грамотности). Задача — ограничить посреднические возможности церкви как социального института, при этом не дискредитировав ее полностью и сохранив в человеке ключевые установки религиозной картины мира. Последняя деталь достаточно важна, поскольку было бы ошибочно понимать Реформацию как попытку перейти к исключительно светскому мировоззрению.

Кроме того, необходимо помнить о том, что эпоха Возрождения во многом подготовила почву для тех процессов, о которых мы говорили выше. Именно Ренессанс стал периодом повторного «обращения к человеку». Однако не стоит думать, что это обращение к человеку стало результатом некоего аб-

¹¹ Подробнее об этом см. например: Вебер М. *Протестантская этика и дух капитализма*. - М., 2003.

страктно-эстетического философствования. Иначе говоря, фрески Сикстинской капеллы, Виртувианского человека и «Преображение» применительно к теме сегодняшнего разговора следует воспринимать не просто как плод вдохновения творца, работающего на богатого и влиятельного заказчика и увидевшего прекрасное в теле. Искусство Возрождения — это отражение накопленных знаний о человеке и его месте в мире, перенесенное на холст или запечатленное в мраморе. Мы говорим о времени, когда Коперник представляет миру современное видение законов небесной механики, экспедиция Колумба достигла Нового света, а Иоганн Гутенберг нашел способ тиражирования текста, положенный в основу массового книгопечатания. Таким образом, человек перестает ощущать себя исключительно частью природного мира, отделяя себя от него и противопоставляя ему¹². Конечно, нужно хорошо понимать, что пройдет достаточно много времени, прежде чем достижения выдающихся представителей своего времени станут частью обыденного сознания среднего индивида и гражданина, но тем не менее, мы имеем все основания утверждать, что в духовной плоскости индивид сделал значительный шаг к познанию себя через собственный опыт¹³.

Вместе с тем, Модерн начинает вносить коррективы в принцип «*Temet nosce*» с точки зрения профессиональной деятельности индивида. Остановимся на этом моменте более подробно.

Говоря сегодня об Античности, мы отмечали, что сам характер и совокупность важных для самопостижения знаний, накопленных в эту эпоху, подразумевал, прежде всего, возможность постижения их необходимого объема отдельным индивидом без активного внешнего вмешательства. Но время не стоит на месте:

¹² Собственно говоря, именно процесс противопоставления человека природе и был положен Мартином Хайдеггером в основу его рассуждений о картине мира, которая, по его мнению (о чем уже говорилось сегодня), является исключительно продуктом Модерна. Подробнее об этом см.: Хайдеггер М. *Время картины мира / Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления.* — М.: Республика. 1993. — С. 41—63.

¹³ Обратим внимание на тот факт, что научные открытия в эпоху Возрождения перестают позиционироваться как результат исключительно божественного вмешательства, а предстают как результат рефлексии опыта исследователя.

накопление знаний и развитие технологий стремительно меняют облик общества. Более того, лавинообразный рост знания закономерно приводит к тому, что его объем уже невозможно постичь усилиями одного индивида: знание начинает «расслаиваться» и носить специализированный характер. А коль скоро знания становятся много по меркам отдельного индивида, и это знание становится чрезмерно специфическим — «не знать всего» становится нормальной и абсолютно приемлемой формой существования индивида в обществе. Действительно, например, прованский пасечник мог полноценно познать себя и реализовать себя как профессионал и без погружения, скажем, в современные ему открытия в области горного дела. Таким образом, допустимо приемлемый уровень незнания становится характерной чертой усложняющегося мира¹⁴.

Сегодняшний разговор мы начали с того, что отметили политический характер рассматриваемого вопроса, а это значит, что государство достаточно оперативно включилось в управление принципом «*Temet nosce*». Но прежде необходимо еще раз отметить для себя, что государство раннего Модерна имеет минимум общего с современным нам социальным институтом. Государство еще только «учится» быть таким, каким мы знаем его сегодня: пока не существует привычных систем образования, здравоохранения, социального обеспечения, наказания, а преобладающие обычаи и социальные практики могут показаться без должного знания исторического контекста как минимум причудливыми и необоснованными¹⁵. Не случайно, что в таких условиях государство в первую очередь модернизирует архаичные институты и социальные практики, исходя из принципа «эффективности, незаметности и экономичности»¹⁶. Кроме

¹⁴ Об этом подробнее см. например: Хабермас Ю. *Модерн — незавершенный проект* // *Вопросы философии*. 1992. № 4. С. 40—51.

¹⁵ В этом смысле для понимания исторического контекста полезным будет ознакомиться с обширным корпусом литературы в рамках бытописания соответствующей эпохи.

¹⁶ Триада «эффективной, незаметной и экономной» власти принадлежит выдающемуся французскому мыслителю XXв. Мишелю Фуко. Подробнее см.: Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. — М.: *Ad Marginem*, 1999., С. 480.

того, как уже было сказано, изменившаяся логика производства также внесла коррективы в эволюцию принципа «познай себя». Этому есть несколько объективно-исторических причин.

Модерн — это не только эпоха приведения социальных институтов и практик в соответствие с требованием времени. Помимо этого, (и во многом вследствие этого) в Новое время наблюдается заметный рост населения европейских государств. Такая ситуация требует пересмотреть принцип «исключительности в труде», о котором сегодня шла речь, когда мы говорили об Античности. Централизованное государство Модерна уже не может себе позволить полагаться на талант мастера, как движущую силу производства. Во-первых, талант сам по себе рождается редко; кроме того, предсказать его появление в той или иной части государства при имевшем место уровне развития медицины и структур, ответственных за работу с подрастающим поколением, очень затруднительно. Во-вторых, лучшее, что может обеспечить подобная система производства — это ручное штучное либо мелкосерийное производство, организованное по принципу мануфактуры. Если такой путь в целом подходил для нецентрализованных феодальных государств Европы — то Новое время начинает предъявлять к системе производства иные требования хотя бы потому, что его физические объемы необходимо увеличивать при минимально допустимой потере качества. В-третьих, как уже говорилось выше, талант мастера нельзя гарантировано передать его ученику, а роскошь простоя и ожидания государство себе позволить больше не может. Если, скажем, в сфере властных отношений политические элиты нашли способ «наследовать» харизму, придя в результате к веберовскому формально-рациональному типу господства — то с талантом этого не произошло.

Решая задачу с тремя вводными, государство Модерна приступило к формированию индустриального типа производства. Поскольку полагаться на талантливое мастера уже нельзя — возникает задача насколько это возможно исключить личностный фактор из процесса производства. Сделать это можно за счет унификации технологического цикла (здесь абсолютным наглядным выражением выступает конвейер), а также внедрения в систему образования механизмов формирования у инди-

вида конкретного набора умений, необходимого в определенной профессиональной сфере. Проще говоря, государство рассчитывает на то, что в результате развития индустриального способа производства два одинаковых товара будут либо идентичны, либо не будут критически отличаться друг от друга. Что же касается непосредственно «работника», то ожидается, что два индивида, получившие от государства аналогичный набор знаний и умений в целом идентично реализуют его в профессиональной деятельности. Скажем, два индивида, получивших одинаковое образование в области кузнечного дела, должны уметь за примерно одинаковое время изготавливать примерно одинаковое количество, например, подков идентичного качества, а также в одинаковой степени владеть соответствующим оборудованием по изготовлению собственной продукции. В результате, если возникнет необходимость заменить одного кузнеца другим (смерть, потеря трудоспособности — причина не играет роли) — это должно произойти максимально безболезненно. Таким образом, для государства становится важным воспитать не одного выдающегося мастера, а нескольких равнокомпетентных работников, а принципы унификации и стандартизации начинают выходить на первый план, что резко повышает эффективность труда. Дальнейшее развитие логики индустриального общества в целом исторически совпало с прогрессом биологии, химии, медицины и других областей знания, расширяющих и обогащающих представления о человеке.

Мы знаем, что психотипирование как набор техник непосредственно выросло из психоанализа. Остановимся на этом моменте подробнее. Вторая половина XIX в.: буржуазия как социальная страта уже в достаточной степени укрепила свои позиции и сформировала собственную элиту, государство делает значительные успехи на пути к всеобъемлющей индустриальной логике и уже в большей степени похоже на тот социальный институт, каким мы знаем его сегодня, а вовлеченность индивида в политический процесс заметно возросла. Вместе с тем, психическая жизнь человека по-прежнему остается слабым местом с точки зрения объяснения ее закономерностей и, что не менее важно, сбоев и ее иррациональных черт. Медицина пока еще не способна

дать ответы на эти вопросы, а ответы церкви уже не кажутся достаточными и убедительными. Безусловно, речь пока не идет о так называемых неврозах мегаполиса как массовом феномене современности, но нарушения в психической жизни уже начинают обращать на себя внимание. На этом фоне катартический метод лечения неврозов, предложенный И. Брейером и З. Фрейдом¹⁷, предстал в качестве нового этапа развития психотерапевтических техник, показав относительно неплохие результаты. Для нас это важно потому, что в основе гипнотического катарсиса и психоанализа¹⁸ лежит посылка о том, что ключ к познанию человека кроется в изучении его психической жизни. Однако при этом пролить свет на собственную психическую жизнь самостоятельно индивид не способен, поскольку наиболее сокровенные ее части лежат в сфере бессознательного, то есть принципиально непознаваемы собственными усилиями. Таким образом, познать себя с психоаналитической точки зрения в полном и истинном смысле возможно только воспользовавшись услугами посредника и проводника в мир самопознания. В результате мы имеем дело с такой техникой, при которой «*Temet nosce*» происходит под тщательным надзором специалиста по заранее обдуманной и срежиссированной процедуре. Провокационные и эпатажные, психоаналитики заставили о себе говорить, и далеко не всегда в позитивном ключе. Для нас сейчас не столь принципиально несоответствие психоаналитического лечения выводам официальной медицины и непринятие психоанализа со стороны последней. Речь о том, что с этих пор «*Temet nosce*» становится коммерческим, и не просто коммерческим, а коммерчески успешным. Изначально психоанали-

¹⁷ *Катартический метод был разработан как новое слово в лечении неврозов за счет побуждения пациента к повторному контролируемому переживанию травматических эмоций и ситуаций. Последующая реакция пациента — катарсис была направлена на разрядку психики и соответствующий терапевтический эффект. Первоначально при катартическом лечении применялся преимущественно гипноз, который позднее был заменен З. Фрейдом на метод свободных ассоциаций.*

¹⁸ *Далее совокупность катартического метода и психоанализа мы будем называть просто психоанализом из-за схожести их принципов, а также потому, что тема разговора допускает это упрощение без потери смысла.*

тический проект носил во многом эксклюзивный характер: позволить себе «познать себя» могли только состоятельные клиенты, однако постепенно метод начинает распространяться, отчасти упрощаться и становится более доступным, а один из ближайших сподвижников Зигмунда Фрейда Карл Густав Юнг разрабатывает теорию «психологического портрета личности», который мы непосредственно и называем психотипом.

Мы не будем подробно раскрывать содержание, которое Юнг вкладывал в понятие психотипа, а также описывать описанные Юнгом психотипы — это не является непосредственной темой сегодняшнего разговора; остановимся на другом, а именно на целях, которые ставил перед собой автор теории психотипов. Если для наглядности несколько упрощать, то можно прийти к выводу, что психоаналитическое лечение Фрейда соотносится с психотипированием Юнга как частная медицинская практика с клиникой¹⁹. Проще говоря, в своей основе психотипирование имеет тезис о принципиальной возможности создать инструментальную систему классификации индивидов с точки зрения их психической жизни, таким образом, максимально исключив возможное влияние подсознательного. Во-вторых, продолжение Юнгом дела Фрейда — это уже не только и не столько лечение в буквальном смысле. Что это означает на практике?

Представим, что я прохожу процедуру психотипирования. Для того чтобы результат соответствовал моим ожиданиям, мне необходимо принимать во внимание следующие моменты. Во-первых, для специалиста мой случай — моя психическая жизнь не являются полностью уникальными и самобытными. При всей вариативности системы психотипов, их число ограничено (в юнговском варианте их 16), поэтому я должен исходить из неизбежной потери качества в силу обобщений. Во-вторых, психотипирование — это лишь вспомогательный шаг для самопознания. Получив в результате процедуры психотипирования собственный психологический

¹⁹ Подробнее об этом см.: Фуко М. *Рождение клиники М.: Академический проект, 2010. — 252 с.*

портрет, я — по классической задумке Юнга — должен буду использовать эти сведения для дальнейшей работы с собственным Я.

Но здесь перед нами возникает вопрос: почему исследователи психической жизни индивида добровольно отказались от посылки об уникальности каждой психики, приняв идею того, что возможные огрехи за счет обобщений не являются проблемой? И почему непосредственно сам индивид принял такую модель?

Ответ на эти вопросы во многом связан с особенностями общественно-политических процессов второй половины XIX — начала XX вв. Прежде всего, развитие знаний в смежных с психологией сферах (прежде всего, биология и медицина) к концу XIX в. шло по пути систематизации и классификации. Это нашло отражение, например, в сложившейся классификации заболеваний, когда конкретной болезни соответствует четко определенная симптоматика и процедура лечения. Аналогичным примером является постоянно пополняющаяся и уточняющаяся таксономия видов в биологии. Таким образом, общая тенденция становления естественнонаучного знания формировала определенные паттерны и в психологической науке.

А дальше государство — социальный институт, который никогда не дремлет и чутко отслеживает состояние и тенденции общественного развития, в очередной раз включилось в процесс модерирования принципа «*Temet nosce*» с целью использовать его как инструмент формирования гражданина и профессионала. Необходимые предпосылки для этого уже имелись. К концу XIX — началу XX в. практически вся предварительная работа была сделана. Воспользовавшись появившимся с приходом Модерна принципом «знать все обо всем невозможно и ненужно — для этого есть профессионалы», исследователи психической жизни человека сумели, по сути, сделать процесс самопознания коммерчески успешной услугой, организованной по принципу рыночных отношений, когда клиент не может самостоятельно воспроизвести эту услугу без посредника. Кроме того, если посмотреть на ситуацию с точки зрения государства как организующего начала

социальной жизни, то становится понятно, что оно в значительно большей степени заинтересовано в воспитании некоторого числа среднестатистических «правильных» граждан, нежели в сосредоточении усилий на воспитание одного в большей степени выдающегося. Проще говоря, в случае успеха возможная выгода от воспитания, скажем, политически образованного, эрудированного, высококлассного токаря будет в целом ниже, чем возможные издержки от недосмотра за несколькими гражданами, склонными к антисоциальному и девиантному поведению. Государство современного типа (а речь в данном случае уже можно вести о государстве современного типа) стремится минимизировать собственные издержки, в том числе за счет экономии на масштабе, и ему проще и дешевле принять факт того, что психотипирование неизбежно влечет за собой приемлемый для него уровень погрешности в результатах. Так проявляется экономически-рациональное начало государства. В этом смысле новый всплеск интереса к человеку и его внутреннему миру, возникший во второй половине XIX в. и выразившийся в массовом росте популярности психотипирования и родственных ему методик, стал для него сигналом к действию.

В результате индивид, по большому счету, оказался в ситуации, когда в государстве и обществе современного типа самопознание становится либо услугой, которую ему на рыночных принципах оказывает компетентный специалист, либо в профессиональной плоскости становится частью осознанной государственной политики и приобретает не совсем факультативный характер. Например, элементы методики диагностики Майерс-Бриггс внедрены в образовательную систему США. С другой стороны, и сам индивид демонстрирует склонность к тому, чтобы доверить свое самопознание профессионалу, который в общем смысле является для него авторитетом. Подобное положение дел, как мы сегодня могли увидеть, является одним из следствий наступления эпохи Модерна, существенно изменившей человека, общество и государство. В рамках сегодняшнего разговора мы не будем подробно останавливаться на позитивных и негативных последствиях эволюции принципа «*Temet nosce*» для самого ин-

дивида; заметим только, что критика внедрения рыночных принципов и осознанного точечного вмешательства государства в человеческое самопознание была сосредоточена преимущественно на левом крыле политического спектра, который остро реагировал на становление новых (деструктивных, по их мнению) форм ограничения индивида и гражданина.

Рекомендованная литература

1. Алексеева Т.А. Зачем нужна «квантовая» реформа конструктивизма в теории международных отношений? / Т.А.Алексеева, А.П.Минеев, А.В.Фененко, Б.И.Ананьев // Вестник МГИМО-Университета. — 2016. — №6. — С. 7—13.
2. Алексеева Т.А. Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше? Сравнительная политика. 2017;8(4): С. 30—41.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — М., 2003.
4. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. / Сост. М.Г. Ярошевский. — 1989. — 448 с.
5. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. — СПб., 1997.
6. Фромм Э. Бегство от свободы — М.: Аст, 2011. — 288 с.
7. Фуко М. Рождение клиники М.: Академический проект, 2010. — 252 с.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М.: Ad Marginem, 1999.
9. Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40—51.
10. Хайдеггер М. Время картины мира / Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. — М.: Республика. 1993. — С. 41—63.

11. Чанышев А. А. История политических учений: западная классическая традиция: античность — первая четверть XIX в.: учеб. пособие. В 2 ч. — Изд-во МГИМО Москва, 2015.
12. Юнг К. Г. Психологические типы /Пер. с нем. Софии Лорне / Под общей ред. Зеленского В. — СПб.: "Ювента"; — М.: Издательская фирма "Прогресс-Универс", 1995. — 718 с.

МАРКСИЗМ КАК ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ

Лекция в рамках курса «Теория политики»

Свою сверхзадачу в рамках сегодняшней лекции я бы сформулировал так: «Увлечь вас Марксом!» А если точнее — «Увлечь вас **изучением** Маркса!»

Нет-нет, я не ставлю цели сделать вас «марксистами» — здесь каждый решает сам за себя. И в будущем вам решать, пойдете ли вы как теоретики по пути, начало которого положено Марксом, или выберете себе в учителя другого мыслителя или другую школу. Но кого бы вы ни избрали в свои идейные наставники, знайте — без Маркса (если вы претендуете на серьезные свершения в сфере политической теории и практики) вам не обойтись. Скажу даже жестче: без Маркса, без глубокого изучения его работ, без внимательного знакомства с его идеями вы обречены на «посредственность».

В общем, я вас предупредил, и это очень ответственное предупреждение, но я не хотел бы, чтобы вы просто поверили мне на слово. Я хотел бы привести обоснование этого моего предупреждения (признаю, немного пафосного, но это для того, чтобы оно как можно глубже врезалось в ваше сознание, в вашу память).

Как правило, когда размышляют над тем, браться ли за основательное изучение работ того или иного автора (ведь на это уйдет масса времени и сил — не потратить бы их впустую), обращаются к свидетельству людей знающих, компетентных, толковых, к которым испытывают доверие и симпатию. Так вот, позвольте привести ряд такого рода свидетельств. Послушайте, что говорят о Марксе выдающиеся авторитеты в сфере гуманитарных наук. Причем — что важно отметить — автори-

теты, принадлежащие к разным теоретическим школам и направлениям: либералы и социалисты, консерваторы и коммунисты, материалисты и идеалисты, религиозные мыслители и атеисты. Все они часто и остро (иногда даже с определенной долей враждебности) спорят между собой, возвышают учителей, классиков своих школ и ниспровергают кумиров школ-соперников. Но есть один политический мыслитель, пользующийся абсолютным признанием всех по-настоящему серьезных ученых. Мыслитель, которого и его последователи, и его критики в один голос называют гением. Имя этого мыслителя — Карл Маркс.

Петр Струве: «Универсализм Маркса обострил его социологическое зрение. Так, он дал Марксу гениально схватить тот антагонизм между интересом рода и интересом индивида, который обнаруживается в фактическом и социальном развитии».

Николай Бердяев: «В марксизме меня всего более пленил историко-софский размах, широта мировых перспектив. По сравнению с марксизмом старый русский социализм мне представляется явлением провинциальным... Маркса я считаю гениальным человеком».

Йозеф Шумпетер: «Маркс — пророк, социолог, экономист и учитель».

Хосе Ортега-и-Гассет: «Я страстно с ним (марксизмом) сражался, но это как раз свидетельствует о том, как я высоко его ценю... Какая изумительная иллюминация внезапно озарила сумрак прошлого, когда Маркс и его соратники бросили в эту гигантскую пещеру теней и отголосков факел своей отважной мысли».

Макс Вебер: «Каждый, кто когда-либо работал с применением марксистских понятий, хорошо знает, как высоко неповторимое эвристическое значение этих идеальных типов, если пользоваться ими для сравнения с действительностью...»

Карл Ясперс: «В наши дни стало совершенно очевидным, что от характера труда и его разделения зависят структура общества и жизнь людей во всех ее разветвлениях. Это понимал уже Гегель, а Маркс и Энгельс разработали это положение в своей теории, имеющей эпохальное значение».

Мартин Хайдеггер: «Поскольку Маркс, осмысливая отчужде-

ние, проникает в сущностное измерение истории, постольку марксистский взгляд на историю **превосходит другие исторические теории...**»

Карл Поппер: «Влияние Маркса на христианство можно, по-видимому, сравнить с влиянием Лютера на Римскую церковь. Если христианство встало сегодня на путь, отличный от того, которым следовало всего тридцать лет назад, то этим оно в немалой степени обязано влиянию Маркса».

Джон Гэлбрейт: «Маркс глубоко воздействовал и на тех, кто не принимал его системы. Его влияние распространилось на тех, кто предполагал, что были не подвержены этому влиянию... Одним из следствий отказа от неоклассической модели является возрождение интереса к теории марксизма...»

Альбер Камю: «Требую для труженика подлинных богатств, заключающихся не в деньгах, а в праве на отдых и свободное творчество, Маркс, в сущности, требовал **восстановления достоинства человека**. Есть у него фраза, на редкость ясная и резкая, которая раз и навсегда отказывает его торжествующим ученикам в величии и гуманизме, свойственных ему самому: “Цель, нуждающаяся в несправедливых средствах, нельзя считать праведной целью”».

Юрген Хабермас: «Карла Маркса недаром считают одним из **величайших мыслителей всех времен**. Он и только он из всех кто пытался, сумел **предвидеть будущее**. Его предсказания были настолько точными, что люди, ими руководствующиеся, сумели изменить будущее».

Фридрих Энгельс: «Маркс настолько **превосходит всех нас своей гениальностью**, своей чуть ли не чрезмерной научной добросовестностью и своей баснословной ученостью, что если бы кто-либо попытался критиковать его открытия, то он только бы обжегся на этом... Я вообще не понимаю, как можно завидовать гению. Это настолько своеобразное явление, что мы, не обладающие этим даром, заранее знаем, что для нас это недостижимо; но чтобы завидовать этому, надо уж быть полным ничтожеством».

Основная мысль всех этих высказываний: сегодня без Маркса, без основательного знания его идей и концепций невозможно достичь серьезного научного результата в любой

сфере политической теории, какого бы направления, какой бы идеологической системы вы не придерживались.

Согласно опросу, проведенному в Германии в ноябре 2003 г., Маркс занял третье место в номинации «самый великий немец», уступив только Конраду Аденауэру и Мартину Лютеру.

«Я видел так далеко, — сказал однажды Ньютон, — потому что стоял на плечах гигантов». Для современного политического мыслителя, желающего «видеть далеко», непременно надо встать на плечи гиганта из гигантов — Маркса. Что же обеспечило ему подобную славу?

Маркс — «конденсатор прошлого» и «катализатор будущего»¹

Прежде всего, Маркс — единственный в истории гуманитарного знания мыслитель, в котором с такой полнотой сконцентрировались, сфокусировались все мировые достижения, идеи, концепции, открытия прошлых эпох, особенно в таких областях знания, как философия, политическая экономия, политическая теория. Марксизм — это, можно сказать, конденсатор (накопитель) всего предшествующего гуманитарного знания, фокус, в который стягиваются все наивысшие достижения человечества в сфере социального творчества. И достижения эти, переработанные и обогащенные Марксом, вываренные в его интеллектуальном «котле» и выброшенные затем в социально-политическую науку, дали такой мощный толчок развитию как политической теории, так социальной практики. Можно даже сказать, что под аккомпанемент идей Маркса шло развитие всех общественных наук и социальной практики последних двух столетий. Вот почему, если прибегнуть к фигурам образной речи, Маркса можно назвать всеобъемлющим **конденсатором** прошлого и могучим **катализатором** будущего.

Как и любой по-настоящему крупный мыслитель, Маркс начинается с философии, которая закладывает мировоззрен-

¹ *Конденсатор* (от лат. *Condensatio* — «накопление») — устройство для накопления заряда и энергии электрического поля. *Катализатор* — вещество, ускоряющее реакцию.

ческий фундамент и задает направление всей дальнейшей деятельности человека.

Философско-мировоззренческие основания политической теории Маркса

12 августа 1835 г. в школьном сочинении «Размышления юноши о выборе профессии» юный (семнадцатилетний) Маркс написал следующее: «...главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является **благо человечества**, наше собственное совершенствование. Не следует думать, что оба эти интереса могут стать враждебными, вступить в борьбу друг с другом, что один из них должен уничтожить другой; человеческая природа устроена так, что **человек может достичь своего усовершенствования, только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага**. Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком. История признает тех людей великими, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее; опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей»².

Эти мысли определяют направление дальнейшего поиска. Родственные идеи он находит в античной философии. В первую очередь, в философии Сократа. Сократ укрепляет его в его позициях. Служение людям, человечеству — вот девиз сократовского гуманизма. К Сократу более, чем к кому-либо можно отнести афоризм Маркса того времени: «сами философы являются живыми образами, живыми художественными произведениями». Единство взглядов и образа жизни по образцу Сократа становится для Маркса непререкаемым императивом. Сократ для него — «демиург, олицетворение философии». Сократ учит мыслить, не ограничиваясь поверхностными сентенциями здравого смысла. Первой Школой Большого Мышления

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения — изд. 2. — Москва: Издательство политической литературы, 1974. — т. 40. С. 7.

и стала для Маркса античная философия. За Сократом последовали Платон, Аристотель, Диоген Лаэртский, Плутарх, Симплиций, Фелистий, Цицерон, Стобей, Филонон, Лукреций Кар, Секст Эмпирик. Это было своеобразное чтение. Маркс — и их ученик, и их собеседник, и их критик. Он встает на их плечи, вырабатывая **собственную мировоззренческую позицию**. В этом философском развитии Маркса особо важную роль сыграет его работа над докторской диссертацией «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». Здесь подводятся основные итоги изучения античной философии. Особенно значимой станет идея, сопровождающая в дальнейшем все размышления Маркса — идея о диалектическом сочетании Необходимости (разрабатывавшейся Демокритом) и Свободы (Эпикур). Для Маркса на всю жизнь станет девизом демокритовский принцип: «Я предпочел бы открытие одной новой причинной связи персидскому престолу!» А из Эпикура он выпишет: «Пусть никто, пока он молод, не откладывает занятия философией»³.

Философская культура и философская эрудиция молодого Маркса производили ошеломляющее впечатление. «Это такое явление, которое произвело на меня очень внушительное впечатление, — писал Мозес Гесс в начале сентября 1841 г. своему другу Ауэрбаху, — короче говоря, ты должен быть готов познакомиться с величайшим, быть может единственным из ныне живущих подлинным философом, который вскоре, как только он публично выступит (в печати или с кафедры), привлечет к себе взоры Германии... Доктор Маркс — так зовут моего кумира — еще совсем молодой человек (ему едва ли больше двадцати четырех лет), но именно он нанесет последний удар средневековой религии и политике; глубочайшая философская серьезность сочетается в нем с тончайшим остроумием; вообрази себе Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля соединенными вместе в одном лице — я говорю соединенными, а не смешанными — и это будет доктор Маркс»⁴.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения — изд. 2. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — т.40. С. 189.

⁴ Лапин Н.И. Молодой Маркс. — М., 1968. — С. 41-42.

И это пишет не кто-нибудь, а уже достаточно к тому времени известный философ!

Однако же философия для Маркса не была самоцелью. Он вовсе не стремится стать философом-профессионалом. Философия формирует мировоззрение Маркса, вооружает методами исследования и действия. Более того, он вообще переосмысливает назначение философа и философии. «Философы лишь различным образом объясняли мир, — запишет он в своих знаменитых “Тезисах о Фейербахе” (1845 г.), — но дело заключается в том, чтобы изменить его»⁵. Для него изначально: философия должна быть философией практики.

Но чтобы изменять, переделывать мир, надо его познать, знать то, что есть, и почему, и как его следует изменять. Успешность действий зависит, прежде всего, от вопроса, познаваем ли мир. Тут надо было преодолеть агностицизм Канта, утверждавший принципиальную невозможность познания вещей «самих по себе» («в себе»). Если ограничиться только сферой теории, Кант неопровержим. Тогда Маркс выходит за границы чистой теории — **для него критерием истины выступает практика.**

«Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — запишет Маркс, — вовсе не вопрос теории, а **практический вопрос.** В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть **чисто схоластический вопрос**»⁶. Потому что именно практически оперируя вещами внешнего мира (изменяя их, создавая их из предлагаемых природой материалов), мы имеем дело не с их отражением в наших чувствах, а непосредственно с их свойствами. И если наши представления неадекватно отразили свойства вещей, то эти вещи просто нам не подчинятся. Практическое «подчинение» нам вещей внешнего мира — доказательство того, что мы способны познавать мир таким, каков он есть.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения — изд. 2. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — т.3. С.4.

⁶ Там же, С.1.

Тогда возникает следующий вопрос: **а способны ли мы не только познавать окружающий нас мир, но и изменять его? Что во власти человека, каковы его возможности в деле изменения мира?**

При ответе на этот вопрос философия выступает уже как методология, в рамках которой соперничают три методологические позиции: прудонистская, гегельянская и марксистская.

Формула Прудона: человек («социальный гений») есть всемогущий и всеопределяющий автор исторического процесса. Историю творят «социальные гении», они — подлинные демиурги истории. В этой позиции много симпатичного: прудонисты славят человеческую активность. После средневековой религиозной философии, отводившей человеку роль пассивного исполнителя воли высших сил, прудонисты (и одновременно с ними младогегельянцы, а до них фихтеанцы) поднимают человека на пьедестал, укрепляют веру человека в его силы и возможности, что было особенно важно в канун Европейских революций 40-х гг. XIX в.

Но прудонистско-фихтеанскую позицию за ее субъективизм и волюнтаризм, которые губительны для исторического творчества, подвергли критике «правоверные» гегельянцы. В отличие от Прудона, их учитель Гегель скептически относился к идее всемогущества «великих политиков» в историческом процессе. **Формула его методологической парадигмы была другая, прямо противоположная: Человек не автор, а лишь актер исторической драмы, текст которой пишется на «небесах» (в лоне всеопределяющей «абсолютной идеи»).** Гегельянцы не отрицали возможности появления «великих» преобразователей, «великих политиков», но их величие усматривали не в их субъективной силе, по своей воле и по своим планам переделывающей мир, а в их способности познать законы объективного мира, рожденные «абсолютной идеей», и действовать в точном соответствии с ними. **«Социальный гений» у гегельянцев выступает как гениальный актер, гений которого заключается в познании этих объективных законов и пунктуальном следовании им.** В данной позиции также отразилась важная часть истины социального действия — необходимость действовать не по произволу «великих», а в соответствии с законами объективного мира.

Маркс принимает гегелевскую критику субъективизма и волюнтаризма. Он, как и Гегель, признавал существование в истории объективных законов, но он не разделял гегелевскую идею пассивности человека, отрицание им громадной роли активности людей в формировании конкретного облика, конкретного содержания социального процесса. Его методологическая позиция существенно отличалась как от прудониистского субъективизма, так и от гегельянского объективизма. **Формула Маркса: человек есть одновременно и автор и актер (действующее лицо) исторической драмы.** В этой формуле громадную роль играет слово «одновременно». Дело ведь тут не просто в совмещении, взаимодополнении «авторства» человека и его «актерства», но в их совпадении, в их тождестве, в их, иначе говоря, «одновременности». Это «словечко» — один из важнейших признаков диалектического мышления, а также метода диалектики.

«Одновременно» фиксирует противоречие, требующее объяснения и разрешения. **Противоречие это состоит в том, что один и тот же субъект в одно и то же время выступает в двух ипостасях («актера» и «автора»), друг друга исключаящих.** Обыденное (недиалектическое или, как его называют, «метафизическое») сознание не в состоянии понять такую ситуацию. Согласно ему, либо ты в данное время только «автор», то есть человек, пишущий сценарий исторических деяний, либо, после его написания, ты (уже в другое время!) становишься актером. Сначала автор, потом — актер. Но как быть тем и другим «одновременно»? Это для обыденного (метафизического) сознания неразрешимая загадка.

А разгадку подобного парадокса, подобного противоречия и дает диалектика, диалектический метод познания. Для метафизического сознания каждый предмет есть нечто устойчивое, равное самому себе. А для диалектического мышления каждый предмет — не устойчивое состояние, а процесс, каждый предмет — нечто постоянно изменяющееся; он каждое мгновение одновременно и этот (данный предмет) и не этот, изменившийся, другой. Рассмотрение мира как процесса, а не как состояния — это важнейшая исходная черта диалектики. При этом диалектика не только фиксирует наличие противоречия в

каждом явлении, не только убеждает в законности противоречия в каждом шаге познания (отражающем противоречие в предмете-процессе), но дает ключ к его пониманию и разрешению. Она указывает на необходимость выяснения того, как взаимодействуют между собой стороны противоречия, в чем и как они предопределяют и взаимоисключают друг друга. В нашем же случае требуется **выяснить взаимоотношения актерства и авторства в деятельности людей.**

«Человек-актер» к началу своей деятельности застаёт «обстоятельства», созданные предшествующими поколениями: они и определяют рамки его деятельности, его возможности. В результате человек вынужден действовать в заданных рамках, он не может выйти за их пределы. В реализации тех или других альтернатив проявляется авторство людей. Вот так в каждом шаге социальной деятельности и сосуществуют в неразрывном единстве «актерство» (детерминируемое объективными возможностями) и «авторство» (по воле людей реализующее ту или другую форму осуществления этих возможностей).

А теперь поговорим более конкретно о содержании того «коридора возможностей», который определяет общее направление человеческой деятельности. Согласно Марксу, главным фактором, определяющим общее направление человеческой деятельности, является экономика, экономические отношения, сложившиеся на данный исторический момент. Маркс и называет этот фактор **базисом, то есть основой, на которой строится вся социальная и политическая деятельность людей. Концепция определяющей роли базиса в деятельности людей получила у Маркса название «материалистического понимания истории» (или, как ее называют в популярных учебных пособиях, — «исторического материализма»).** «Исторический материализм» Маркса даёт развернутую характеристику базиса. **«Базис» — это весьма сложное образование. Основу его составляют орудия труда и средства производства, в терминологии Маркса — «производительные силы», то есть силы (вкуче с профессиональным мастерством работника), создающие материальное богатство общества.** Но чтобы задействовать эти силы (то есть чтобы фабрики и заводы функционировали) люди должны вступить в определен-

ные отношения друг с другом: одни — собственники производительных сил, другие — нанятые ими наемные работники, третьи — научный и инженерный персонал, обслуживающий производство, четвертые — менеджеры... Эти складывающиеся в процессе производства отношения людей Маркс называет «производственными отношениями». Единство производительных сил и производственных отношений и составляет реальный базис общества.

Базис, как и все явления объективного мира, есть процесс, есть постоянное изменение. **А тип и направленность изменений определяется главным противоречием базиса, а именно противоречием производительных сил и производственных отношений.** Как возникает это противоречие, как оно разрешается и какова роль людей в его разрешении?

Общее правило: производственные отношения должны соответствовать уровню и характеру производительных сил. Так, на основе ручного, ремесленного труда возникали различные типы рабовладельческих и феодальных структур, а переход к машинному, механизированному производству диктовал необходимость перехода от феодальных отношений к капиталистическим. Иначе говоря, наиболее подвижная часть базиса — производительные силы — совершенствуясь и развиваясь, перерастают существующие производственные отношения, требуют их изменения, приведения их в соответствие с новым качеством и уровнем развития производительных сил. Вот так, независимо от воли людей, от намерений политических лидеров, возникает потребность в изменении производственных отношений, в формировании нового базиса. Исторический «автор» (то есть, человек, развивший производительные силы) диктует эту задачу. А исторический «актер-автор» (тоже человек, но выступающий в другой ипостаси), почувствовавший противоречие в базисе, наступившее несоответствие новых производительных сил старым производственным отношениям, приступает к решению этой задачи. **А вся эта активно-преобразовательная система идей, идеологий, партийных организаций, государственных институтов, объединяется Марксом в понятие «надстройки» (то есть системы, «надстроенной» над экономическим базисом). Система единства базиса и надстройки**

фиксируется Марксом в понятии «общественной формации». В эпоху капитализма, где экономика является главным мотором социального развития, она выступает как общественно-экономическая формация.

Прочитую Ф. Энгельса: «Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть троякого рода. Она может действовать в том же направлении — тогда дело идет быстрее; она может действовать против экономического развития — тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать его в других направлениях. Этот случай сводится, в конце концов, к одному из предыдущих. Однако ясно, что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материала в массовом количестве»⁷.

Таковы разработанные Марксом и Энгельсом основы общей методологии теории и социальной практики. Но для Маркса как философа практики, все эти методы — лишь вступление к конкретному анализу конкретной ситуации своего времени, к разработке стратегии изменения современного ему социального мира. А мир этот был миром капитализма. И Маркс, отработав методологию, переходит к применению этой методологии для анализа буржуазной формации, к ее противоречиям, способам их разрешения, роли активных социальных и политических субъектов в преобразовательной деятельности. Для выполнения этой задачи придется перейти из сферы философии в сферу политической экономии.

Маркс: политическая экономия капитализма

К анализу капиталистической формации Маркс приступает вооруженный разработанными им методами диалектического и исторического материализма. Результат этого анализа — главный труд Маркса «Капитал».

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения — изд. 2. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — т.37. С.417.

Маркс — Энгельсу в Манчестер [Лондон], 16 августа 1867 г., 2 часа ночи: «Дорогой Фред! Только что закончил корректуру последнего (49-го) листа книги («Капитала» — Г.В.) Итак, этот том готов. Только тебе обязан я тем, что это стало возможным! Без твоего самопожертвования ради меня я ни за что не мог бы проделать всю огромную работу по трем томам. Обнимаю тебя, полный благодарности!»⁸

А через несколько месяцев в другом письме, Зигфриду Мейеру, он, объясняя причину своего долгого молчания, признавался: «Итак, почему же я Вам не отвечал? Потому, что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать каждый момент, когда я бывал работоспособен, чтобы закончить свое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью. Надеюсь, что этого объяснения достаточно. Я смеюсь над так называемыми “практичными” людьми и их премуудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине непрактичным, если бы подох, не закончив полностью своей книги, хотя бы только в рукописи»⁹.

Капитализм в мировой истории не выступает для Маркса как какое-то абсолютное зло (как подчас представляют дело поверхностные авторы поверхностных учебных пособий). Было время, когда буржуазные революции прокладывали капитализму дорогу, устраняя тормозивший общественное развитие феодализм. Революционеры, реформаторы, «социальные гении», вдохновленные идеями свободы и энтузиазмом масс, формировали новый общественный строй. И молодой капитализм дал мощный толчок развитию производительных сил, новым, более свободным, политическим формам.

Это всемирно-историческое значение капитализма ярко охарактеризовано в знаменитом «Манифесте коммунистической партии», написанным Марксом в содружестве с Энгельсом: «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы,

⁸ Там же. Т. 23. С. 6.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения — изд. 2. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — т. 31. С. 454.

чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, — какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!»¹⁰

Но прогресс этот имел диалектически-противоречивый характер. Прогресс, писал Маркс, был подобен «тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе как из черепов убитых». Вот и капитализм это и «нектар» (бурный рост экономики, материального богатства, производительных сил), и одновременно «черепа убитых» (угнетение, нищета «наемных рабов», их обезчеловечивание, превращение их в придаток машин). Маркс следит за развитием этого противоречия, отмечая, как возрастает плата за «нектар» «черепами убитых», как начинает разрушаться экономический базис буржуазного строя, как капиталистические производственные отношения из мотора, двигателя прогресса превращаются в его оковы.

А происходит следующее: рыночная экономика, свободная, демократическая конкуренция частных собственников на рынке поначалу мощно стимулирует энергию производителей, ведет к росту общественного богатства. Но со временем конкуренция приводит к расслоению в стане производителей, частных собственников, появляются группы богатеющих и нищающих. Смитовская «невидимая рука рынка» уже не может регулировать все более разрастающееся крупное производство — слишком велики масштабы для стихийной регуляции. Возникает необходимость какого-то планирования экономической деятельности. К тому же, растет взаимозависимость производителей, нарастает потребность в усилении и расширении их кооперации. Производитель нового поколения машин, например, должен согласовывать свои возможности с производителем металла, химических красителей, добытчиком

¹⁰ Там же. Т. 4. С 429.

нефти и угля. Иначе говоря, складывается кооперированное, взаимосвязанное в масштабе страны общественное производство. Экономика перестает быть суммой частных, самостоятельных экономических субъектов — она становится крепко внутренне связанным общественным процессом. Здесь-то Маркс и фиксирует разрастание фундаментального противоречия капиталистического базиса: противоречие, как он пишет, между общественным характером производства и сохраняющейся частной собственностью отдельных, разрозненных производителей. Общественный характер производства требует постоянного согласования деятельности его частей, а независимый частный производитель отнюдь не обязан подчинять свои действия какому-либо согласованию, он волен действовать «по своему усмотрению», что чревато серьезными кризисными последствиями. Капитализм перестает справляться с порожденными им и развитыми им производительными силами, его производственные отношения все настойчивее требуют изменений.

Вот как эту ситуацию описывают Маркс с Энгельсом: «Современное буржуазное общество с его буржуазными отношениями производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями. Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собой лишь историю возмущения современных производительных сил против современных производственных отношений, против тех отношений собственности, которые являются условием существования буржуазии и ее господства. Достаточно указать на торговые кризисы, которые, возвращаясь периодически, все более и более грозно ставят под вопрос существование всего буржуазного общества... Во время кризисов общество оказывается вдруг отброшенным назад к состоянию внезапно наступившего варварства... Производительные силы, находящиеся в его распоряжении, не служат более развитию буржуазных отношений собственности; напротив, они стали непомерно велики для этих отношений, буржуазные отношения задерживают их развитие; и когда производительные силы начинают преодолевать эти преграды, они

приводят в расстройство все буржуазное общество, ставят под угрозу существование буржуазной собственности. Буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство»¹¹.

«В кризисах, — подчеркивает Энгельс, — с неудержимой силой прорывается наружу противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением. Обращение товаров на время прекращается; средство обращения — деньги — становится тормозом обращения; все законы производства и обращения товаров действуют навыворот. Экономическая коллизия достигает своей высшей точки: способ производства восстает против способа обмена, производительные силы восстанут против способа производства, который они переросли»¹².

Эта ситуация диктует необходимость замены капиталистических отношений другими, которые сняли бы с производительных сил оковы и обеспечили бы возможность их гармоничного развития. Такими новыми социальными отношениями должны, по убеждению Маркса и Энгельса, стать отношения, базирующиеся на общественной собственности.

«...Коммунисты, — афористически провозглашал Маркс, — могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». Ибо «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»¹³.

«На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения — изд. 2. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — т. 4. С 28.

¹² Энгельс Ф. Анти-Дюринг 1878 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 14. — М. — Л.: Соцэкгиз, 1931. — С.288.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения — изд. 2. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — т. 23. С. 772.

отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»¹⁴.

«Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, — прогнозирует Энгельс, — поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»¹⁵.

Как оценить эти предсказания основоположников марксизма? Поверхностные аналитики отпускают немало ироничных замечаний по поводу «обреченности» капитализма. Прошло уже более полутора веков после этих предсказаний, иронизируют они, а капитализм все еще жив и не собирается уступать место новому строю. Ведущие капиталистические страны демонстрируют неплохие показатели экономического роста. Это очень поверхностный взгляд.

Более серьезные теоретики, имена которых мы привели в начале главы, отмечают, что Маркс точно уловил и очень убедительно описал главные тенденции развития капитализма. И ведущие страны западного, капиталистического мира шли именно по пути, предсказанным Марксом. За последние полтора века все более взаимосвязанный («общественный») характер обретала экономика западных стран, все шире, все активнее применялись в ней методы регулирования, программирования и планирования, возрастала (причем, значительно) роль государственной, национализированной, кооперативной собственности, усиливалось вмешательство государства в экономические процессы. Классическая частная капиталистическая собственность теснилась формами общественной собственности.

Великолепна и глубока констатация Хабермаса: «Карла Маркса недаром считают одним из **величайших мыслителей всех времен.** Он и только он из всех, кто пытался, сумел предвидеть

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения — изд. 2. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — т. 13. С. 6-7.

¹⁵ Там же. Т. 20. С. 295.

будущее. Его предсказания были настолько точными, что люди, ими руководствующиеся, **сумели изменить будущее**. Хабермас фиксирует чрезвычайно важную особенность соотношения предсказаний Маркса и логики мирового развития последних полутора веков: субъекты капиталистического способа производства оценили высокую истинность утверждений Маркса и поспешили заняться самореформированием, не дожидаясь, когда их «реформируют» антикапиталистические революционные силы. Немалую роль в их реформаторской активности сыграл и пример некоторых аспектов опыта стран, стремившихся построить социалистическое общество. Реформы, осуществленные правящими кругами Запада, существенно изменили лицо капитализма — настолько, что он уже принимает облик какого-то нового строя с большим удельным весом коллективистских структур — так, что многие теоретики ищут для него новое определение, предпочитая именовать его не «капитализмом», а «постиндустриальным», «информационным» обществом, «социал-демократической формацией» «шведским социализмом» и т.п.

Расширилось участие государства в экономических процессах, и серьезно возросла роль государственной собственности в экономике: планирование-программирование стало весомым и весьма значимым компонентом хозяйственной деятельности. В Швеции, например, в 70-е гг. XX в. свыше 65% общественного продукта создавалось в государственном секторе; От 30 до 40% составляла доля государства в национальном богатстве страны в Великобритании, Франции, ФРГ; от 10 до 20% — в Японии и США. Именно 70-е гг. отмечаются как пиковые в развитии государственной собственности. В этот период повышается удельный вес кооперативной собственности; особой популярностью пользуется акционерная форма собственности. В США акциями владеет свыше 30% взрослого населения, в Англии — свыше 20%. Во Франции в 80-е гг. в государственном секторе занято 10% населения — в нем производилось 12,7% добавленной стоимости. В Англии национализированные отрасли хозяйства составляли более 10% ВВП; в них было занято 10% населения. В Австрии в 80-е гг. доля государственного сектора составляла 30% ВНП, в Финляндии данный показатель равнялся 15%. Госу-

дарственные металлургические предприятия Австрии производят 98% продукции, Финляндии — 70%, показатели по горнорудной промышленности — 98 и 100% соответственно, нефтяной — 91 и 89%.

Все это, в свою очередь, способствовало более «справедливому» распределению общественного богатства среди граждан, о чем свидетельствуют и «децильный коэффициент», и «индекс Джини» в странах Запада.

Самый низкий децильный коэффициент (соотношение доходов 10% самых богатых к доходам 10% самых бедных) приходится на скандинавские страны: Данию, Финляндию и Швецию — 3-4. В Германии, Австрии и Франции этот коэффициент варьируется от 5 до 7, что считается, по мнению экономистов, оптимальным показателем.

В 2007 г. глава Института экономики РАН Руслан Гринберг заявил: «Как только децильный коэффициент достигает 10, в стране появляются условия для социальных беспорядков». Как видим, в названных странах далеко до «десятки», и, стало быть, серьезных социальных беспорядков ожидать не приходится.

Коэффициент Джини используется для иллюстрации распределения доходов внутри государства. В случае полного равенства доходов населения коэффициент равен 0, при абсолютном неравенстве — 1. Значения коэффициента Джини в Швеции 0,21; в Исландии — 0,24; в Дании — 0,25; в Норвегии — 0,25; в Финляндии — 0,26. В Японии, Великобритании, Германии, Испании, Франции, Португалии коэффициент Джини составляет в среднем около 0,35. Для сравнения: к странам, у которых индекс Джини имеет высокое значение (от 0,45 до 0,6), относятся Россия, Венесуэла, Бразилия, Гватемала, Намибия, Сальвадор, Боливия, Гаити и Зимбабве.

Итак, Марксом показано, что фундаментальные противоречия буржуазного общества диктуют необходимость замены капиталистических отношений другими, которые сняли бы с производительных сил оковы и обеспечили бы возможность их гармоничного развития на базе общественной собственности. Таковую «установку» дает автор исторической драмы, представляющий собой объективную логику, объективное направление общественного развития.

А актером этой драмы будет, говоря словами Прудона, «социальный гений», способный реализовать поставленную «автором-историей» (и осознанную Марксом) задачу. Одновременно в процессе реализации поставленной задачи актер будет формировать новую, социалистическую, реальность, совмещая в себе функции актера по отношению к задачам, диктуемым историческим прошлым, и автора по отношению к проекту создаваемого им будущего. Из сказанного следует логичный вопрос: каким социальным силам и в каких формах, по мнению Маркса, предстоит осуществить переход от капиталистического общества с его социальным неравенством и эксплуатацией к обществу социального равенства, основанного на общественной собственности?

Маркс полагал, что осуществить этот «всемирно-исторический освободительный подвиг» предстоит рабочему классу, пролетариату. «...Буржуазия, — писал он, — не только выковала оружие, несущее ей смерть (расширяющееся общественное производство — Г.В.); она породила и людей, которые направят против нее это оружие — современных рабочих, пролетариев. В той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т.е. капитал, развивается и пролетариат, класс современных рабочих...»¹⁶

Рабочий класс — главный узник частной собственности и главный ее противник, производитель всего общественного богатства, от которого ему достаются только жалкие крохи, самый угнетенный, самый страдающий, но и самый сплоченный класс (чему способствовало само крупное, собирающее трудящихся «под одной крышей», капиталистическое производство). Непосредственно ход экономического развития и развитие классовой борьбы в буржуазном обществе влекут за собой крах буржуазии: «Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны»¹⁷. Общество без частной собственности, общество социального равенства — таков идеал пролетариата. «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в кото-

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения — изд. 2. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — т. 13. С. 6-7.

¹⁷ Там же. Т. 20. С. 295.

рой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»¹⁸.

Маркс и Энгельс предсказывают и форму, в которой рабочий класс осуществит этот переход к новому строю, этот скачок в «царство свободы». Форма эта — социальная революция. Они предсказывают ее неизбежность и страстно зовут к ней: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир»¹⁹. Пролетариат в ходе революции не только уничтожит старые, капиталистические производственные отношения, но и разрушит прежнюю государственность. **Вместо прежней государственности он создаст государство нового типа — «диктатуру пролетариата», которое будет «диктаторским по отношению к врагам рабочего класса и демократическим по отношению к рабочему классу и всем слоям трудящихся.** Таковы фундаментальные принципы социально-политической теории марксизма.

Следует заметить, что следя за развитием социальной реальности, появлением новых факторов и особенностей социального развития, основоположники марксизма вносили уточнения в свои исходные принципы, следуя собственной знаменитой формуле: «Развитие — есть способ существования марксизма»²⁰. Когда к 80-90 гг. XIX в. в развитии капитализма появились некоторые новые черты, Маркс и Энгельс — чуткие к ходу истории и умевшие раньше других схватывать новизну исторического момента, — стали вносить поправки и уточнения в положения Манифеста.

Прежде всего, произошел отказ от абсолютизации насильственной революции. Было признано, что в изменившихся условиях конца века (возрастание силы и влияния рабочего

¹⁸ Там же. Т. 4. С. 447.

¹⁹ Там же. Т. 4. С. 459.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения — изд. 2. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — т. 39. С. 352.

движения, заставившего буржуазию отступить на экономических и политических рубежах) также увеличиваются возможности прихода пролетариата к власти мирным, парламентским, путем. **Кроме того, было признано, что в 40-е гг. была переоценена степень зрелости капитализма, степень исчерпанности его исторических возможностей.** История показала, что у капитализма еще есть потенциал развития, и что кризисы 50—70-х гг. хотя и свидетельствовали о проблемах буржуазного способа производства, но еще не были катастрофичны для капитализма: они смягчались и разрешались через своевременно осуществляемые реформы и не вели с необходимостью к революции.

Усложнились и представления о субъекте, способном преодолеть капитализм: подчеркивалась важность союза рабочего класса с другими социальными слоями, заинтересованными в изменении буржуазных отношений, в частности с частью революционно настроенных слоев крестьянства (дополнить борьбу рабочего класса «вторым изданием крестьянской войны»), национально-освободительным движением на мировой периферии, пролетаризирующей интеллигенцией. Для более глубокого понимания сути рабочего класса конца XIX в. важным источником стал теоретический постулат, сформулированный однажды Марксом; постулат, который позволял расширительно понимать содержание эксплуатируемого капиталом субъекта труда. «Под “пролетарием” в экономическом смысле, — писал Маркс в «Капитале», — следует понимать исключительно наемного рабочего, который производит и увеличивает “капитал” и выбрасывается на улицу, как только он становится излишним для потребностей возрастания стоимости “господина капитала”»²¹. **Здесь как бы потенциально предусмотрена возможность включить в состав «пролетариата» работников самых разнообразных типов: инженерно-техническую интеллигенцию, управляющих, научных работников, если они являются «наемными работниками», производящими прибавочную стоимость для капиталиста и получающие заработную плату в размере стоимости своей рабочей силы.** Еще яснее эта идея при-

²¹ Там же. Т.23. С. 628.

существует в марксовом понятии «совокупный рабочий», которое охватывает работников, выполняющих различные функции в рамках процесса производства, и включает в себя работников как умственного, так и физического труда. По словам Маркса, «уже самый кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя, производительного рабочего. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом совокупного рабочего (курсив — Г.В.), выполнять одну из его подфункций»²². В другом месте Маркс говорит, что материальный продукт является совместным продуктом труда работников умственного и физического труда, что их совместный труд овеществляется в материальном богатстве. **Заметим все же, что проблема нового антикапиталистического субъекта и новых мотиваций в его противостоянии капиталу со всей полнотой встанет несколько позже — в постмарксистских и неомарксистских теориях.**

Помимо этого, весьма важные нововведения вносились и в теорию государства. Если прежде главный акцент Марксом и Энгельсом делался на тезисе о том, что государство — это орган господствующего класса, машина для угнетения одного класса другим, то позднее появились важные новые констатации.

Вот что, например, написал Энгельс в 1884 г.: «Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах “порядка”. И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство»²³.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения — изд. 2. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — т. 23. С. 517.

²³ Там же. Т. 21. С. 170.

И еще одна констатация: «Государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов»²⁴. Здесь Энгельс обращает внимание на то, что в институте государства есть элементы надклассовости, что в государстве отражаются не только интересы господствующего класса, но интересы общества в целом, что одно из важнейших назначений государства «умерять» классовое противостояние, не позволять классам (всем классам, включая господствующий) в своей борьбе выходить за некие рамки, выход за которые может привести не к победе одного класса над другим, а к их взаимному «пожиранию», «взаимоуничтожению», то есть, к социальной катастрофе, гибели социума. И этот аспект сущности государства будет играть все возрастающую роль по мере развития общества и его демократических институтов. В связи с этим во многом по-новому ставится вопрос об исторических перспективах государства в обществе будущего.

«Государство, — пишет Энгельс, — не будет существовать вечно». И продолжает: «На определенной ступени экономического развития, которая связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно и государство (примечание — Г.В.). Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древности, рядом с прялкой и бронзовым топором»²⁵.

Так возникали и проявлялись отправные точки для дальнейшего развития марксистской теории, а острая потребность в ее развитии стала особенно насущной на рубеже веков, когда про-

²⁴ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — М., 1989. — С. 178.

²⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — М., 1989. — С. 180.

изошла серьезная смена экономических и политических вех в развитии капиталистического общества. Новому поколению марксистов нужно было (после смерти Маркса в 1883 г. и Энгельса в 1895) самостоятельно решать новые задачи, отвечать на новые, очень серьезные вызовы. Сложность этой задачи породила острейшую политику в марксистских рядах.

Рекомендованная литература

1. Лапин Н.И. Молодой Маркс. — М., 1968. — 415 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф.; Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. — М.: Политиздат, 1986, — 639 с.
3. Энгельс Ф. Анти-Дюринг 1878 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 14. — М. — Л.: Соцэкгиз, 1931. — 359 с.

А.А. ЧАНЫШЕВ

КАНТ И ФИХТЕ:
ТЕОРЕТИКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
КОНЦЕПЦИИ «ВЕЧНОГО МИРА»

*Материалы к лекции в рамках курса
«История политических учений»*

«... Род человеческий, будучи в состоянии покоя и ничем невозмутимого мира, обладает наибольшей свободой и легкостью совершать свойственное ему дело. Отсюда ясно, что всеобщий мир есть наилучшее, что создано для нашего блаженства. Вот почему то, что звучало пастырям свыше, было не богатства, не удовольствия, не почести, не долголетие, не здоровье, не сила, не красота, но мир ... Вот почему из уст Спасителя рода человеческого прозвучал спасительный привет: "Мир вам"».

Данте. Монархия

Кантовский проект «схождения» морали и политики (в основу которого был положен принцип автономии морали, неотчуждаемости нравственного суверенитета и гражданского достоинства любого лица вне зависимости от его общественного положения, как и идея «вечного мира» и, в конечном счете, поглощения политики моралью) — достаточно поздний продукт весьма длительного развития определенной мировоззренческой традиции, в основе которой лежит (как свидетельствует история эволюции понятия «мир», нем. *Frieden*) парадигма иудео-христианского, эсхатологического видения истории. К беглому обзору истории этого понятия имеет смысл обратиться и нам, чтобы более объемно представить себе содержание заявленной темы. Справка по эволюции содержания понятия *Frieden* в социально-политическом языке

Германии обозначит для нас ряд весьма важных — с точки зрения возможности углубленного понимания концептуальных и мировоззренческих основ концепции «вечного мира» — трансформаций, которые претерпело смысловое поле данного понятия¹.

Этимологически немецкое *Friede(n)* («покой», «мир») близко словам «свободный», (*frei*), «друг» (*Freund*). Весь этот куст (к которому принадлежат также древнегерманское *fridu*, средневековое *fride*) связан с индоевропейским корнем *pri* — «любить», «беречь»². Тем самым, это слово подчеркнуто подразумевает момент активной взаимной помощи и поддержки по сравнению с обыденной связью, вырастающей из нужды. «*Friede*» в данном отношении представляет собой с самого начала социальное понятие: оно обозначает определенную форму совместной человеческой жизни³. Причем, в противоположность родственному *frei*, *Friede* никогда не утрачивало полностью указанного содержания, сохраняя его во всех исторических модификациях своего смысла в более или менее неизменном виде. Наряду с вышесказанным необходимо добавить, что указанное исходное значение имеет два аспекта, которые позднее проступили более внятно. Определяющим в различении данных двух смысловых срезов является то, пони-

¹ История понятия излагается по: Janssen W. *Friede // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / hrsg. von Otto Brunner ... Bd. 2. Stuttgart, 4. Aufl. 1998. S. 543 — 591.*

² Ср. описание логики развития этимона *pritiō* как исходной формы слов, выражающих любовную близость у славян и у германцев у М.В. Ильина: Ильин М.В. *Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий.* — М., 1997. — С. 48 — 51.

³ Исходным ядром такого переосмысления понятия «мир» была семантика греческого *eirēnē*, употребляемого при переводе Библии, восходящая в свою очередь к еврейскому синониму греческого слова — *shalom*. «Шалом» заключает в себе, правда, более широкий спектр значений, чем его греческий аналог, но именно этот расширенный смысловой состав и закрепился за *eirēnē* при переводе: здоровье (целостность жизни и тела); правильные, гармоничные отношения между людьми, между Богом и человеком (обновляемые и подтверждаемые посредством «жертвы мирной»); благополучие и процветание, преуспевание и исполнение; победа над врагами или отсутствие войны; кроме того, «шалом» в качестве приветствия заключает в себе благословение для того, к кому оно обращено. См.: *Евангельский словарь библейского богословия.* — СПб, 2004. — С. 574.

маем ли мы «состояние мира-покоя» (*Friedenzustand*) как вытекающее из «акта любви» (*lieben*) или как следствие «сбережения» (*schonen*). В зависимости от того или иного способа осмысления, в первом случае мы должны будем понимать мир как *отношение взаимного союза и согласия в делах и помыслах* (которое, прежде всего, царит между теми, кто связан уходящими в языческую архаику кровнородственными узами), во втором — как *состояние простого отсутствия насилия*. На этой почве возникает убеждение в том, что «имманентная» эволюция семантики нашего понятия от древнегерманского *fridu* к его более позднему, средневековому содержанию была направлена к утверждению и закреплению на первом плане второго смыслового среза.

Более глубокая трансформация семантики этого понятия в средние века, однако, связана с привязкой его содержания к иудео-христианскому мировоззрению. Понятие мира становится восприимчиком содержания латинского термина *pacis*. Данная традиция прежде всего утверждается в лоне христианской теологии, объединяющей библейские тексты и античные философские методы их осмысления⁴. Дискуссия о содержании и сущности понятия «мир» становится, т. о., значимой частью моральной теологии (и затем, переключившись гораздо позже в социальную философию и в философию права нового времени, долго еще ведется на латинском языке). Все это приводит к чрезвычайно мощному влиянию содержания латинского *pacis* на способ осмысления немецкоязычного понятия, так что, по крайней мере, в позднее средневековье между этими конструкциями устанавливается строгое соответствие.

⁴ В данном отношении значение понятия «мир» прочно срастается с иудео-христианским обетованием «мира в веке грядущем», когда в животном царстве и между людьми будет восстановлена райская безмятежность, на земле воцарится благополучие и все народы соберутся под владычество «князя мира», «перекуют свои мечи на орала, а копья свои — на серпы» (Ис. 9, 6; 2, 4; Мих. 4, 3). — См.: Евангельский словарь библейского богословия. — СПб, 2004. — С. 575. Может быть, наиболее яркими примерами систематически-развернутого применения христианской эсхатологической парадигмы, демонстрирующими «срастание» социально-политического содержания концепта «мир» с нравственно-телеологическим его осмыслением (в результате чего образуется мировоззренческий «горизонт» схождения политики и морали) являются теории Августина и Данте.

В итоге отождествление *paх* и *Friede* приводит к значимой перегруппировке смыслового содержания: *Friede*, имевшее первоначально конкретное и непосредственное социальное звучание, выражаясь обобщенно и упрощенно, приобрело значение принципа *божественной вселенской упорядоченности*. Сообразно этому, подспудно сохраненный первоначальный социальный аспект становится как бы вторично встроенным и второстепенным, менее значимым по сравнению с *нравственным* и *мировоззренческим* содержанием. В свою очередь, применительно к человеку такая перегруппировка смысла означает понимание его не только и не столько как *ens sociale* (социального существа), как *ens morale* (существа нравственного). Сюда же относится далее, что только *paх* превратился в полноценное выражение содержания конечного состояния, состояния умиротворения и единения в Боге всех живущих на свете.

Таким образом, в содержании христианского понятия о мире господствующее положение занимает моральный и эсхатологический аспекты, тогда как социоморфный (политический) смысловой срез уходит на второй план. Но одновременно, что чрезвычайно существенно, этот последний аспект приобретает морально-эсхатологические черты⁵.

В.Янссен пишет: «Вполне явственно данная тенденция проявила себя, разумеется, только тогда, когда христианское осмысление мира и истории секуляризировалось, превратившись в [протестантское] учение о внутреннем спасении через веру в необходимость исполнения своего призвания в мире — когда социально-политическое содержание понятия «мир» при его истолковании получило «нагрузку» в виде моральных и эсхатологических категорий. В данном отношении можно указать на определенные словесные конструкции, образующие исторический ряд эволюции содержания понятия в данном направлении:

⁵ Амвросий Медиоланский (*Ambrosius Mediolanensis*, ок. 340–397), консул Верхней Италии, избранный в 374 г. епископом Миланским. В качестве богослова и проповедника интересовался преимущественно «моральными задачами церкви» как «Царства Божия на земле». Учил о том, что спасением от наследуемого от Адама первородного греха для человека является вера: Господь «прощает нам грехи по Благодати Своей не за дела, а за веру». Учитель Августина.

от «вечного мира» (восходящего к *paix aeterna* святого Амвросия⁶ — не подчиняющийся брэнной власти временности мир человеческой души «в Боге») до *paix perpetuelle* аббата де Сен-Пьера⁷ (устойчиво-продолжительного мира между государствами). Причем в этом ряду на протяжении всего процесса трансляции и эволюции содержания понятия «мир» никогда речь не шла об изменении соотношения между различными смысловыми слоями, об утрате возвышенного пафоса нравственно-эсхатологических смысловых моментов, и тем более — об отказе от идеи предопределения-предназначения, далеко выходящей за пределы непосредственного ощущения обусловленности, вынужденности всего земного, от идеи, образующей смысловую основу понятия мира в христианской традиции»⁸. С этой точки зрения весьма показательно такое относительно позднее явление в данном ряду как кантовское понятие «вечного мира».

⁶ *Аббат де Сен-Пьер (Abbe Charles-Irenee Castel de St. Pierre, 1658 — 1743), дипломат и мыслитель, предтеча французского Просвещения, автор известного трехтомного сочинения «Проект вечного мира в Европе» («Projet pour rendre la paix perpetuelle en Europe», 1713 — 1717). Был переговорщиком по заключению Утрехтского договора (1712 — 1713), что подтолкнуло его к созданию развернутого проекта всеобщего мира между народами. (Сама же идея необходимости мира посетила его впервые еще раньше, когда он однажды озадачился вопросом о том, почему сломалась ось его кареты: ему представилась следующая цепочка суждений: Причина — ужасное состояние дорог. Почему же не чинят дороги? Потому что король Франции ведет войну, которая отнимает средства, необходимые для расходов на обеспечение мирных общественных нужд. Война — тормоз прогресса. — Этой логике следовала аргументация в пользу мира, изложенная в его «Записке об улучшении дорог», 1708). Предложил идеи создания международных организаций — Международного суда и Лиги государств и Европейского союза. — См.: Сен-Пьер Ш. Избранные места из проекта вечного мира (В изложении Ж.-Ж.Руссо. 1760) // Трактаты о вечном мире. СПб, 2003; Андреева И.С. Векковая мечта человечества // Там же. С. 14 — 16.*

⁷ *Janssen W. Friede ... S. 544 — 545.*

⁸ *В качестве примера столкновения интересов Кант рассматривает территориальные проблемы, возникающие при освоении народами новых земель, выбирая отправной точкой для рассуждения колонизацию Америки. Он говорит: «Когда заселение происходит в такой отдаленности (коренных и некоренных народов друг от друга. — А. Ч.) ..., что ни один из них, пользуясь своей землей, не причиняет другому ущерба, то в праве на такое заселение не приходится сомневаться; но если это пастушеские или охотничьи народы далее на с. 98*

Кант убежден, что политическая история ведет, в конечном счете, к достижению *всеобщего правового гражданского общества*, членам которого предоставлена величайшая свобода, совместимая, однако, с полной свободой других. Параллельно должно быть установлено *состояние «вечного мира»*. При этом утверждение Кантом на вершине своего правового учения *прав гражданина мира* совершенно не случайно, так как он последовательно исходит из правового стандарта, в основу которого полагает нормативное понятие нравственно-автономной личности как самозаконотворяющего — и вследствие этого правомочного — субъекта.

По той же причине для него *идея мирной, хотя еще не дружеской, общности всех народов земли без исключения, которые могут вступать друг с другом в полезные отношения*, — вовсе не человеколюбивая (этическая) идея, а правовой принцип. Именно главенство вышеуказанного правового принципа служит источником запрета на применение силы в столкновении интересов народов, принадлежащих к различным стадиям развития, — различных культур (в том числе и внутри одной нации) и цивилизаций, — как бы мы могли выразиться сего-

со с. 97.: (как, например, готтентоты, тунгусы или большинство американских народностей, пропитание которых возможно только при наличии обширных необитаемых территорий), то такое заселение может произойти не с помощью силы, а по договору, и при заключении самого этого договора нельзя пользоваться неосведомленностью коренных жителей в вопросе об уступке подобных местностей; хотя оправдательные причины достаточно правдоподобны, чтобы такого рода насилие казалось служащим для блага мира — отчасти тем, что дикие народы приобщаются к культуре, отчасти же ради очищения своей собственной страны от негодных людей в надежде на исправление их или их потомства в другой части света (например, в Новоголландии), — тем не менее, все эти мнимо добрые намерения не могут смыть пятно несправедливости применяемых при этом средств. — Если же на это возразят, что при таких сомнениях в допустимости силой устанавливать состояние законности, быть может, вся земля до сих пор оставалась бы в состоянии беззакония, то такого рода возражение так же мало может уничтожить указанное правовое условие, как и предлог, который выдвигают революционеры, выступающие против государства, а именно, что когда государственный строй негоден, народу следует преобразовать его силой и вообще раз ... проявить несправедливость, дабы потом тем прочнее была установлена и процветала справедливость». — Кант И. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. — М., 1966. — С. 280-281.

дня, — хотя бы в пользу силовых решений и приводились различные, на первый взгляд, весьма правдоподобные основания⁹. «Реальность» права идеальна, но без нее невозможен правопорядок. Точно так же как безусловна мораль, законом которой является категорический императив, повеление незаинтересованного, свободного от любых соображений пользы исполнения своего долга, так и право, законом которого является справедливость (каждому — свое), есть неукоснительное следование данному правилу вне зависимости от обстоятельств, лиц и социальных интересов, — в том числе и от интересов общественного прогресса. Право обладает *особой реальностью*, выступает в качестве *безусловной духовной ценности* и не может быть использовано инструментально.

И все-таки кантовская теория ставит на выходе проблему целевого смысла, *назначения* права и политики. Способ решения этой проблемы — моралистическая теория «вечного мира». Хотя Кант и утверждает, как мы видели, что идея «вечного мира» не является идеей этической, а представляет собой правовой принцип, одновременно он выдвигает в рамках программы достижения состояния «вечного мира» идею отказа от прагматического целеполагания в области политики, — т. е. снятия самой политики в существующем виде как способа мышления и действия.

Кант рассуждает следующим образом. Идея «вечного мира» не просто норматив, но и необходимый вектор исторического развития, заданный естественными условиями существования человеческого рода. Это так, поскольку общность земли как территории, на которой проживают различные народы, составляющие в совокупности человечество, необходимо ведет к установлению общности между ними в социальном отношении: *Природа заключила все эти народы (в силу шарообразности заселяемого ими пространства ...) в определенные границы ...*; отсюда — неизбежность их соприкосновения и общения и всесторонних отношений между ними (причем моря не столько разделяют народы, сколько служат интенсификации их взаимоотношений); отсюда — право гражданина мира (*jus cos-*

⁹ Кант И. *Собр. соч. В 6 т. Т. 6.* — М., 1966. — С. 279, 281.

toroliticum), имеющее в виду возможное объединение всех народов для [установления] определенных всеобщих законов их возможного общения. Но отсюда же — из правовой потребности всеобщего мира — задача достижения реальности состояния мира и международного правопорядка — как нравственная цель. Речь идет не о прагматической (чисто технической) цели, а именно о цели моральной, т. е. такой, поставить перед собой которую есть максима, а сама максима есть долг; поэтому речь не идет о достижимости данной цели, но наш долг здесь — поступать в соответствии с идеей этой цели, если даже нет ни малейшей теоретической вероятности того, что цель эта будет достигнута¹⁰.

Согласно учению о праве, эта цель состоит в том, что мы должны поступать так, как если бы было реально то, чего, быть может нет, должны содействовать обоснованию его и принятию такого строя, который представляется нам для этого наиболее пригодным (может быть, республиканизм всех государств вместе и каждого в отдельности), дабы установить вечный мир и положить конец преступной войне, на которую до сих пор как на главную цель были направлены внутренние устройства всех без исключения государств¹¹.

Таким образом, оказывается, что установление всеобщего и постоянного мира составляет не просто часть, а всю конечную цель учения о праве ...; ведь состояние мира — это единственное гарантированное законами состояние моего и твоего среди множества живущих по соседству друг с другом людей, ... существующих вместе при одном государственном строе¹².

Конечной целью права является благо — установление справедливости во всемирном масштабе, политическое (республиканское) мироустройство, которое заключается в вечном мире: «Наилучший строй тот, где власть принадлежит не людям, а законам. В самом деле, что может быть более метафизически сублимированным, чем именно эта идея, которая все же в соответствии с их собственным утверждением обладает самой

¹⁰ Кант И. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. — М., 1966. — С. 282.

¹¹ Там же

¹² Там же

верной объективной реальностью, легко обнаруживаемой и в происходящих случаях, и которая единственная — если только ее испытывают и проводят не революционным путем, скачком, т. е. насильственным ниспровержением существовавшего до этого неправильного строя (ибо в этом случае вмешался бы момент уничтожения всякого правового состояния), а путем постепенных реформ в соответствии с прочными принципами — может при непрерывном приближении привести к высшему политическому благу — к вечному миру»¹³.

Итак, за «вечным миром» как высшим политическим благом проглядывает моральная цель — свобода от такого политического средства как военная сила (война — неправоное средство). Но мы вправе также спросить, какова цель справедливости и правовой свободы. Ответ на данный вопрос выходит за рамки правовой теории и касается уже философии истории. Если целью политики является свобода (практически реализуемая вместе с установлением республиканского строя как адекватного правовой идее порядка), то сама цель моральной свободы (а вместе с нею и права, и политики) может быть раскрыта только в совокупном историческом опыте человечества — в рамках его далеко не завершенной исторической практики. Политика, таким образом, — это инструментальная область (сфера прагматических действий и условных императивов), имеющая, однако, идеальную сверхзадачу, выходящую за обусловленные ее функциональным характером рамки. Политическая же перспектива, по Канту, — всеобщий республиканский строй и «вечный мир» как правовое международное состояние; за этим рубежом открывается еще одна, общеисторическая перспектива, обрамленная горизонтом свободы.

Смысловым центром политико-правовой концепции Фихте¹⁴, остается телеология свободы, как это было и в политической мысли Канта и у просветителей. Вместе с тем, Фихте не ограничивается анализом одних только формально-правовых оснований свободы и политических условий ее реализации

¹³ Кант И. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. — М., 1966. — С. 282 — 283.

¹⁴ См.: Фихте И.Г. Замкнутое торговое государство; Основные черты современной эпохи // Фихте И.Г. Соч. В 2 т. Т.2. — СПб, 1993.

— в их корреляции с моральной автономией индивида; он «открывает» социальное и экономическое измерение свободы и, по сути, ставит проблему ее укорененности не только в личном произволении отдельного человека, но и в интересубъективных порядках взаимодействия людей. Отсюда у Фихте критика существующих социальных и экономических отношений. Результатом такой переориентации основного интереса мыслителя становится концепция *замкнутого торгового государства* как инструмента достижения социальной справедливости и свободы. Одновременно Фихте пытается дать содержательный ответ на вопрос о том, в чем заключается *исторический смысл* моральной и политической свободы человека и самой политики. Интересующее нас политико-правовое содержание фихтеанства заключается в материале анализа философом исторических предпосылок возникновения правового государства и — в свете выявления основных черт (и противоречий) «современной эпохи» — возможности его развития до мыслимой на перспективу социальной полноты и, в частности, реализации подобной задачи в условиях создания «замкнутого торгового государства».

В частности, Фихте считал *существенным противоречием своей эпохи* то, что в международной политике властвует «война всех против всех»: мир (как противоположность войны) — это не более чем система неустойчиво-динамичного силового равновесия. Общее состязание государств, их постоянная борьба за первенство образуют *реальный мир политики*, где главным аргументом является сила, используемая как для поддержания равновесия, так и для его изменения, отражающийся в политике внутренней, в той совокупности вынужденных мер, направленных на рост национальных ресурсов и предпринимаемых государством, прежде всего, ради самосохранения, — осуществляемых напряжением всех возможных сил, если только оно хочет сохраниться на политической карте. Как считал Фихте, потенциал решения данной проблемы заключен в самом же государстве как институте, выполняющем историческую миссию по достижению высших исторических целей («абсолютное», или «идеальное» государство). Поэтому, если непосредственные цели государства изначально определяются

задачами «самосохранения», то одновременно государство в идеальном отношении — это еще и своего рода инструмент, служащий для достижения целей развития духовной культуры и тем самым самосовершенствования людей. Правда, необходимым условием такого развития является, в конечном счете, условие полной международной безопасности, которая в свою очередь возможна только при достижении «вечного мира». Вместе с тем, для позиции Фихте характерно и обратная проекция исторической миссии «идеального государства» на функцию культуртрегерства, осуществляемую государством реальным, в рамках реальной политики, то есть, прежде всего, силовыми методами. Именно таков смысл цивилизаторской функции государства как носителя высшей культуры — функции, осуществляемой в ходе «естественной войны государства с окружающей его дикостью» (насаждения культуры, подчинение порядку и закону). Ведь дикость, соприкасаясь с миром культуры, угрожает существованию последней. Поэтому, воюя с окружающей его дикостью, государство непосредственно преследует цель самосохранения. Распространение же культуры, расширение границ цивилизованного мира — не только обеспечение условий безопасности, но еще и вброс катализатора прогресса в плавильный котел истории; в истории тем самым начинает действовать «жизненное и прогрессивное начало».

В данном пункте Фихте перешагивает определенный рубеж, обозначенный Кантом в рамках выполнения последним задачи развития «проекта Просвещения». Кантовская перспектива «вечного мира» основывалась на установке априорной значимости и, следовательно, смысловой необходимости поглощения и вытеснения политики (как инструментальной практики отношения к человеку) моралью. В свою очередь, в политической теории это покоилось на постулатах правового демократического государства и его коррелята, принципа неотчуждаемости личной автономии¹⁵. Фихте исходит из факта крушения данного проекта, объявляя оба этих пункта прова-

¹⁵ Подробно об этом см.: Чанышев А.А. Государство как политический инструмент социально-экономического освобождения человека (политическая теория Фихте) / А.А. Чанышев // Вестник МГИМО-Университета. — 2010. — № 4. — С. 245 — 254.

ленными, неосуществленными (свобода человека носит чисто формальный характер и не имеет социального наполнения, и поэтому фрагментирована, разорвана политическая коммуникация: обездоленные граждане фактически находятся в состоянии войны со своим государством). Именно на этом основании Фихте становится рубежным мыслителем и еще в одном отношении: для него свойственен в целом поворот к позиции «инструментализма» — и не только по тем позициям, которые назывались выше. В своей историософии он фактически формулирует радикальную установку на использование политического инструментария для овладения структурами социального бытия и тотального контроля над ними с целью их коррекции. Переход на позиции инструментализма означает еще одно смещение в содержании понятия «вечный мир»: идея замыкающегося государства нового типа, образующего *совершенное сообщество*, позволяет неявно совершить отождествление между этим государством как *наиболее прогрессивным* социальным порядком и миром. Это, по сути, означает переосмысление парадигмальной основы «вечного мира», — такого переосмысления, которое полностью проявилось и утвердилось в XX в. (и значимое и поныне). Приведенное утверждение становится понятным, если принять во внимание сложившееся положение вещей, согласно которому отдельные государства на указанном временном рубеже во все большей мере начинают осознавать себя идеологически не только в качестве нейтрального стража порядка, обеспечивающего социальный мир, но как средство реализации и воплощение «наилучшей» общественной системы. В данном случае всем такого рода государствам (несмотря на присущие им различия и даже непримиримые противоречия между ними) свойственна одна общая черта, — то, что они обещают подлинный и вечный мир на подвластных им территориях, — и тогда война между этими государствами неизбежно превращается в крестовый поход ради будущего воцарения вечного мира. По такого рода основаниям понятие мира в самом широком смысле утрачивает *общепризнанное* значение и превращается в своего рода заклинание, с помощью которого стремятся вызвать к жизни царство гармонии, свободы, справедливости и

всеобщего счастья, пристегивая все это к любым идеологическим построениям. В силу указанного обстоятельства «мир» больше не обозначает только идеально проектируемое состояние межчеловеческих и межгосударственных отношений, но воспринимается как достижимый через *борьбу (войну)* «мир во всем мире» — условие дальнейшего выживания человечества, необходимое для спасения последнего и обеспечиваемое *только и только* при условии установления порядка, носителем которого и является определенное государство¹⁶.

Рекомендованная литература

1. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997. — С. 48 — 51.
2. Кант И. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. — М., 1966.
3. Сен-Пьер Ш. Избранные места из проекта вечного мира (В изложении Ж.-Ж.Руссо. 1760) // Трактаты о вечном мире. СПб, 2003.
4. Фихте И.Г. Замкнутое торговое государство; Основные черты современной эпохи // Фихте И.Г. Соч. В 2 т. Т.2. — СПб, 1993.
5. Чанышев А.А. Государство как политический инструмент социально-экономического освобождения человека (политическая теория Фихте) / А.А. Чанышев // Вестник МГИМО-Университета. — 2010. — № 4. — С. 245—254.

¹⁶ *Janssen W. Friede ... S. 590.*

И.Д. ЛОШКАРЁВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ МИГРАЦИИ

Лекция в рамках курса «Диаспоры в мировой политике»

Базовые понятия, необходимые для слушателей лекции: основные политические идеологии, понятия «справедливость» и «социальное государство».

— Добрый день! Сегодня мы попытаемся осмыслить феномен, который привлекает пристальное внимание всех и вся. Речь пойдет о миграции. Сразу же хочу предупредить, что мы попытаемся выйти на более абстрактный уровень рассуждений, нежели возмущение по поводу того, что «мигранты заплонили Европу». Это потребует краткого обращения к понятию *справедливости*. Когда мы говорим о справедливости, следует договориться о трех вещах. Во-первых, нужно определить, что является *благом*, потому что только некоторое соотношение благ может нам подсказать, является ли конкретная ситуация справедливой или нет. Во-вторых, нужно определить, как распределять блага: это и вопрос взаимозаменяемости благ, и того, какие функции подразумевает распределение. Наконец, в-третьих, распределение не происходит в вакууме, оно осуществляется людьми — причем не всеми сразу, а относительно небольшим числом. Нужна какая-то организация, чтобы распределять блага эффективно. Соответственно, существует проблема *назначения* — как мы располагаем людей в социальной иерархии, на основе каких принципов допускаем их к распределению благ¹.

Когда мы говорим о миграции, мы чаще всего обращаемся к хорошо известным отношениям «включения-исключения»,

¹ Fishkin J.S. *The Dialogue of Justice. Towards a Self-Reflective Society. New Haven-London: Yale University Press, 1992. pp. 5—33*

но не внутри страны, а на ее границе. И вся наша последующая дискуссия может не состояться, если мы упремся в вопросы о природе человека. Действительно, если «человек человеку волк», то надо всячески ограждать общества от прибытия новых чужаков — ведь это только обостряет напряженность. Напротив, если мир полон «добрых дикарей», то смысла отгораживаться от мигрантов нет никакого, ведь с их прибытием в обществе только возрастает степень добродетельности.

Но давайте не будем атаковать проблему в лоб. Вернее, проблем, связанных с миграцией, много, но главную можно сформулировать следующим образом: вправе ли государства ограничивать въезд на свою территорию для каких-либо людей или групп? Ответ на вопрос «вправе ли кто-то что-то делать?» подразумевает, что мы говорим «кто-то что-то делать вправе, так как это правильно, это справедливо». Хотя в серьезной политической философии есть дебаты по поводу того, чем правильное отличается от справедливого, мы условимся, что это близкие понятия. Проще говоря, ответ на вопросы с компонентом «вправе ли» нуждается в установлении факта справедливости или несправедливости. Итак, какие будут мысли? Вправе ли государства осуществлять отбор мигрантов?

— Конечно. Мы живем в мире, где каждая страна пытается отстоять свои интересы, где каждый сам за себя. Поэтому каждое государство должно иметь возможность знать, кто приезжает, и, при необходимости, не впускать кого-либо. Иначе, мигрантов может стать слишком много.

— Очень хорошо. Вот первый подход к проблеме, который называется методологическим национализмом. Мы не определяем, что есть благо, но мы точно убеждены, как его распределять. Это должно делать само государство, а вернее, все члены общества, куда стремятся мигранты. Что же тогда благо? Вопрос непростой. Хотя в стенах ведомственного вуза такой тезис звучит немного крамольно, но само по себе государство не может быть благом или, во всяком случае, — это не главное благо. Давайте исходить из того, что государство — это механизм организации социальной жизни, а не самоцель ее существования. И это подсказывает нам ответ: механизм служит для оптимизации, улучшения жизни людей, необязательно в мате-

риальном смысле, также и в духовном. Значит, благо — это быть человеком, людьми в этом государстве. Иными словами, благо — принадлежность к сообществу, для которого «работает» конкретное государство.

— Речь о гражданстве?

— В большинстве случаев, да. Но также мы можем говорить о культурной принадлежности, о цивилизационной принадлежности, если угодно. Самый простой пример такой принадлежности. Сегодня немало дискуссий ведется о том, что распространение американского образа жизни имеет негативные последствия. Нам важно, что есть большое число людей, которые хотят походить на некий усредненный образ американца, подражают героям голливудских фильмов.

Остался последний элемент справедливости — кому мы должны доверить заниматься отбором приезжающих. В данном случае, ответ очевиден — это правоохранительные органы, работники которых на профессиональной основе будут заниматься мигрантами. Но есть несколько существенных вопросов, на которые мы не сможем получить ответ. Первый вопрос касается нелегальной миграции — миграции, которая происходит помимо воли государств. Проблема заключается в следующем: мы определили, что благом является принадлежность к сообществу граждан и что только граждане определяют, кого к этому благу допускать. Но нелегальные мигранты² игнорируют решение граждан и в тех или иных формах общаются к членству в сообществе граждан — например, получают зарплаты, пользуются общественным транспортом, обращаются в больницы и скорую помощь. Как должны поступить граждане и государство, которое функционирует в интересах граждан?

— Изгнать всех по возможности.

— Это проблематично. В некоторых странах количество нелегальных мигрантов достаточно велико. По данным Международной организации по миграции, в США свыше 11

² В документах ООН используется более мягкий термин — *irregular migrants* (вместо *illegal migrants*). Сторонники такого подхода утверждают, что человек (даже мигрант) сам по себе не может быть незаконным, незаконны его действия.

миллионов нелегальный мигрантов, в России — около 5-6 миллионов, в ЕС — от 2 до 8 миллионов, в ЮАР — 3—6 миллионов человек³. То есть, в 31 стране мира собралось до 31 миллиона нелегальных мигрантов. Возвращение такого количества людей весьма затратно — необходимо их отыскать, временно задержать, вступить в переписку со страной происхождения, продумать варианты на случай сложностей выполнения реадмиссии, выдворения или депортации⁴. И даже это не гарантирует, что высланные в страну происхождения мигранты не вернуться снова. Иными словами, методологический национализм не предлагает конкретных решений в отношении масштабной проблемы нелегальной миграции. На самом деле, это часть более серьезного вопроса: а какие меры принуждения (насилия) вообще допустимы в отношении мигрантов? Это возвращение к вопросу о благе — может ли вред в отношении одного быть благом для другого? Здравый смысл подсказывает, что в некоторых случаях вред одному может рассматриваться как благо для другого. Но в случае с методологическим национализмом все не так просто. Дело в том, что устранение мигранта от некоторых форм сопричастности с сообществом граждан страны пребывания может крайне негативно сказаться на самом сообществе: мигранты наравне с гражданами платят налоги, составляют часть потребительского рынка, охотно берутся за непрестижные профессии. Иными словами, перед нами достаточно сложное уравнение, которое, по логике, должны решать все граждане, все сообщество граждан. Но граждане вряд ли смогут прийти к неожиданному и новому — а главное, эффективному — решению по проблемам нелегальной миграции. В целях сохранения времени, отметим, что налицо логический замкнутый круг «граждане должны решать вопросы миграции — существует проблема, которую не решить стандартными методами, но граждане все равно должны решать».

³ *World Migration Report 2018. Ch. 2. p. 9.*

URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en_chapter2.pdf

⁴ *Существуют разные юридические способы изгнать нежелательное лицо из государства. Рeadмиссия — наиболее гуманный способ, регулируемый международным, а не национальным правом.*

— Значит ли это, что надо ничего не делать в отношении нелегальных мигрантов?

— Нет. Рассмотрение самого членства в сообществе граждан как блага не дает нам никакого прямого ответа на этот вопрос.

Второй такой вопрос без ответа касается исключений из правила. Сейчас общепризнанной практикой является предоставления статуса беженца или политического убежища лицам, которым грозит серьезная опасность в стране их происхождения. Проще говоря, иногда страны вынуждены принимать мигрантов, исходя из принципов гуманности. Можно заметить, что эти принципы универсальны, зафиксированы в международном праве, а, значит, в значительной степени не являются результатом решения граждан конкретного государства. Можно ли внести дополнения в эти принципы? Вероятно, можно. Самый простой пример такой: в перечень тех, кого следует принять, также могут попасть пострадавшие от действий страны пребывания. Логика в данном случае такая: если одна страна как-то негативно повлияла на события в другой стране, то жителям этой второй страны в порядке компенсации, видимо, можно дать возможность иммигрировать на территорию страны — «вредителя». И эта ситуация отнюдь не гипотетическая. Именно такая логика действует во многих постколониальных государствах.

Получается, что масштаб проявления гуманности также можно варьировать. И мы снова сталкиваемся с тем, что решать должны все граждане: либо путем установления четких долговечных правил (что менее вероятно), либо путем ситуативного реагирования (решения по группам пострадавших или даже в индивидуальном порядке). Это создает основания для произвольных, импульсивных и, в конечном счете, несправедливых решений. Иными словами, зная, что есть благо, и какая структура его может распределять, мы не совсем понимаем, как это делать; существует набор ситуаций, в которых такое понимание справедливости не дает ответа.

Итак, две проблемы (нелегальная миграция и логика исключения из правил) подсказывают нам, что мы, скорее всего, неправильно определяем благо. Как вы думаете, какие у нас еще есть варианты?

— Если не граждане являются точкой отсчета, то может быть это сами мигранты?

— Хорошо, давайте попробуем «мигрантоцентричный» подход. Допустим, что мигранты — это категория людей, которым нужны дополнительные преференции. Эти преференции нужны, так как переселяются «не от хорошей жизни», а, может быть, наоборот, это высокомотивированные индивиды, которые стремятся реализовать себя максимально. В таком случае, вероятно, благо является само максимально беспрепятственное перемещение. Возможность осуществить перемещение справедлива. Отказаться от распределения и доверить самим мигрантам определять масштаб, направление и формат миграции нельзя, поскольку справедливость все-таки подразумевает сознательную деятельность по регулированию общественных отношений, а не слепое доверие к принципу «рынок сам расставит все на места». Распределение такого блага не может быть доверено государствам — последние склонны ограничивать миграцию, использовать ее в своих интересах. Кто же тогда мог взяться за эту функцию? Вариантов два: либо никто (а тогда наш подход к благу неверен), либо некая международная структура, где каким-то образом будет обеспечено представительство мигрантов. Требование представительства в гипотетической организации обусловлено тем, что никто лучше мигрантов не знает, в чем состоят их нужды и как оптимально для них обеспечить беспрепятственное перемещение.

Есть два соображения, почему сложно или практически невозможно будет такую организацию создать.

Во-первых, чтобы осуществлять распределительные (дистрибутивные) функции такой организации придется сужать перечень возможных стран пребывания, иначе основные миграционные потоки будут направлены на экономически развитые страны⁵. Сейчас глобальные миграционные потоки меняют

⁵ В эту группу обычно включают страны ЕС, США, Канаду, то есть большинство стран Европы и все страны Северной Америки. Также к группе экономически развитых стран относят Австралию, Новую Зеландию, Израиль, Сингапур, Гонконг, Тайвань, Южную Корею (Республику Корея) и Японию. Не следует путать «экономически развитые страны» (МВФ) и «страны с высоким уровнем дохода» (Всемирный Банк).

направление: в последние десятилетия основное количество мигрантов давали Африка, Азия и Латинская Америка (в 2000 — 64,2%, в 2017 — 69,7%). Важно, что постепенно растет доля тех, кто остается на своем континенте или в своем географическом регионе: в 2017 г. 58% мигрантов из Африки нашли место пребывания на этом же континенте (в 2000 — только 54%), а 60% мигрантов из Азии остались в Азии (в 2000 — только 56%). За исключением Латинской Америки, где традиционно велики потоки в Северную Америку (свыше 70%), значительно БУльшее значение приобретает миграция из развивающихся стран в развивающиеся («миграция Юг—Юг»), то есть из Африки в Азию, из Азии — в Океанию и так далее⁶. В 2015 г. количество мигрантов, прибывших в экономически развивающиеся страны, впервые превысило аналогичный показатель для экономически развитых стран. Очевидно, что это стало результатом, во-первых, ограничительных мер в отношении миграции, принятых в странах Европы и Северной Америки, а, во-вторых, результатом экономического роста в странах Азии. В любом случае, справедливое распределение в сфере миграции подразумевает, что данную тенденцию в области географического распределения количества мигрантов нужно поддерживать, чтобы не концентрировать мигрантов исключительно в небольшой группе стран. Но это требование ставит потенциальную организацию в прямую зависимость от государств — их миграционной политики, экономического развития, войн и менее значительных факторов.

Во-вторых, поскольку гипотетическая организация должна в какой-либо форме отражать мнение мигрантов, в ней должны быть представлены не только те, кто планирует или осуществляет перемещение, но и те, кто уже мигрировал. Представим, что распределительная организация в целом справляется с перенаправлением миграционных потоков, и мигранты расселяются в разных странах, а не только в экономически развитых. Очевидно, что их интересы могут различаться: мигранты в странах пребывания могут опасаться прибытия новых мигран-

⁶ *International Migration Report 2017. Highlights.*

URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf

тов, поскольку это вынудит их конкурировать за низкооплачиваемые рабочие места, создаст дополнительную нагрузку на социальную систему, или даже просто привлечет ненужное общественное внимание к мигрантам и их деятельности. Это только один из возможных примеров того, как мигранты могут разделиться на различные группы интересов и, тем самым, блокировать или существенным образом подрывать деятельность гипотетической распределительной организации.

Есть ли возражения к «мигрантоцентричному» подходу помимо того, что не получается сконструировать адекватный процесс распределения блага? На самом деле, есть еще этические соображения.

Существует широко признанное «золотое правило нравственности», которое гласит: «не делай другому того, чего не желаешь себе». Опираясь на это правило, можно сформулировать тезис о том, что негативные последствия неконтролируемой миграции слишком велики, а, значит, перемещение следует до определенной степени ограничить.

Первый вариант тезиса о негативных последствиях миграции обычно используют экономисты, хотя научную базу под него подвел известный американский политолог Роберт Патнэм.

Экономисты-неоинституционалисты всерьез интересовались тем, как возникает доверие между людьми, что способствует сотрудничеству (а не вражде), а также тем, как это соотносится с количеством социальных связей (контактов, дружбы, общения) между отдельными индивидами. Напротив, Р. Патнэм на материале этнокультурных общин США искал подтверждение гипотезы о том, что культурное (прежде всего, этническое) разнообразие способствует общественному прогрессу. Но оказалось, что все обстоит с точностью до наоборот. Анализ статистики, опросов, разного рода методы количественного анализа привели Р. Патнэма к выводу, что связность общества обратно пропорциональна культурному разнообразию. Иными словами, чем больше разнообразие, тем меньше доверия: к соседям, местным лидерам, СМИ. Более того, оказалось, что жители поликультурных населенных пунктов в меньшей степени участвуют в благотворительности, в выборах, имеют меньше друзей и не настолько счастливы (по собствен-

ным ощущениям), как жители культурно гомогенных городов и поселений⁷. Проще говоря, чем больше разнообразие, тем меньше социальных связей (на каждого человека), меньше доверия и меньше склонность к сотрудничеству. Такой шокирующий вывод не устроил Роберта Патнэма — он задержал публикацию результатов почти на 7 лет, но перепроверка данных и ошибок в подсчетах ни к чему не привела⁸. В общем, негативным последствием миграции является разрушение или существенное снижение социальной связности.

Второй тезис частично перекликается с первым, но отличается по восприятию масштаба перемен, которые влечет за собой иммиграция. Некоторые консервативные и националистически настроенные политики и публицисты всерьез опасаются, что мигранты могут изменить культурную идентичность стран, изменить то, как страна видит себя по отношению к остальному миру и как ее жители определяют себя, какие качества считают важными, какие принципы организации общества поддерживают. Приведу характерный отрывок из недавней книги американской консервативной публицистки Эн Коултер: *«Наши миграционные законы дискриминируют группу стран, выходцы из которых заселяли Америку первые три сотни лет ее существования, — в пользу бедных мигрантов из Третьего мира. С 1970 года почти 90% легальных мигрантов в США прибыли из стран Третьего мира, и большинству из них нужна какая-либо помощь за счет налогоплательщиков. Либеральные элиты хотят наводнить Америку бедными иммигрантами из Третьего мира только потому, что белые англо-говорящие мигранты из развитых государств не будут работать прислугой и не будут массово голосовать за Демократов»*⁹.

Насколько оправданы опасения об утрате социальной и по-

⁷ Putnam R.D. *E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-first Century* // *Scandinavian political studies*. 2007. Vol. 30. №. 2. pp. 137—174.

⁸ В конце концов, чтобы как-то сгладить неполиткорректность своих выводов, Патнэм объявил снижение доверия краткосрочным последствием, а в долгосрочной перспективе, по его мнению, нужно ожидать усиление доверия и увеличения количества социальных связей в поликультурных обществах.

⁹ Coulter A.N. *Adios, America: the left's plan to turn our country into a third world hellhole*. Washington, DC: Regnery Publishing, 2015. pp. 78—79.

литической идентичности или ее существенных компонентов в результате миграции? Пример княжества¹⁰ Сикким в предгорьях Гималаев показывает, что масштабная миграция может изменить даже статус государства. Аграрное княжество Сикким на северо-востоке современной Индии было основано аристократом-буддистом из народа бхутия в XVII в. На тот момент Сикким населяли преимущественно народы бхутия и лепча. Как и большинство восточных средневековых государств, Сикким часто участвовал в войнах с соседями — Непалом и Бутаном. Поскольку противники были явно сильнее, Сикким активно использовал внешнюю помощь — сначала от Китая, потом от британской колониальной администрации Индии. Параллельно с этим процессом в XVIII—XIX вв. на территорию Сиккима массово мигрировали непальцы (горкхи) вплоть до XX в. Это продолжилось и после того, как Сикким стал протекторатом Британской Индии: британцы поощряли миграцию непальцев, чтобы заселить пустующие земли в княжестве. В 1947 г. после провозглашения независимости Индии жители княжества на референдуме не поддержали присоединение к ней. По взаимному соглашению, Сикким снова стал протекторатом — власти в Дели получили контроль над внешней политикой, обороной и связью. Сложность ситуации состояла в том, что непальское население Сиккима росло быстрыми темпами и стало главной опорой сил, выступавших за присоединение к Индии. Постепенно сторонники присоединения получили большинство в местном парламенте и правительстве: и монарх, и его противники обратились к посредничеству индийских властей. Были введены войска Индии, и новый референдум 1975 г. одобрил вхождение Сиккима в состав Индии¹¹. Если коротко подвести итог политического развития Сиккима в 1947—1975 гг., то получается, что постепенно потомки мигрантов из Непала стали самой крупной группой населения, что изменило представления о желаемом статусе Сиккима и его отношениях с Индией.

¹⁰ *Правитель государства имел титул «чогьял» — на тибетском языке это означает «духовный правитель», «праведный правитель».*

¹¹ *Bhasin V. Ethnic Relations Among the People of Sikkim // Journal of Social Sciences. 2002. Vol 6, №1. pp. 3—8.*

Таким образом, «мигрантоцентричный» подход сложно реализовать на практике. Кроме того, беспрепятственное перемещение может иметь далекоидущие негативные последствия. Как мы помним, определение справедливости связано с вопросом взаимозаменяемости и соотношения различных благ: вред может быть благом при некоторых условиях, но, представляется, беспрепятственное перемещение как благо не всегда уравнивает последствия миграции, такие как ослабление социальных связей и изменение культурной идентичности «принимающих» обществ.

— А есть ли какие-то промежуточные, компромиссные подходы?

— Да, такой существует. Он связан в значительной мере с этикой права и с юридическим взглядом на справедливость. Часто такой подход называют подходом открытых границ, а также глобалистским подходом. Во многом этот подход напоминает «мигрантоцентричный», но есть и существенные отличия. Во-первых, сторонники глобалистского подхода подчеркивают, что факт миграции не подразумевает облегченного получения гражданства на новом месте проживания — напротив, государства могут даже требовать дополнительных выплат для финансирования программ по адаптации, социальных выплат мигрантам. Во-вторых, требование открытых границ не подразумевает, что государства как-то помогают мигрантам при перемещении. Иными словами, цену перемещения полностью оплачивает мигрант, а правительства стран назначения сохраняют возможность ограничивать легальную миграцию — например, путем регулирования цен на международные пассажирские перевозки, авиасообщение или транс-океанские морские рейсы.

— В чем же тогда сходства с предыдущим подходом?

— Сейчас попытаюсь объяснить. Во всем остальном, кроме двух оговорок (по поводу гражданства и цены миграции), глобалисты близки к «мигрантоцентричному» подходу, хотя и пользуются более изощренной логикой. Логика эта такова: благом считается увеличение свободы человека, в это понятие включается и свобода перемещения. Чаще всего глобалисты вопрошают «А почему бы не дать всем людям право на мигра-

цию?». Иногда тот же вопрос задается более изощренно: «Должны ли государства препятствовать прибытию мигрантов, создавать барьеры на их пути?».

— А разве есть право на миграцию?

— Это очень важный вопрос, потому что аргументация глобалистов уходит в рассмотрение причин, по которым существуют те или иные права. Как раз первая стратегия или линия аргументации сводится к тому, что существующие и общепризнанные права человека, закрепленные в международно-правовых и национальных документах, вообще-то подразумевают (включают) право на миграцию. Иными словами, право на миграцию может быть логически выведено из существующих норм. Например, Всеобщая декларация прав человека (1948) отмечает:

Статья 13.

1. Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства.

2. Каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну¹².

Обратите внимание на второй подпункт: сформулировано достаточно размыто, многие трактуют эту норму расширительно, отмечая, что границы государств не упомянуты. Противники расширительного толкования отмечают, что право покинуть одну страну не означать автоматического права прибыть в другую. Более того, даже международное право признает, что перемещения могут быть ограничены в интересах национальной безопасности, охраны правопорядка, по эпидемиологическим соображениям.

Чтобы снять эти возражения, глобалисты используют два аргумента. Во-первых, нужно посмотреть на причины предоставления свободы перемещения внутри государств. Причины заключаются в том, чтобы дать жителям страны (необязательно гражданам) возможность получить лучшие условия для жизни: хорошую работу, жилье, адекватное лечение заболеваний. При этом, у государства сохраняется возможность влиять на внут-

¹² *Всеобщая декларация прав человека.*

URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

ренную миграцию: через разные налоговые режимы в регионах, меры по развитию социальной инфраструктуры, особый режим пребывания (например, в зонах конфликтов). Поэтому глобалисты утверждают, что у государств останется возможность влиять на свободу перемещения и в глобальном масштабе, а, значит, нет поводов для опасений. Благо, получаемое из всеобщей свободы перемещения, заключается в том, что каждому человеку будет предоставлена максимальная возможность реализовать себя, получить лучшие условия для жизни¹³.

Во-вторых, глобалисты используют теорию поколений прав человека. Принято считать, что права людям давались постепенно. Сначала Великая Французская революция в правовых системах Европы закрепила личные права: право на жизнь, неприкосновенность частной жизни, презумпцию невиновности. Также были сформулированы политические права: свобода собраний, право избираться и быть избранным, свобода слова. Это первое поколение прав человека. Во втором поколении — социально-экономические и культурные права. Это, например, право на труд, право на охрану здоровья, на образование. Большую роль в продвижении этого поколения сыграл Советский Союз и те марксистские идеи, которые продвигались советской дипломатией, международной партийной деятельностью и пропагандой. Третье поколение прав связано с коллективными потребностями человечества, поэтому не все юристы признают его существование. К этому поколению относятся право на развитие, на использование природных ресурсов, на здоровую окружающую среду, а также право на национальное самоопределение. Существует и четвертое поколение прав — хотя нет согласия, что в них включать. Речь идет о праве на доступ к Интернету, на право на эвтаназию, на свободное получение информации, на безопасный аборт для женщин, на использование экспериментальных лекарств. Так или иначе, утверждают глобалисты, количество прав человека растет и совершенно нелогично возводить ограничения в таких условиях.

¹³ Miller D. *Is There a Human Right To Immigrate?// Migration in Political Theory. The Ethics of Movement and Membership. Ed. by S. Fine, L. Ypi. Oxford: Oxford University Press, 2016. pp. 12—26.*

Противники глобалистов выдвигают три аргумента против глобального права на миграцию. Во-первых, должны быть веские основания для введения какого-либо права. Условие такое — без введения такого права жизнь людей будет существенно хуже. Но предоставление возможности мигрировать не обязательно приведет к улучшению условий жизни, поскольку от государства пребывания в обязательном порядке не требуется предоставлять социальную помощь. Во-вторых, введение любого права должно вести к сильной нагрузке для всех, кто будет обеспечивать реализацию данного права. Бесконтрольная миграция, как мы уже отмечали, приведет к концентрации мигрантов в группе экономически благополучных стран, что приведет к неустранимым проблемам с точки зрения жилого фонда, занятости, выдачи официальных документов (вида на жительство, рабочих виз) и, возможно, борьбы с преступностью. Наконец, в-третьих, введение права для одного не должно нарушать права другого. Как мы ранее установили, большие масштабы миграции ведут к изменению культурной идентичности стран, сокращению социальной связности, что имеет влияние на реализацию, например, права на доступ к культурному наследию.

В чем же тогда компромиссность глобализма по сравнению с «мигрантоцентричным» подходом? Благom признается свобода для всего человечества, но распределение блага возлагается не только на международные организации, в которых формируются нормы и представления о формах реализации свобод, но и на государства. С точки зрения глобалистов, государства должны сами прийти к пониманию «открытых границ» — и это неизбежно случится. В этом состоит важная уступка методологическому национализму, представлению, что в центре анализа должно быть государство и его интересы (интересы его граждан). Глобалисты решают проблему распределения с точки зрения интересов мигрантов, но проблему назначения, то есть определения правил допуска к распределению благ — с позиций интересов государств (обществ).

— Но ведь глобализм все равно не работает...

— Это последний важный вывод в рамках сегодняшней лекции. Ни один из подходов к феномену миграции в чистом виде

не работает. Большинство ученых, политиков, публицистов разделяют убеждение, что, с одной стороны, разумные ограничения миграции необходимы, а, с другой стороны, миграционные процессы достаточно сложно контролировать. Поэтому проблема масштабов миграции может быть решена только в связке с другими проблемами. Например, сокращение бедности в странах, откуда традиционно мигрирует большое количество людей, может привести к сокращению миграционных потоков. Отсюда в повестке дня международных организаций и развитых стран появились понятия «цели развития» и «помощь развитию». Еще один возможный вариант — изменить характер миграции, увеличить масштабы сезонной и временной миграции, в рамках которой работник рано и поздно возвращается в страну происхождения, а не выбирает страну пребывания для постоянного места жительства.

На этом все. Спасибо за внимание!

Рекомендуемая литература

1. Carens J.H. The Ethics of Immigration. Oxford: Oxford University Press, 2013. — 384 p.
2. Miller D. Is There a Human Right to Immigrate? // Migration in Political Theory. The Ethics of Movement and Membership. Ed. by S. Fine, L. Ypi. Oxford: Oxford University Press, 2016. — 320 p.

А.П. МИНЕЕВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ВИДЫ, ПРОЯВЛЕНИЯ, ФОРМИРОВАНИЕ

Лекция из курса «Политический менеджмент»

Парламентские выборы 18 сентября 2016 г.: сравнительный анализ электоральных предпочтений на федеральном (Госдума) и региональном (Областное законодательное собрание) уровнях как инструмент оценки референтной политической идентичности россиян

Вы, конечно, уже не раз сталкивались с понятием *идентичность* в тех или иных учебных курсах. Понятие широкое. Скажу сразу — до конца точно не определенное, но интуитивно принимаемое и оттого со временем становящееся, вроде бы, постигаемым и даже понятным. Это, видимо, вообще свойство фундаментальных понятий. Вспомните, например, «точку» в математике или «силу» в физике. Мы их принимаем как нечто основополагающее и потому, должно быть, не пытаемся определить их через какие бы то ни было «более основные». Ведь если даже мы их и отыскали, то пришлось бы уже к ним адресовать тот же вопрос: а вас-то через что следует определить? Надо когда-то остановиться в подобном рвении ума и положить все же на наитие, на веру, приняв с их помощью что-то за фундамент, на котором мы и будем возводить уже вполне логически выстроенное, умственное, научное здание.

Чтобы лучше ощутить сказанное применительно к *идентичности*, давайте проделаем такой опыт. Возьмите лист бумаги и ручку. Если кто-то уже распрощался с такой архаикой, можете использовать свой гаджет — все равно. Главное — в интересах чистоты эксперимента — не подглядывать к соседу, а решить

задачу полностью самостоятельно. А задача довольно простая, по крайней мере, на первый взгляд. Готовы? Я сейчас не торопясь сосчитаю вслух до десяти, а вы за это время должны написать пять слов или кратких словосочетаний по мере «прихода в голову». Пять ответов на один-единственный вопрос, который каждый из вас вдруг почему-то решил задать самому себе. Чтобы вы были раскованней в этом занятии (опять же, для чистоты и надежности эксперимента), обещаю, что мы не будем пытаться обнародовать ваши ответы — лишь очень деликатно оценим их статистически. Готовы? Итак, вопрос самому себе: кто Я? Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Все, закончили.

Прежде чем перейти к обещанной статистической обработке нашего опыта, я вам прочитаю два варианта ответов, добровольно переданных мне вашими коллегами, слушавшими этот курс в предшествующие годы¹. А вы в это время ничего, пожалуйста, не исправляйте в своих ответах; отложите их в сторону ненадолго.

Итак, первый из доверенных мне прежде листочков:

1. Женщина;
2. Студентка МГИМО;
3. Люблю готовить. [Думаю, пищу, а уже потом — учебные задания. А.М.];
4. Россиянка;
5. Дочь своих родителей.

Другой листочек:

1. Русский;
2. Болею за «ЦСКА», плюс «Челси»;
3. Москвич;
4. Стронник ЛДПР;
5. Метр восемьдесят шесть.

Вот так. Очевидно, прочитай мы не два, а больше таких листочков, мы обнаружили бы там еще больший набор «качеств». И чем шире круг опрашиваемых, тем разнообразнее будет

¹ Авторские формулировки, орфография и пунктуация сохранены.

спектр самоопределений. Равно как и если бы мы расширили перечень ответов. К слову, пятью я решил ограничиться в целях экономии драгоценного лекционного времени: изначально же этот эксперимент пришел из социальной психологии и известен как «тест М.Куна и Т.Макпартленда», который в своем каноническом виде предполагает 20 ответов. Изучение результатов, полученных после проведения многочисленных тестов такого рода, показывает, что при огромном многообразии ответов, их почти всегда удается разделить на два типа: *личностный* и *социальный*. Ответы из первой группы — это ответы о себе, но без явной связи с окружающей общественной средой. В наших двух группах ответов сюда можно отнести варианты «женщина», «метр восемьдесят шесть», «люблю готовить» и «дочь своих родителей». Однако и тут возможны определенные сомнения, скажем, если ответы будет анализировать специалист по гендерной проблематике или по социальной адаптации людей невысокого роста, соответственно (в случае первых двух ответов). В полной мере социальный аспект ответа проявился бы, напиши испытываемая более подробно: «люблю готовить для гостей» и «дочь своих родителей, активно участвующих в общественной жизни». Но, так или иначе, в социальной психологии принято выделять строго личностную идентичность как ее отдельный вид.

Нас же сегодня будет интересовать не столько социальная идентичность в целом, то есть то, как личность в своем самоопределении соотносит себя с той или иной социальной группой («россиянка», «болельщик ЦСКА», «москвич»), сколько подвид этого вида идентичности — *политическая идентичность*.

Вот теперь загляните, пожалуйста, в ваши ответы и поднимите руку те, у кого присутствует хоть один ответ, имеющий отношение к социальной идентичности? Спасибо. Видите — практически у всех. А теперь те, у кого есть хотя бы один ответ, имеющий отношение к политической идентичности. Сравнительно немного. По крайней мере, у большинства из вас она присутствует в самосознании не настолько весомо, чтобы обнаружиться в первых пяти ответах на вопрос «кто я?». Возможно, будь их двадцать, как предполагается в классическом

тесте, она проявилась бы у большего количества присутствующих. И это, заметьте, в профессиональной аудитории политологов; что в таком случае можно ожидать от случайной выборки респондентов?

Между тем, специалистам по политическому менеджменту (особенно, политтехнологам избирательных кампаний) прежде чем приступать к работе, очевидно, необходимо обладать хотя бы приблизительной картиной политических предпочтений избирателей. Традиционно для этого проводят опросы. Правда, в последние годы появляется все больше сомнений в надежности получаемой таким способом информации (этому есть множество причин). Не вдаваясь в тонкости политической социологии, приведу вам лишь один пример из личных воспоминаний, который, на мой взгляд, обозначает одну из возможных весомых причин ошибочного прогнозирования выборов на основе опросов.

Накануне первых выборов в Государственную Думу 12 декабря 1993 г. мне в составе группы экспертов довелось беседовать с французским послом (социалистом — назначенцем тогдашнего президента Франции Ф. Миттерана). Речь, главным образом, шла о предстоящем голосовании. Среди нас был и, увы, покойный ныне Юрий Левада. Понятно, что его мнение выслушивалось с особым вниманием — наиболее авторитетный на тот момент политический социолог. Не помню точно, какие он прогнозировал цифры, но о победе партии Жириновского речи не было — даже о каком-либо заметном успехе. Но назавтра именно это и произошло: больше всех голосов (23 с лишним процента) набрала ЛДПР. Известный публицист Юрий Карякин произнес в тот день в прямом эфире центрального телевидения: «Россия, ты сошла с ума!»

Так это или не так — иной вопрос, но волеизъявление народа состоялось, и уж точно на тот момент не было оснований говорить о каких-либо неправильных действиях в ходе подсчета голосов. Позже, задним числом, появилось и объяснение случившегося: после октябрьских событий в Москве в том — недоброй памяти 1993 г. — вылившихся в кровавые столкновения между сторонниками президента и большинства съезда народных депутатов, наиболее популярным лозунгом ока-

зался: «Чума на оба ваши дома!» Именно парафразы этого, как теперь сказали бы, «слогана» и сумел искусно использовать в предвыборной кампании Жириновский, особо подчеркивавший свое положение «над схваткой» (в которую, впрочем, его никто из ее участников и не собирался приглашать). В то же время массовый испуг от произошедших 3—4 октября и щедро освещавшихся телевидением и другими СМИ событий, не располагал респондентов при опросах хоть как-то обозначать свою солидарность с критикой той или иной из сторон политического конфликта. Победителей, как известно, не судят, а надолго ли побежденные останутся в этом качестве — было для многих вопросом открытым. Время-то, дескать, смутное; повсякому может повернуться. Про себя же многие думали: «и те, и другие «хороши!» Именно это, не «переступая черты», сумел выразить в своей предвыборной риторике В.Жириновский и победил.

Но вернемся к дню сегодняшнему. Полагаться или не полагаться целиком на опросы — вопрос, которым, безусловно, следует задаваться и ныне. Их надежность — профессиональное дело социологов. Но в нашем распоряжении имеется, по крайней мере, еще один инструмент, с помощью которого можно пытаться составить «карту» политических настроений и даже предпочтений избирателей. Я имею в виду электоральную статистику предшествующих выборов, а проще говоря, голосований, представленную в цифровых отчетах избирательных комиссий. Оставляя на время за скобками тему «Болотной площади», будем считать, что таблицы, представленные на официальном сайте Центральной избирательной комиссии, могут предоставить в наше распоряжение весьма эффективное средство для лучшего понимания российской картины политической идентичности или, точнее, политических идентичностей наших сограждан.

Но прежде еще два слова, уточняющих, само понятие «*политическая идентичность*». Сначала о видах политической идентичности. Их три. Это:

1. Групповая политическая идентичность;
2. Референтная идентичность;
3. Персонифицированная.

Первый из них, как правило, характеризует членство в политической организации. Третий — личностную симпатию к одному из лидеров политической партии. Молодой человек — метр восемьдесят шесть — указал бы в первом случае «член ЛДПР», в последнем — «поклонник Жириновского». Но коль скоро он в качестве одного из ответов указал «сторонник ЛДПР», мы вправе думать, что он — носитель не групповой и не столько персонифицированной, сколько *референтной* политической идентичности.

Она нас и будет интересовать в первую очередь, поскольку проявляется *референтная политическая идентичность* как раз в устойчивом голосовании за ту или иную партию. В рекомендованном вам учебнике Г.В. Пушкаревой² со ссылкой на американских экспертов говорится, что в США 40 % избирателей обладают устойчивой партийной идентичностью. Это проявляется, в частности, в том, что они последовательны в своем выборе и всегда голосуют за кандидата от определенной партии.

Тем интереснее направление, возникшее в американских политологических исследованиях в 80—90 гг. благодаря работам Морриса П. Фьорины³ и получившее активное развитие благодаря нескольким исследовательским группам⁴. Основанием для появления данного пласта работ послужила отмеченная в статистике по выборам в Конгресс (федеральный и/или отдельного штата) и в соответствующую по уровню инстанцию исполнительной власти (президент и/или губернатор) весьма многочисленная группа избирателей, устойчиво голосующая за разные партии. Это явление даже обрело специальный термин: «split-ticket effect».

Объяснений было выдвинуто множество: от диагноза шизофрении и предположения о появлении в США новой политической идентичности — «*опасающихся диктата какой-либо из*

² См. Пушкарева Г.В. *Политический менеджмент: Учеб. пособие.* М., 2002.

³ Fiorina, Morris P. 1996. *Divided Government*, 2-nd Ed. New York: MacMillan.

⁴ См., например, Zorn, C.H., Smith, Ch.: *Pseudo-classical nonseparability and mass politics in two-party systems.* In: Song, D., Melucci, M., Frommholz, I., Zhang, P., Wang, L., Arafat, S. (eds.) *Quantum Interaction-3. Lectures Notes in Computer Science*, vol. 7052, pp. 83–94. Springer, Heidelberg (2011).

партий», до применения к этому явлению подходов, выработанных квантовой механикой.

Одним из постулатов последней является наличие во всяком состоянии любой природной системы, включая — как многие склонны полагать — и человеческое сознание, *суперпозиции* (наложения, сосуществования) нескольких различных состояний, лишь одно из которых реализуется при измерении (наблюдении) того или иного свойства системы. В данном случае — это выбор какой-то одной, определенной партии в избирательном бюллетене (проще говоря, объяснение раздвоения личности, шизофрении по аналогии с квантово-механическими явлениями).

Мне показалось интересным проанализировать результаты ряда выборов в нашей стране, чтобы на полученном таким образом основании сделать хотя бы самые предварительные выводы относительно политической идентичности, ее устойчивости и/или раздвоенности (а, возможно, и растроенности, расчетверенности — ведь у нас не двухпартийная система). Тем более, в том же учебнике Г.В. Пушкаревой приводится цифра 10 % — так со ссылкой на российских экспертов Галина Викторовна оценивает устойчивую партийную идентичность наших сограждан, отмечая, что это — преимущественно сторонники компартии.

Вот результатами своих изысканий на эту тему я и хотел бы сегодня с вами поделиться.

В качестве «экспериментального» материала для дальнейших рассуждений я взял результаты разных выборов, состоявшихся в один и тот же день — 18 сентября 2016 г. — выборов по пропорциональной системе в Государственную Думу и в парламент одного из субъектов Российской Федерации. Всего в тот день в доброй половине российских регионов состоялись подобные «параллельные» выборы. Иными словами, меня заинтересовало то, как соотносятся результаты, полученные различными партиями на выборах в федеральный и региональный парламенты, с учетом того, что бюллетени заполнялись одними и теми же избирателями в один и тот же момент времени. Понятно, что абсолютно устойчивая политическая идентичность предполагает точное совпадение числа голосов, поданных за ту

или иную партию как в Госдуму, так и в региональный парламент. Правда, следовало учесть, что список партий в бюллетенях федерального уровня, как правило, был заметно длиннее, чем в региональном бюллетене. Например, в изученной мной для начала Новгородской области в борьбе за места в Облдуме принимало участие лишь 5 партий, в то время как на депутатские мандаты в Госдуме, как и по всей стране, их в тот день претендовало 14. Так что надо было быть а priori готовым к тому, что, скажем, партия Яблоко понесет определенные потери на федеральном уровне по сравнению с областным, поскольку ряд ее избирателей в областной парламент на деле являются сторонниками Партии Роста или Парнаса. За неимением этих партий в списке областного бюллетеня, в нем они пометят Яблоко как близкородственную по основным позициям, зато, голосуя за места в Госдуме, отдадут предпочтение своим подлинным фаворитам.

Вот с такими предварительными соображениями я приступил к анализу данных Центризбиркома, которые, как я уже говорил, можно без особого труда отыскать на официальном сайте этого учреждения. Сначала я отыскал результаты по выборам в Госдуму по партийному списку в федеральном избирательном округе №134, который территориально совпадает с Новгородской областью (табл. 1).

На семинарском занятии мы уделим внимание тому, как использовать сайт Центризбиркома для нахождения интересующей информации, а сейчас я вам представлю еще одну таблицу. Это та же самая взятая целиком Новгородская область, но уже на выборах в Областную думу (тоже по партийным спискам) (табл. 2).

Давайте сравним цифры представленных таблиц. Предлагаю дальше работать с общей сравнительной таблицей (табл. 3), которую я составил, пользуясь данными двух вышеприведенных.

Давайте посмотрим на составленную нами таблицу более внимательно, сосредоточившись на колебаниях собранного той или иной партией «урожая» голосов, поданных при выборах в Госдуму и Облдуму соответственно. Нам предстоит исследовать результаты пяти партий: Единой России, КПРФ, ЛДПР, Справедливой России и Яблока. Именно они присут-

Таблица 1.
Сводная таблица итогов голосования по федеральному
избирательному округу.
Выборы депутатов Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва.
Новгородская область – федеральный избирательный округ № 134⁵

	Сумма
1 Число избирателей, внесенных в список избирателей на момент окончания голосования	508860
2 Число избирательных бюллетеней, полученных участковой избирательной комиссией	449450
3 Число избирательных бюллетеней, выданных избирателям, проголосовавшим досрочно	0
4 Число избирательных бюллетеней, выданных в помещении для голосования в день голосования	184583
5 Число избирательных бюллетеней, выданных вне помещения для голосования в день голосования	18445
6 Число погашенных избирательных бюллетеней	246422
7 Число избирательных бюллетеней, содержащихся в переносных ящиках для голосования	18445
8 Число избирательных бюллетеней, содержащихся в стационарных ящиках для голосования	184325
9 Число недействительных избирательных бюллетеней	4602
10 Число действительных избирательных бюллетеней	198168
11 Число открепительных удостоверений, полученных участковой избирательной комиссией	11162
12 Число открепительных удостоверений, выданных на избирательном участке до дня голосования	5098
13 Число избирателей, проголосовавших по открепительным удостоверениям на избирательном участке	3257
14 Число погашенных неиспользованных открепительных удостоверений	6064
15 Число открепительных удостоверений, выданных избирателям территориальной избирательной комиссией	744
16 Число утраченных открепительных удостоверений	0
17 Число утраченных избирательных бюллетеней	0
18 Число избирательных бюллетеней, не учтенных при получении	0
19 1. ВСЕРОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ "РОДИНА"	2726 1.34%
20 2. Политическая партия КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КОММУНИСТЫ РОССИИ	5236 2.58%
21 3. Политическая партия "Российская партия пенсионеров за справедливость"	4729 2.33%
22 4. Всероссийская политическая партия "ЕДИНАЯ РОССИЯ"	81216 40.05%
23 5. Политическая партия "Российская экологическая партия "Зеленые"	1648 0.81%
24 6. Политическая партия "Гражданская Платформа"	505 0.25%
25 7. Политическая партия ЛДПР - Либерально-демократическая партия России	32814 16.18%
26 8. Политическая партия "Партия народной свободы" (ПАРНАС)	1529 0.75%
27 9. Всероссийская политическая партия "ПАРТИЯ РОСТА"	3613 1.78%
28 10. Общественная организация Всероссийская политическая партия "Гражданская Сила"	283 0.14%
29 11. Политическая партия "Российская объединенная демократическая партия "ЯБЛОКО"	5703 2.81%
30 12. Политическая партия "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ"	31775 15.67%
31 13. Политическая партия "ПАТРИОТЫ РОССИИ"	852 0.42%
32 14. Политическая партия СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ	25539 12.60%

⁵ *Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Электронный ресурс // [режим доступа]:*

http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&global=true&root=1000176&tyd=100100067796030&vrn=100100067795849&prver=0&pronetyd=0®ion=0&sub_region=0&type=233&vibid=100100067796030

Таблица 2.
Сводная таблица результатов выборов по единому округу.
Выборы депутатов Новгородской областной Думы
шестого созыва⁶

	Сумма
1 Число избирателей, внесенных в списки на момент окончания голосования	507499
2 Число избирательных бюллетеней, полученных участковыми избирательными комиссиями	448450
3 Число избирательных бюллетеней, выданных избирателям в помещениях для голосования в день голосования	183093
4 Число избирательных бюллетеней, выданных избирателям, проголосовавшим вне помещений для голосования	18258
5 Число погашенных избирательных бюллетеней	247099
6 Число избирательных бюллетеней, содержащихся в переносных ящиках для голосования	18257
7 Число избирательных бюллетеней, содержащихся в стационарных ящиках для голосования	182855
8 Число недействительных избирательных бюллетеней	6665
9 Число действительных избирательных бюллетеней	194447
10 Число открепительных удостоверений, полученных участковыми избирательными комиссиями	11051
11 Число открепительных удостоверений, выданных участковыми комиссиями до дня голосования	4963
12 Число избирателей, проголосовавших по открепительным удостоверениям на избирательных участках	2709
13 Число погашенных на избирательных участках открепительных удостоверений	6088
14 Число открепительных удостоверений, выданных избирателям территориальной избирательной комиссией	686
15 Число утраченных открепительных удостоверений	0
16 Число утраченных избирательных бюллетеней	0
17 Число избирательных бюллетеней, не учтенных при получении	0
18 1. Политическая партия "Российская объединенная демократическая партия "ЯБЛОКО"	9716 4.83%
19 2. Политическая партия "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ"	39268 19.53%
20 3. Всероссийская политическая партия "ЕДИНАЯ РОССИЯ"	78282 38.92%
21 4. Политическая партия ЛДПР - Либерально-демократическая партия России	34782 17.29%
22 5. Политическая партия СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ	32399 16.11%

⁵ Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Электронный ресурс // [режим доступа]: http://www.novgorod.yurybory избирком.ru/region/region/novgorod?action=show&root=1&tvd=2532000487411&vrn=2532000487406®ion=53&global=&sub_region=0&prver=0&pro netvd=0&vibid=2532000487411&type=379

Таблица 3.

		ГД	Областная Дума
1	Число избирателей, внесенных в список избирателей на момент окончания голосования	508860	507499
2	Число избирательных бюллетеней, полученных участковой избирательной комиссией	449450	448450
3	Число избирательных бюллетеней, выданных избирателям, проголосовавшим досрочно	0	0
4	Число избирательных бюллетеней, выданных в помещении для голосования в день голосования	184583	183093
5	Число избирательных бюллетеней, выданных вне помещения для голосования в день голосования	18445	18258
6	Число погашенных избирательных бюллетеней	246422	247099
7	Число избирательных бюллетеней, содержащихся в переносных ящиках для голосования	18445	18257
8	Число избирательных бюллетеней, содержащихся в стационарных ящиках для голосования	184325	182855
9	Число недействительных избирательных бюллетеней	4602	6665
10	Число действительных избирательных бюллетеней	198168	194447
11	Число открепительных удостоверений, полученных участковой избирательной комиссией	11162	11051
12	Число открепительных удостоверений, выданных на избирательном участке до дня голосования	5098	4963
13	Число избирателей, проголосовавших по открепительным удостоверениям на избирательном участке	3257	2709
14	Число погашенных неиспользованных открепительных удостоверений	6064	6088
15	Число открепительных удостоверений, выданных избирателям территориальной избирательной комиссией	744	686
16	Число утраченных открепительных удостоверений	0	0
17	Число утраченных избирательных бюллетеней	0	0
18	Число избирательных бюллетеней, не учтенных при получении	0	0
19	Всероссийская политическая партия «Родина»	2726 1,34%	0
20	Политическая партия «Коммунистическая партия. Коммунисты России»	5236 2,58%	0
21	Политическая партия «Российская партия пенсионеров за справедливость»	4729 2,33%	0
22	Всероссийская политическая партия «Единая Россия»	81216 40,05%	78282 38,92%
23	Политическая партия «Российская экологическая партия "Зеленые"»	1648 0,81%	0
24	Политическая партия «Гражданская Платформа»	505 0,25%	0
25	Политическая партия «ЛДПР - Либерально-демократическая партия России»	32814 16,18%	34782 17,29%
26	Политическая партия «Партия народной свободы» (ПАРНАС)	1529 0,75%	0
27	Всероссийская политическая партия «Партия роста»	3613 1,78%	0
28	Общественная организация Всероссийская политическая партия «Гражданская Сила»	283 0,14%	0
29	Политическая партия «Российская объединенная демократическая партия "ЯБЛОКО"»	5703 2,81%	9716 4,83%
30	Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации»	31775 15,67%	39268 19,53%
31	Политическая партия «Патриоты России»	852 0,42%	0
32	Политическая партия «Справедливая Россия»	25539 12,60%	32399 16,11%

ствовали в обоих избирательных бюллетенях (остальные — лишь в федеральном).

Начнем с КПРФ. По сравнению с Облдумой потери партии составили $39268 - 31775 = 6493$ голосов. Иными словами, 16,5% избирателей, проголосовавших на выборах в региональный парламент за партийный список КПРФ, почему-то секундой позже или раньше не стали помечать галочкой эту партию в федеральном бюллетене, а проголосовали за другую партию. Первое, что приходит в голову для того, чтобы объяснить данный феномен — посмотреть на результат еще одной коммунистической партии, участвовавшей в выборах в Госдуму, но отсутствовавшей в выборе депутатов Областной думы: партии Коммунисты России. Действительно, эта партия набрала немало голосов (5236), и весьма вероятно (особенно вспоминая сказанное в учебнике Г.В. Пушкаревой об особой устойчивости политической идентичности коммунистического электората), что именно их недосчиталась в Новгородской области на федеральном уровне голосования другая компартия — КПРФ. Но все же остается неясным, куда подевались еще тысяча с лишним (1257) голосов. Возможно, часть из них «съела» Родина, возможно, «Патриоты» или «Пенсионеры». Доподлинно это мы никогда не узнаем, поскольку, напомним, голосование в России тайное. Но, так или иначе, ничего сверхпарадоксального в растекании областного «урожая» КПРФ при переходе к более разнообразному партийному списку федерального уровня, кажется, нет. Более или менее этот результат объясним.

Посмотрим теперь с этой же точки зрения на ЛДПР. Потери этой партии составляют $34782 - 32814 = 1968$ голосов или 5,7% от сторонников ЛДПР на областном уровне. Это заметно меньше, чем у коммунистов. Наверное, не вызовет особого возражения предположить, что эти без малого 2 тысячи голосов ушли к той же Родине и/или к Патриотам. Мы видим, что у них в сумме 3,5 тысячи, так что хватает и на остаток недобора КПРФ после учета результата Коммунистов России, и на весь недобор ЛДПР. Иными словами, и в случае ЛДПР не возникает неразрешимого противоречия.

Следующей рассмотрим Справедливую Россию. Здесь потери составляют $32399 - 25539 = 6860$ голосов или 21,2% от

сторонников «эсэров» на областном уровне. Возможно, столь сильный ущерб могли нанести Пенсионеры, тем более что полное название этой партии, фигурировавшее в федеральном бюллетене, также содержит слово «справедливость». Да и в предвыборной риторике обеих партий это слово было ключевым. Но даже приняв тот факт, что «добыча» Пенсионеров (4729 голоса) целиком из областного результата партии СР, мы все равно должны будем отыскать еще 2 тысячи с лишним потерянных ею голосов.

Несколько проще обстоит дело с интерпретацией потерь Яблока: $9716 - 5703 = 4013$ голосов или 41,3% от сторонников на областном уровне. Но, помните, мы если и не предвидели такой результат, то, по крайней мере, допускали: весьма созвучные Яблоку Партия Роста и Парнас собрали в Госдуму более 5 тысяч голосов, что вполне удовлетворительно и даже с лихвой может объяснить недостачу «федеральных избирателей» партии Явлинского. Прибавим к этому почти 800 голосов, собранных в сумме весьма созвучными (как сказали бы биологи, гомологичными) рассматриваемому ряду партий Гражданской платформой и Гражданской силой.

Теперь обратимся к фавориту выборов — партии Единая Россия. В отличие от четырех рассмотренных нами партий, она не только не потеряла при переходе на федеральный уровень голосования, но и заметно прибавила: + 2934 голоса, или 3,75% от числа проголосовавших за нее в Областную думу. Давайте постараемся зафиксировать для себя эту цифру — она позже может оказаться отсчетным значением для дальнейшего исследования массивов электоральной статистики. А пока задумаемся: если нам удалось более или менее непротиворечиво найти цифры, компенсирующие потери четырех остальных главных партий, кроме, разве что двух тысяч, утраченных «эсэрами» (правда, и тут еще есть резерв для объяснения: Зеленые — 1648 голосов), то где же искать источник почти трехтысячной прибавки Единой России? Ведь мы имеем строго официальную цифру: 2934 избирателя, проголосовав за кого-то другого на областных выборах, получается, в ту же секунду передумали, изменили своей партийной идентичности и в федеральном бюллетене поместили уже «партию власти». Само по

себе неожиданно, необычно с точки зрения даже здравого смысла и рационального поведения, но еще удивительней, если мы вспомним, что расширение партийного списка для всех остальных партий-фаворитов привело к уменьшению их результата на федеральном уровне по сравнению с областным. Это, казалось бы, абсолютно естественно: чем больше возможностей выбора, тем меньше приходится на любую партию из числа представленных в более узком списке. На любую, кроме одной. Но если хотя бы часть ее сторонников подвержены этому же чисто статистическому закону, то, выходит, речь должна идти уже не о 2934 избирателях, изменивших своим «областным привязанностям» в пользу ЕР, а о несколько большем их количестве. Вот и размышляй после этого о стабильности партийной идентичности у российского, или, по крайней мере, новгородского электората! Просто головоломка — неразрешимая задачка!

Я постарался найти разгадку, обратив внимание на разность количества бюллетеней, признанных областной избирательной комиссией действительными по результатам голосования в Государственную Думу и в Областную думу, соответственно. Она составляет, согласно официальным данным на сайте ЦИК, $198168 - 194447 = 3721$ голос. Это означает, что либо по какой-то причине число голосовавших в Госдуму было выше, чем в Облдуму, либо — что при количественном равенстве избирателей федерального и областного масштабов испорченных бюллетеней в области оказалось заметно больше. Либо — и то, и другое.

Посмотрим на строчки в таблице, отражающие число выданных избирателям бюллетеней. Видно, что в совокупности выданных на избирательных участках и вне их (в режиме приезда на дом с переносными урнами) бюллетеней было на $1677 (1490+187)$ больше в Госдуму по сравнению с Облдумой. А число недействительных, напротив, было больше в области: на $2063 (6665 - 4602)$ бюллетеня. Сумма этих двух чисел $1677+2063 = 3740$ в самом деле очень близко совпадает с отмеченной нами разностью признанных «действительными в Госдуму» и «действительными в Облдуму» — 3721 . Значит, оба предположенных нами фактора увеличения числа «действи-

тельных в Госдуму» бюллетеней по сравнению с «действительными в Облдуму» имели место 18 сентября 2016 г. в Новгородской области. Если в 2934 из них галочка поставлена против названия партии Единая Россия, то объяснение приросту голосов за эту партию находит свое объяснение.

Любопытно, что проделанный нами в целом для Новгородской области сравнительный анализ, будучи проведенным отдельно для областного центра и для удаленного от него малонаселенного района, дает сильно отличающиеся результаты — как от среднеобластных, так и между собой. Например, в избирательном округе №7 Великого Новгорода прирост голосов за Единую Россию, поданных в Госдуму по сравнению с Облдумой составил 6,3% (3,75% в среднем по области). Напротив, в Мошенском районе с населением чуть большим 5000 человек это был уже не прирост, а как и у всех остальных четырех партий из областного списка — убыль. Для Единой России она составила 5,7%. То же наблюдалось и в ряде других депрессивных малонаселенных районов (Любытинском, Хвойнинском, Маревском, Холмском). Кроме того, почти на всех избирательных участках Великого Новгорода обнаруживается столь же заметный и даже больший, чем по области в целом, прирост числа действительных бюллетеней в Госдуму по сравнению с голосованием в Облдуму — преимущественно за счет заметного числа «испорченных» областных бюллетеней. Ничего подобного в названных малонаселенных районах не наблюдалось.

Конечно, на основе столь предварительного сравнительного анализа электоральной статистики одновременных парламентских выборов федерального и регионального уровней было бы преждевременно делать какие бы то ни было твердые заключения относительно устойчивости партийной политической идентичности российского электората: тут следует проделать еще немало работы. В частности, поискать зависимость прироста или убыли голосов за отдельные партии от численности городского поселения, проанализировать картину в других субъектах Российской Федерации, где в тот день проходили параллельные парламентские выборы и т.п. Но все же я посчитал бы цель сегодняшней лекции во многом достигнутой, если вы

сегодня испытали определенный интерес к подобному исследованию, подумали, что оно, возможно, не совсем бессмысленно и может даже оказаться плодотворным для более ясного понимания российского политического ландшафта и, в частности, сегодняшних тенденций, а также возможных подходов к формированию политической идентичности наших сограждан, что, собственно, является одной из задач политического менеджмента.

В заключение, в качестве своего рода постскриптума, я хотел бы сообщить вам еще один предварительный результат моих скромных изысканий. Вчера, готовясь к сегодняшней лекции, я произвел сравнительную оценку электоральной статистики федеральных и областных парламентских выборов для Псковской области — во многом схожей, как известно, с Новгородской — начиная с древнейшей истории и кончая нынешним демографическим и социально-экономическим состоянием. Сходными оказались и выборные итоги 18 сентября 2016 г. В частности, единственной партией, «прибавившей» в Госдуму по сравнению с областью оказалась Единая Россия — почти 4000 голосов. Прибавка по численным оценкам также может быть без труда объяснена превышением числа «федеральных» действительных бюллетеней над «областными» — на 5000 больше. И еще одно численное сходство: в процентном отношении прибавка Единой России составила 3,74%. Помните, я просил вас зафиксировать в памяти этот параметр для Новгородской области? Кто вспомнит, сколько там было? Правильно, 3,75%.

Правда, ведь интересно? И, по-моему, очень настраивает на дальнейшую работу в этом направлении, с использованием такого богатого и официально доступного экспериментального материала, каким являются данные о выборах на сайте Центризбиркома. Нужно только научиться пользоваться этим материалом с максимальным толком. А для этого существуют семинарские занятия. Вот там мы и продолжим: сравним поподробнее результаты выборов в «глубинке», где в деревнях осталось 1—10 жителей; в районе, где райцентром является средний по населению город (50—70 тыс. чел.) и в облцентре (300 тыс. чел.) и попробуем разобраться, как связана партийная

идентичность избирателей и ее устойчивость с численностью и плотностью населения, транспортной доступностью, уровнем и качеством информационного обеспечения.

Спасибо за внимание!

Рекомендуемая литература

1. Fiorina, Morris P. 1996. *Divided Government*, 2-nd Ed. New York: MacMillan.
2. Zorn, C.H., Smith, Ch.: Pseudo-classical nonseparability and mass politics in two-party systems. In: Song, D., Melucci, M., Frommholz, I., Zhang, P., Wang, L., Arafat, S. (eds.) *Quantum Interaction-3. Lectures Notes in Computer Science*, vol. 7052, pp. 83—94. Springer, Heidelberg (2011)
3. Пушкарева Г.В. *Политический менеджмент: Учеб. пособие*. М., 2002.

Т.А. АЛЕКСЕЕВА

КАК ПОДГОТОВИТЬ АНАЛИТИЧЕСКУЮ ЗАПИСКУ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ВОПРОСАМ?

*Лекция в рамках курса
«Философские основания аналитической работы»*

Методов вагон и маленькая тележка, а вот принципов совсем немного. Тому, кто усвоил принципы, ничего не стоит выбрать тот или иной метод. А вот тому, кто ищет метод, не обращая внимания на принципы, придется туго.
Ральф Эмерсон.

Аналитическая записка — один из наиболее востребованных письменных жанров представления результатов экспертизы в области внешнеполитической деятельности. Ее цель — не столько изложить какие-то совершенно новые идеи, которые могут представлять интерес разве что для ученых, сколько попытаться найти разумное, полезное и потенциально эффективное решение возникающих проблем, что отнюдь не исключает неожиданности и оригинальности предлагаемого решения. Таким образом, аналитическая записка принципиально отличается от научной статьи своей изначальной практической ориентированностью. Иными словами, это документ, содержащий обобщения в отношении какой-то проблемы или вопроса, в основе которого лежат предварительно проведенные исследования, а также рекомендации по возможному поведению в заданной ситуации, которые делаются на основании изучения доступных автору/авторам источников.

Вместе с тем, аналитическая записка по жанру также отличается не только от научной статьи, но и от справки по тому или иному вопросу. Справка обычно содержит инфор-

мацию: данные, цифры, наименования, краткое изложение фактов и т.д. Часто она включает также первичные обобщения, однако, не более того. Поэтому, как правило, она носит вспомогательный характер при подготовке аналитического документа, текста речи, выступления, научной статьи или интервью лица, ответственного за какую-то сферу деятельности. Говоря проще, она отвечает на вопросы: **что** происходит, **где**, **как**, и **кто** является участником какого-то действия или события. Ключевые вопросы аналитической записки иные: **почему** нечто происходит, **к чему** это может привести, **и как** это предотвратить или, наоборот, поддержать?

Проиллюстрируем это на примере: еще такие «классики» как Фукидид, Томас Гоббс и др. указывали, что войны, на первый взгляд, начинаются из-за никчемных земель, малосущественных событий, которые воспринимаются как оскорбление или иллюзия оскорбления (на констатации этого остановилась бы справка), в то время как внутренний мотив вражды всегда неочевиден и выводится посредством умозаключений. Мы бы добавили — аналитических умозаключений, которые и могут быть представлены и проанализированы в аналитической записке.

Именно здесь проходит демаркационная линия между информацией и анализом (аналитикой — «искусством анализа»). Анализ, как известно, — это деятельность, предполагающая разделение некоего информационного целого на отдельные части, которые могут быть изучены как по отдельности, так и во взаимоотношениях с другими частями. Или если говорить политико-философским языком, автор будущего текста, например, посвященного политическим решениям в том или ином государстве, должен провести вскрытие деятельности правительств и других институтов, связанных с властью и авторитетом, для того, чтобы получить представление о том, как работают отдельные части целого. Либо в случае задачи выявления мегатрендов глобального развития, мы можем рассмотреть все целое — например, международную систему для того, чтобы понять, как именно действуют ее отдельные части: государства, союзы государств, международные организации, политические лидеры и т.д. Как бы там ни было, **международно-политический анализ — это попытка понять, каким обра-**

зом властные отношения проявляются в отношениях между государствами или между правительством и обществом.

Политический анализ может осуществляться как в письменной, так и в устной форме. Поскольку речь пойдет об аналитической записке как варианте письменного текста, то мы будем исходить из того, что аналитик — это *производитель* анализа, и существует некий человек или инстанция, которые выступают в роли *потребителя* аналитической записки, иначе говоря — *адресата*. Стоит отметить, что грамотность, стиль и интеллектуальная аргументированность документа играют исключительно важную роль для его восприятия адресатом. В то же время в устном анализе очень часто форма (умение привлечь к себе внимание аудитории, яркость, образность, интонация, модуляции голоса, язык тела, даже внешний облик выступающего и т.д.) могут иметь более существенное значение, нежели содержание.

Кроме того, следует принять во внимание также некоторую ограниченность возможностей использования технических средств, например, программы «Power point». С одной стороны, она позволяет наглядно показать ключевые тезисы, с другой — внимание сосредотачивается на немногих, выделенных автором тезисах, в то время как содержательная сторона и логика рассуждений автора могут остаться «за кадром». Именно в случае аналитической записки, возможно, в большей степени, нежели в других жанрах аналитики «дьявол содержится в деталях».

Не следует понимать сказанное в том смысле, что письменный анализ всегда лучше устного — они просто разные. Однако письменный анализ позволяет поднять уровень анализа и сделать его более обоснованным. А это во многом объясняет, почему такая традиционная форма дипломатической информации как аналитическая записка продолжает сохранять свое значение и в век коммуникативных информационных технологий.

Некоторые предварительные замечания

Ученые и журналисты обычно включают политический анализ в свои статьи или книги, открытые для широкой публики.

В отличие от них, автор аналитической записки по международным вопросам, как правило, пишет для крайне узкого круга лиц, руководствуясь соображениями государственной безопасности, поэтому он изначально должен быть мотивирован защитой национальных интересов своей страны. Конечно, в ряде случаев интересы страны совпадают с интересами всего человечества или какого-то широкого международного сообщества, однако национальные интересы обладают безусловным приоритетом для аналитика-международника. Его позиция исходно патриотична: ***что данное событие или решение будет означать для моей страны? что оно ей даст?*** Это те вопросы, которые создают основу для анализа. Однако отнюдь не обязательно доказывать это в тексте — авторы и читатели, как правило, разделяют общие представления, поэтому какое-то дополнительное обсуждение этой темы будет излишним в деловом документе такого рода. Вынесем ее «за скобки», но будем руководствоваться именно этими посылами в процессе подготовки аналитической записки. Разумеется, формулирование национальных интересов — само по себе сложная задача, ибо в них необходимо включить помимо собственных представлений также личные взгляды, мировоззрение, исторический опыт, традиции, а также основные черты стратегической культуры лидеров, принятые документы, отражающие внешнеполитические доктрины страны.

Кроме того, предполагается, что и авторы аналитической записки, и ее адресат — ***эксперты в сфере внешней политики***, специалисты, возможно, по какой-то стране, о которой вы пишете, либо имеют довольно полную информацию относительно событий, в связи с которыми готовится документ. Это означает, что общие рассуждения остаются «скрытыми», что предполагает предельную конкретность текста. Таким образом, аналитическая записка готовится по отдельному, нередко «узкому» вопросу и обычно не содержит общих рассуждений.

По мнению многих профессионалов, политический анализ — скорее ремесло, нежели наука, т.е. это совокупность навыков, которыми можно овладеть благодаря систематической работе. Разумеется, аналитическая записка опирается на достижения социально-гуманитарных наук, однако она носит,

скорее, утилитарный характер. При этом содержательная сторона аналитической записки зависит не только от некоторых относительно простых правил ее организации, но и от специфики мыслительного процесса самого автора, особенностей его психики, индивидуальных навыков работы и умения привлекать внешние источники информации, критически пропускать ее через себя. Поэтому акценты автора записки во многом субъективны, отражают специфику его личностного восприятия мира. Аналитик — одновременно наблюдатель и участник политического процесса, что не означает, разумеется, допустимости предвзятости и неточности.

Иными словами, это не просто беспристрастная констатация (что требовалось бы, например, от справки); аналитическая записка не только не исключает, но даже предполагает довольно сильный авторский, субъективный элемент. Однако личностный элемент будет продемонстрирован через силу приводимых аргументов, а отнюдь не через эмоции. Другое дело, что здесь понадобится чутье, умение предвидеть развитие событий, почти эзотерические навыки, при этом всегда опирающиеся на логику и знания. «Шестое чувство», которое приводит мастеров к правильным выводам при недостатке данных, собственно, и отличает истинного профессионала от дилетанта.

Аналитическая записка создается в определенном контексте. Иными словами, она должна учитывать несколько факторов, оказывающих влияние на «среду», в которой работает аналитик. Назовем наиболее важные из них.

Во-первых, аналитик обычно находится в иерархической структуре относительно близко к лицам, принимающим решения. Поэтому его основная задача заключается в том, чтобы дать минимально необходимую, но достаточно исчерпывающую информацию для принятия соответствующего внешнеполитического решения. Иными словами, он должен научиться ставить себя на место лица или группы лиц, от которых зависит принятие соответствующего решения, учитывая их опыт, уровень информированности (в том числе, и в рассматриваемом вопросе), особенности психического склада, предысторию сложившейся ситуации и т.д. Что особенно важно для начинающих аналитиков, так это понимание того, что целый ряд

факторов, многие из которых могут быть неизвестны автору, способны оказать влияние на то, как аналитическая записка будет воспринята адресатом. В частности, это личная позиция адресата. Проще говоря, соответствуют ли выводы записки его (ее) собственным взглядам на обсуждаемый вопрос, влияние общественного мнения по данному вопросу, уровень экспертной оценки в вышестоящих организациях и т.д.

Если требования к записке не оговорены заранее, то разумнее исходить из того, что рекомендации по политическому поведению носят скорее желательный характер. Аналитик может быть недостаточно информированным в отношении других политических, экономических, правовых и практических ограничений, с которыми сталкиваются политики в процессе принятия решений. Более того, содержание записки и содержащиеся в ней рекомендации могут быть восприняты негативно, если они противоречат уже сложившемуся мнению. Отсюда проистекает необходимость для аналитика формулировать выводы в желательном, а не жестко требовательном, императивном ключе.

Во-вторых, поскольку в современных условиях большинство принимаемых решений так или иначе может оказаться в центре интересов гражданского общества, следует иметь в виду, что предложения и обоснования должны в определенной степени учитывать массовые общественные настроения, имеющиеся стереотипы, традиции, устоявшиеся взгляды — в том числе, и ошибочные — систему базовых ценностей, идеологические склонности, представления об идентичности, соответствие основной внешнеполитической доктрине, и т.д. Иными словами, аналитическая записка должна содержать не только предложения, но и способы легитимации предстоящих решений в общественном сознании, если речь идет о решении, затрагивающем стратегические интересы страны.

Традиционно считалось, что политический анализ направлен на реализацию трех целей: **информировать; объяснять** (предсказывать дальнейшее развитие событий) и **оказывать влияние** (давать рекомендации). Аналитические записки можно также различать с точки зрения их **содержания**, поставленных **целей** и разных **аудиторий**.

Таким образом, аналитическая записка готовится для того, чтобы:

- формально информировать адресата о позиции эксперта как основания для последующего принятия решения по внешнеполитическим проблемам или просто его информирования о неких событиях или процессах;
- представить возможное и оптимальное с точки зрения автора (что не исключает некоторой предвзятости) решение вопроса или уникальный (возможно, неожиданный) подход к разрешению конфликтной ситуации;
- определить рамки возможной дискуссии с тем, чтобы более четко обозначить «игровое поле»; это может поставить лица, ведущие переговоры, в более выигрышное положение по сравнению с теми, кто может оказаться не столь хорошо подготовленным по обсуждаемым вопросам.

Поэтому при подготовке аналитической записки автор должен:

- 1) привести свидетельства в поддержку своей позиции, например, статистические данные, свидетельства событий, цитаты из выступлений участников и т.д.;
- 2) обосновать свою позицию ссылками на авторитетные источники и цитирование первоисточников (например, документы);
- 3) сопоставить сильные и слабые стороны своей позиции;
- 4) оценить возможные варианты решения и предложить направление действий.

Целью аналитической записки, таким образом, является *определение проблемы или концепции*, а также *формулирование выводов, содержащих варианты ее решения*. С ее помощью мы пытаемся убедить адресата в том, что наши факты и выводы верны, стараемся, чтобы он разделил наши ценности, воспринял аргументы и согласился с заключениями и предложениями. Или скажем иначе. С помощью аналитической записки мы стремимся обеспечить поддержку экспертной точки зрения или предложения со стороны какой-либо инстанции.

Идеальная аналитическая записка является *полной, аккуратно подготовленной, содержащей точные, выверенные факты и данные*, а также *наиболее вероятное предсказание дальнейшего развития ситуации*; наконец, она *должна быть представлена в нужное время*, т.е. только тогда, когда проблема становится актуальной, но окончательное решение по рассматриваемому вопросу еще не принято.

Формат

Формат аналитической записки в ряде случаев определяет организация-заказчик. Тем не менее, всегда необходимо четко обозначить *название* записки, поставить *дату*, ее *цель* и т.д. Кроме того, следует *назвать себя в качестве автора*. Иногда это делается на титульном листе, иногда внизу в виде сноски, реже в конце текста, но это неудобно, когда будет необходимо найти автора записки, особенно подготовленной какое-то время назад.

Если записка выражает мнение какой-то группы, организации или комитета — то она пишется от коллективного лица (не «я считаю», «это мое мнение», а «мы считаем», «наше мнение сводится к тому...», «наша оценка» и т.д.).

Размер записки может варьироваться, тем не менее, *оптимальный вариант — не более 2—3 страниц (в некоторых ведомствах 7—12 страниц, однако в том случае, если каждый подраздел записки начинается с новой страницы)*. В случае большего размера она превращается в аналитический доклад, а это совершенно другой жанр. Однако истории известны случаи, когда аналитическая записка не выходила за пределы абзаца, но ее содержательная и эвристическая ценность многократно превосходила многостраничные рассуждения.

В случае если записка подается в электронном виде, она должна быть предварительно переформатирована в соответствии со стандартами организации. Обычно используется 12 или 14 размер шрифта.

Следует обратить внимание также на язык аналитической записки. Текст должен быть понятен не только для профессионалов, поэтому некоторые термины стоит заменить на обще-

употребительные. В противном случае придется давать пояснения, что обычно делается в приложении к записке.

Существуют определенные государственные стандарты подготовки документов, однако нужно принять во внимание, что аналитическая записка по международным проблемам имеет некоторые специфические особенности, сложившиеся в результате практики работы ведомств и структур, так или иначе связанных с внешнеполитической деятельностью.

Аналитическая записка, как правило, является официальным документом, поэтому на нее распространяются обязательные требования к оформлению официального документа, или, иначе, реквизиты. Они зафиксированы в нашей стране *ГОСТом 351141-98*. Это означает, что подобно другим официальным документам, ее оформление предполагает наличие некоторых элементов: **наименование документа (вид); автор/авторы; адресат; текст; дата; подпись; резолюция; гриф согласования/утверждения** и т.д. Разумеется, эти элементы несколько различаются в зависимости от цели, назначения и традиций, сложившихся в тех или иных ведомствах.

Следует отметить, что аналитическая записка существенно отличается от трафаретных и типовых документов, поскольку ее содержание излагается в виде связного текста. Автор (исполнитель) предлагает оригинальный текст, посвященный одному или нескольким вопросам, необходимым для принятия какого-то решения или информирования вышестоящих инстанций об определенных ситуациях или положении дел в той или иной стране.

Тем не менее, назовем основные ГОСТы., связанные с этой проблематикой:

- ГОСТ Р 6.30-97. Требования к оформлению документов;
- ГОСТ 2.105-95. Единая система конструкторской документации. Общие требования к текстовым документам;
- ГОСТ 7.1-84. Библиографическое описание документа;
- ГОСТ 7.12-93. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Сокращение русских слов и словосочетаний в библиографическом описании произведений печати.

В любом случае, чем лучше вы подготовлены, тем в худшем положении окажутся ваши оппоненты и тем более вероятно, что ваша аналитическая записка достигнет поставленной цели.

Фаза 1 (предварительная): выбираем тему аналитической записки

Выбирайте проблему, по которой имеется *очевидный раскол мнений* и которую можно *проиллюстрировать фактами на основе индуктивных рассуждений*. Можно взять тему, по которой у вас уже сформировалось собственное мнение. В любом случае, когда вы пишете об анализируемой проблеме, вы должны будете рассмотреть свое мнение с критических позиций.

Прежде чем приступить к написанию аналитической записки, определите изучаемый вопрос, тщательно сформулируйте его и редуцируйте. Начните с того, что конкретизируйте рассматриваемую проблему, сведя ее к какому-то крайне узкому подвопросу, что позволит вам подробно рассмотреть на данном этапе только один из элементов проблемы. Аналитическая записка редко бывает посвящена общим рассуждениям о мировых проблемах, глобализации, цивилизационном развитии и т.п. Кроме того, социальные проблемы, в том числе и международные, носят сложный характер и допускают множество вариантов разрешения. Отсюда необходимость в их дроблении.

Например, аналитические записки могут быть написаны на следующие темы:

- Вильнюсский саммит: «армянское измерение»;
- Россия в Арктике: возможности для сотрудничества с Канадой;
- Американские авианосцы — планы использования в глобальном контексте;
- «Мягкая сила» Обамы на Ближнем Востоке и т.д.¹

Таким образом, мы начинаем с постановки вопросов, которые вы хотели бы обсудить в своей записке. Поскольку весь текст аналитической записки будет направлен на достижение

¹ Названия записок позаимствованы из материалов РСМД.

одной (реже — двух и более) целей, то необходимо провести тщательную предварительную подготовку.

На первой фазе мы определяем *объект (предмет) анализа*, а также его *цель*. Иначе говоря, формулируем замысел аналитической записки. Это исходная фаза всякого исследования.

Фаза 2: сбор и анализ информации

Следующая стадия подготовки аналитической записки — стадия сбора исходной информации. Приступаем к чтению разнообразных источников. Однако мы не просто изучаем имеющуюся информацию по поставленному вопросу, а делаем это осознанно, под углом зрения сформулированной задачи, отбрасывая (иногда складывая отдельно — вдруг понадобится позднее?) все ненужное с точки зрения поставленной цели.

На стадии чтения материалов думайте над поставленными вопросами и определите:

- **Факты.** Составьте список имеющихся фактов, выстроив их по значимости. Спросите себя: какой информации не хватает в вашем списке фактов?
- **Источники**, которые подтверждают надежность фактического материала, а также литература, которая может помочь в анализе фактов;
- **Предрассудки и идеологические склонности** (ваши собственные и тех авторов, к которым вы обращаетесь), которые могут препятствовать достоверному изложению фактов и вопросов, что может привести к искажению проблемы и предложению ложных вариантов ее решения;
- **Авторская оценка** и размышления по поводу аргументов авторов текстов, которые вы изучаете;
- **Вопросы** и имеющиеся **предрассудки**, применительно к аудитории записки; составьте список предвзятостей и приведите контраргументы в отношении каждой из них;
- **Поддерживающие аргументы** каждой из участвующих в конфликте сторон, включая фактические данные, статистические свидетельства, авторитетные утверждения. Вы исходите из того, что базовые **концепты** вам хорошо зна-

комы, однако исследуйте все новые для вас концепты или их интерпретации, прежде чем определить точку, из которой вы начнете свое исследование;

- Назовите тех, **кто согласен** с вашим подходом и помогли в формулировании аргументов. Познакомьтесь с **противниками** вашей точки зрения для того, чтобы подготовиться к защите своих взглядов; суммируйте их аргументы и свидетельства, а затем опровергните их.

Во время проведения исследования не стесняйтесь консультироваться с экспертами. И, разумеется, совершенно обязательным является обращение к первоисточникам. Если вы ограничитесь пересказом чужих мнений — цена вашей записки будет невелика. Но и излишняя абстракция также мешает: еще Адам Смит предостерегал от чрезмерного увлечения абстрактными схемами. Ведь модели — это, в конце концов, вопрос веры. Известный философ науки Томас Кун пришел к выводу, что наука в основном работает лишь над подтверждением существующих моделей и проявляет слепоту, когда мир в очередной раз не вписывается в них. Не секрет, что иной раз мы так сильно верим в модели, что они приобретают реальный статус. Поэтому постарайтесь сформировать собственное видение проблемы или — если никак не получается — критично отнеситесь к готовым моделям. Почерпнув факты из разных источников, аналитик не просто их комментирует, а, используя разнообразные методы, интерпретирует.

Теперь уже пора приступать, собственно, к написанию *проекта*. Как можно теснее ориентируйтесь на результаты вашего предварительного исследования. На данном этапе можно забыть о стиле. Позднее вы вернетесь к тексту и отредактируете его.

Структура аналитической записки

Жестких требований к структуре аналитической записки обычно не выдвигают, однако существует вариант, более или менее признанный экспертным сообществом.

Аннотация. Кратко излагается *содержание документа; цели и задачи*, которые ставил перед собой аналитик, *причины и обстоятельства появления аналитического доку-*

мента, полученные в результате проведенного анализа *результаты* исследования, *узаконивание (обоснование) выводов*, сами *выводы*. Каждый из названных параметров начинается с «красной строки». Часто в аннотации также перечисляются основные источники информации. Тем не менее, следует иметь в виду, что размер аннотации не должен превышать 2/3 страниц формата А4 в случае, если записка большая (10—12 стр.). К малой записке размером 1—3 стр. аннотация обычно не делается. Как правило, печатается курсивом.

Содержание предполагает название всех частей документа с указанием страниц. Наличие содержания не является обязательным; часто авторы вслед за аннотацией непосредственно переходят к изложению текста. Международники, как правило, вообще начинают аналитическую записку с введения, опуская аннотацию и содержание, что связано с экономией места и времени читателя.

Введение

Первое предложение. Начните аналитическую записку с общего утверждения, которое должно привлечь внимание адресата — дилеммы, которую следует разрешить или жесткого формулирования проблемы.

Контекст. Вводится информация, необходимая для того, чтобы смысл записки был понятен адресату.

Утверждение тезиса. Сформулируйте свою позицию по рассматриваемому вопросу, которая будет в дальнейшем подтверждена свидетельствами и фактами в основной части записки.

Начните с одного-двух предложений, в которых суммируется смысл вопроса. Рассматриваемый вопрос должен быть четко определен. Кроме того, следует попытаться *с первой же фразы завладеть вниманием адресата* (первая фраза иногда может быть провокационной или интригующей).

Рассмотрите *варианты принятия решений, соотношение цены/результата* для каждой из участвующих сторон, а

также *социальный и политический климат* как контекст принятия внешнеполитического решения.

В отличие от автореферата диссертации, основные вопросы введения подзаголовками не выделяются, однако должны обязательно иметь место:

- Идентификация рассматриваемого вопроса, постановка проблемы;
- Основная идея аналитической записки, ее цель (целей может быть несколько, но лучше, если будет сформулирована единственная цель);
- Предназначение аналитической записки (т.е. адресат);
- Круг вопросов, которые предстоит рассмотреть в тексте записки;
- Методика, использованная при обработке информации. Это делается не всегда, однако бывают случаи, когда именно метод сбора информации имеет решающее значение. В этом случае, разумеется, методам уделяется внимание;
- Обратите внимание на то, что уже во введении ясно формулируется позиция автора аналитической записки.

Основная часть

Основная часть

Идея параграфа. Сформулируйте главную идею параграфа.

Поддерживающие свидетельства. Включите специфические текстуальные свидетельства: цитаты, перефразировка или обобщение; свидетельства, поддерживающие ваш тезис, взятые из других источников; интервью и т.д.

Анализ. Объяснение значения приведенных свидетельств для обоснования авторского тезиса.

Переход. «Связка» между отдельными параграфами осуществляется за счет одного-двух предложений, демонстрирующих, каким образом первая идея ведет ко второй и т.д., и как именно они совместно поддерживают позицию автора записки.

Основная часть может состоять из нескольких параграфов или абзацев (обычно, трех). В отдельных случаях может начинаться с некоторой информации по поводу предыстории ситуации, авторитетных свидетельств и включать изложение позиций участников, обсуждения спорного вопроса.

Каждый пункт начинается с общего утверждения позиции. Он должен содержать основную идею или концепцию, которая разъясняет раздел аналитической записки и подтверждается свидетельствами и фактами. Выдвигаются гипотезы, после чего обязательно осуществляется их обоснование (узаконивание).

Итак, основная часть аналитической записки включает следующие элементы:

- Фоновая информация: история вопроса, предшествующие варианты решения и т.д.;
- Свидетельства и факты. В качестве свидетельств могут выступать цитаты из первоисточников, статистические данные, интервью с экспертами, а также ссылки на вызывающие споры события и даты. Свидетельства с помощью индуктивных рассуждений должны привести к главной концепции или идее, представленной в параграфе;
- Рассмотрение вопроса под углом зрения участвующих или заинтересованных сторон.

Пункт завершается выводом, в котором вновь приводится утверждение своей позиции. Параграфы соединяются с помощью логических умозаключений. Постарайтесь постоянно помнить о своей точке зрения, которую вы пытаетесь доказать. Обратите внимание на логичность приводимых аргументов. Не делайте окончательных выводов раньше времени, оставьте их для заключения. *Мысль должна логично перетекать от одного параграфа к другому.*

Выводы

Выводы. Здесь должен содержаться обзор основных идей, представленных в аналитической записке. Выводы должны ясно демонстрировать ход вашего мышления. Здесь также предлагаются варианты разрешения проблемы, необходимые шаги, а также формулируются во-

просы, которые возникают после прочтения записки. Выводы не должны быть повторением основного тезиса, а должны показывать значение синтеза приведенной и проанализированной информации.

Таким образом, выводы должны включать следующие элементы:

- Непосредственно сами выводы. В выводах должны быть суммированы основные концепции и идеи, а затем из них сделан собственно вывод. Следует вновь вернуться к первому параграфу, а также основным пунктам аналитической записки. Они не дословно повторяют, а усиливают введение к аналитической записке. Именно здесь содержится предполагаемый курс действий и возможные варианты разрешения проблемы. ***Обратите внимание: выводы обобщают, а не повторяют предварительные умозаключения;***
- Прогноз на будущее;
- Предложения (рекомендации);
- Возможные варианты разрешения вопроса и их прогнозируемые последствия.

Еще раз возвратитесь к последовательности и логичности изложения аргументов, проверьте логичность аргументации. Советуем автору попробовать ответить самому себе на следующие вопросы:

- Удалось ли вам в выводах вновь утвердить основные идеи, представленные во введении?
- Удалось ли вам отразить последовательность по степени важности приводимых аргументов?
- Удалось ли вам логически выстроить их развитие и привести к заключительному выводу?

Ну и, разумеется, обязательно следует вычитать текст аналитической записки; не стоит доверять компьютеру орфографию и грамматику. Текст выводов печатается курсивом; объем не должен превышать 1 стр.

В идеале следует отложить записку на день-два и затем вернуться к ней, еще раз просмотрев свежим взглядом. Однако на практике это удастся довольно редко, поскольку, как правило,

международники готовят аналитические записки по «горящим темам». В этой связи следует особенно внимательно отнестись к ее содержательной стороне.

Существуют определенные стилистические требования к документам такого рода:

- Аргументы в записке опираются на установленные и доказанные факты;
- Ценностная позиция автора не вызывает сомнений и вполне ясно прочитывается между строк;
- Аргументы выстраиваются в соответствии с принципом приоритетности; то же относится и к поддерживающим их фактам и свидетельствам;
- Текст записки отличается прозрачностью, ясностью изложения, перегруженностью терминологией и наукообразием, не допускает двоякого толкования;
- Выводы и рекомендации предполагают их однозначное понимание.

Теперь, наконец, пришло время для окончательного взгляда на проделанную работу перед отправкой ее адресату. Следует ответить самому себе на следующие вопросы:

- Имеет ли записка смысл?
- Насколько убедительной она может быть для автора, для адресата?
- Согласится ли он с моими ценностями и собранными мною фактами?

Отредактируйте текст еще раз, исправьте ошибки; возможно, какую-то часть даже придется переписать еще раз. Проверьте орфографию и грамматику. Прежде всего, записку следует внимательно вычитать, не ограничиваясь указаниями на орфографические и стилистические ошибки, на которые вам указывает компьютерная программа. Следует также еще раз проверить все приведенные факты, географические наименования, упоминаемые имена и т.д.

В отдельных случаях к аналитической записке прикладывается приложение, содержащее глоссарий, статистические выкладки, математические расчеты, формулы, таблицы, графики, список сокращений и условных обозначений и т.д. По требо-

ванию руководства, аналитическая записка может также сопровождаться списком использованных источников, однако это делается довольно редко. Не забудьте подписать записку! Обычно это делается следующим образом:

- Исполнитель — И.И. Иванов, отдел стратегического прогнозирования. 20.11.2014. Указывается также номер документа.

И, наконец, не следует забывать, что в конце всякой аналитической записки должно быть указано имя исполнителя/исполнителей, его должности в организационной структуре, дата подписи, а также номера телефонов для связи (сегодня, как правило, служебного и мобильного).

После этого аналитическая записка обычно поступает на согласование к непосредственному руководству исполнителя. Обычно за этим следует некоторая коррекция документа по согласованию с исполнителем, который должен будет внести *необходимые уточнения и изменения. Отнеситесь к критике без обид — это всего лишь возможность совершенствовать свои профессиональные навыки!* Если критике подвергнуты изложенные вами факты — еще раз проверьте их и убедитесь в их надежности. В случае необходимости, приведите источники полученной информации.

В ряде случаев придется возражать и отстаивать свою точку зрения. Будьте готовы к этому. *Единственное условие — не воспринимать критику лично. Вам важно не самоутвердиться, а предложить наиболее убедительное решение проблемы.* Как правило, после этого исполнитель передает записку в 2-х экземплярах плюс электронная версия через своего руководителя вышестоящим инстанциям. В ряде случаях записка брошюруется.

Критерии оценки аналитической записки адресатом

Какими критериями руководствуется клерк, получивший вашу аналитическую записку, принимая решение, что ее необходимо показать начальнику и, возможно, переправить еще выше? Надеюсь, вы понимаете, что ваша аналитическая записка вряд ли сразу попадет на стол министру иностранных дел или прези-

денту страны? Вероятнее всего, она начнет свой путь восхождения к вершинам власти где-то на нижних этажах пирамиды.

Трудность здесь заключается в том, что эти критерии не могут быть определены однажды и навсегда — они меняются с течением времени в зависимости от множества факторов. Тем не менее, самое общее представление о них мы все же можем составить (и автор записки должен иметь о них представление).

В 1987 г. американский журнал «Стейт» проводил конкурс среди аналитиков, критерии которого позволяют получить более или менее ясную картину, как именно происходит оценка подготовленных материалов (оценка со стороны отечественных инстанций в определенной степени строится на сходных принципах). Эти критерии включали:

- Надежность источников информации;
- Репутация организации, представившей аналитическую записку;
- Релевантность;
- Аналитическое и интерпретативное содержание;
- Полезность записки в целом (записка актуальна по времени, соответствует интересам страны, может оказать помощь политикам, содержит точные предсказания или прогноз)²;
- Кроме того, отмечался также стиль изложения, знание и понимание культурного контекста, неожиданность и нетривиальность постановки вопросов.

И, разумеется, придется также принять во внимание субъективность оценки лица, принимающего решение относительно дальнейшего движения записки.

¹ *Smith, Raymond. The Craft of Political Analysis for Diplomats. Washington: Potomac Books. 2011. P. 62.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тренировочная матрица аналитической записки

Введение

Начните записку с **открывающего предложения** («крючка») относительно темы материала, который одновременно должен привлечь внимание адресата.

Подключите **контекст**. Вводится информация, необходимая для того, чтобы смысл записки был понятен адресату.

Утверждение **тезиса**. Сформулируйте свою позицию по рассматриваемому вопросу, которая будет в дальнейшем подтверждена свидетельствами и фактами в основной части записки. Чью сторону вы принимаете? Что вы хотите доказать в своей записке? Что вы собираетесь исследовать?

Структура одного из параграфов

Начнем с общей фразы в отношении темы аналитической записки, в которой раскрывается главная идея параграфа.

Запишите специфические текстуальные доказательства, а также свидетельства из других источников, которые необходимы для поддержки вашего тезиса.

Проанализируйте ваши доказательства: нужна фраза, показывающая значение этих доказательств. Как именно свидетельства поддерживают ваш тезис? Почему вы приняли решение включить данное доказательство в текст записки?

Не забудьте переходную фразу. Свяжите параграфы между собой одним-двумя предложениями, которые продемонстрируют, как одна идея приводит к другой.

Заключение

В заключении следует установить взаимосвязи]между тезисами. Следует вернуться к первоначальному тезису, однако не следует просто его повторять. Воспользуйтесь несколькими приведенными ниже вопросами, которые помогут вам это сделать:

- Предлагаете ли вы какое-то решение проблемы? Или это решение еще следует поискать?
- На какие вопросы все еще нет ответов?
- К каким более широким проблемам приводит вопрос, который вы избрали в качестве темы своей аналитической записки?
- Что адресат должен сделать, к каким выводам прийти в результате прочтения вашей записки?

Рекомендуемая литература

1. Smith, Raymond. The Craft of Political Analysis for Diplomats. Washington: Potomac Books.2011. — 174 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Т.А. Алексеева — д-р филос. наук, зав. Кафедрой политической теории МГИМО МИД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Лауреат Премии Правительства Российской Федерации в области образования;

Б.И. Ананьев — преподаватель Кафедры политической теории МГИМО МИД России;

Г.Г. Водлазов — д. филос. н., профессор Кафедры политической теории МГИМО МИД России, Вице-президент Академии политической науки;

К.Е. Коктыш — к. полит. н., доцент Кафедры политической теории МГИМО МИД России;

И.Д. Лошкарёв — преподаватель Кафедры политической теории МГИМО МИД России;

А.П. Минеев — канд. физ.-мат. наук, доцент Кафедры политической теории МГИМО МИД России, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса;

Д.А. Пареньков — преподаватель Кафедры политической теории МГИМО МИД России;

А.А. Чанышев — к. филос. н., доцент Кафедры политической теории МГИМО МИД России.

Актуальные проблемы политической теории и практики
Сборник лекций кафедры политической теории МГИМО
Выпуск 1. [Т.А.Алексеева и др.]

Ответственные редакторы
Г.Г. Водолазов, Б.И. Ананьев.

Книга подготовлена к печати
АНО «Редакция журнала «ЗНАНИЕ-СИЛА»
www.znanie-sila.ru

Бумага офсетная
Гарнитура NewtonС
8,5 а.п.л.
Тираж 70 экз.
Сдано в набор 20.06.2018
Подписано в печать 29.06.2018

Отпечатано в
АО «Т8 Издательские технологии»
109316, г. Москва,
Волгоградский пр-т, д.42, корп.5
Тел.: (495)322-38-31